

Российский государственный
исторический архив

Карамзинские
чтения

1

Карамзинские чтения

1

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2016

УДК 82.09
ББК 83.8(2)5
К21

Составители:
Н. В. Колосенкова, Ю. Е. Манойленко

Карамзинские чтения / [под науч. ред. С. В. Чернявского] ;
К21 РГИА. — Вып. 1. — СПб. : Издательский Дом «Гиперион»,
2016. — 180 с., [12] с. цв. ил.

ISBN 978-5-89332-273-6

В сборнике представлены материалы Первых Карамзинских чтений, прошедших в стенах Российского государственного исторического архива в мае 2016 г. и приуроченных к 250-летию со дня рождения выдающегося русского литератора и историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

В предлагаемых статьях и сообщениях на основании архивных документов XVIII–XIX вв. рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся биографии, окружения, культурной и просветительской деятельности Н. М. Карамзина.

Издание будет интересно как профессиональным историкам и архивистам, так и большому числу почитателей истории России.

УДК 82.09
ББК 83.8(2)5

© Российский государственный
исторический архив, 2016

© Оформление. ИД «Гиперион», 2016

ISBN 978-5-89332-273-6

Предисловие научного редактора

Указом 16 (27) июля 1712 г. было положено начало созданию Сенатского архива, приемником которого стал Российский государственный исторический архив (РГИА) — один из крупнейших в России и Европе. В его 1368 фондах насчитывают более 7 млн единиц хранения. Большой частью это документы по истории России XVIII — начала XX в.-

В декабре 2016 г. исполняется 250 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина — замечательного русского литератора и выдающегося отечественного историка. Человек широко образованный, принципиальный, высоконравственный и пронзительно честный, он стал непререкаемым авторитетом не только для близкого окружения, но для большого числа творческих людей своей эпохи, заняв среди них главенствующее положение. Чтобы это оценить, достаточно вспомнить, что современниками Николая Михайловича были такие столпы русской словесности как В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, И. А. Крылов, гениальный А. С. Пушкин, и это лишь самые известные нынешнему читателю имена.

По сути, Н. М. Карамзин — один из основоположников национальной русской литературы, считавший ее основой самобытную отечественную историю. Ему же принадлежит заслуга в становлении и развитии русского литературного языка, способного ясно и доходчиво отображать мысли и чувства, но при этом близкого и понятного не только его современникам, но и нам, ныне живущим.

Однако главным делом жизни Карамзина стала многолетняя работа над фундаментальным трудом — многотомной «Историей государства Российского». Этому предшествовал кропотливый и трудоемкий отбор и тщательное изучение всех доступных документальных источников, как в отечественных, так и в зарубежных архивных, библиотечных и личных собраниях.

Работа над «Историей...» продолжалась до последних дней жизни автора. К сожалению, Николай Михайлович не сумел закончить свой эпохальный труд, но и то, что удалось ему сделать, поражает своим объемом и совершенством. «История...» Н. М. Карамзина получила самую высокую оценку не только профессиональных историков, но и всех просвещенных современников, читавших это выдающееся произведение. Оно стало не просто удивительно интересным информативным источником по отечественной истории,

но и выдающимся литературным произведением, написанным замечательным русским языком. Великий А. С. Пушкин сказал об этом: «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

Среди миллионов документов, хранящихся в фондах РГИА, особое место занимают документальные свидетельства жизни и творчества нашего выдающегося соотечественника. В фонде Н. М. Карамзина отложились статьи, записки, личная переписка с известными современниками, рукописи эпохального труда по истории Отечества.

В архивных фондах хранятся геральдические документы рода Карамзиных, в том числе родословная, составленная лично поручиком Карамзиным и в 1799 г. представленная им в Герольдию. Здесь же императорские указы о поощрении в разные годы деятельности российского историка, о производстве его в чины и грамоты на пожалованные ордена, а также прочие важные и интересные свидетельства карамзинской эпохи.

Все вышеперечисленное предопределило проведение в юбилейном году в стенах Российского государственного исторического целого ряда интересных и важных мероприятий, посвященных замечательному событию в истории нашего Отечества — юбилею Николая Михайловича Карамзина. В их числе прошедшие в мае 2016 г. первые Карамзинские чтения, вызвавшие большой интерес как у профессиональных историков и архивистов, так и у большого числа почитателей отечественной истории. Это мероприятие стало знаковым для РГИА, положив начало регулярному проведению Карамзинских чтений, которые мы предполагаем сделать традиционными и организовывать не реже одного раза в два года, вынося на обсуждение вопросы, связанные с российской историей. Итогом первых Карамзинских чтений стала публикация выступлений их участников, с которой мы с удовольствием знакомим наших читателей.

Следующие Чтения пройдут в 2018 г. и будут посвящены судьбам членов семьи дома Романовых. Можно по-разному относиться к правившей более 300 лет династии, однако остается бесспорным, что за эти годы вместе с Россией и ее народом Романовы прошли огромный путь, отмеченный как трагическими, так и героическими событиями в судьбе нашего государства.

Уверены, что интерес к Карамзинским чтениям проявит большое число потенциальных участников, как специалистов, так и людей, искренне увлеченных изучением истории своего Отечества.

Директор Российского государственного исторического архива
кандидат исторических наук, доцент *С. В. Чернявский*

Выступает
С. В. МIRONENKO

Выступает
Ю. Е. МАНОЙЛЕНКО

Участники конференции

Выступает Т. В. Богданова

Г. Ю. АФАНАСЬЕВ

**«Перед лицом стихии»:
государство и общество России
в ликвидации последствий
Петербургского наводнения 1824 г.**

Тема петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. является одним из весьма изученных сюжетов в истории Северной столицы начала XIX в.¹ Уделяя повышенное внимание драматическим описаниям этого экстраординарного события, исследователи зачастую упускали из виду тот аспект, что последовавшее устранение его ущерба является фактически первым примером общероссийского государственного и общественного взаимодействия, направленного на ликвидацию последствий масштабного регионального стихийного бедствия чрезвычайного характера, ощутимо влияющего на положение городского социума. В свете обострения внимания современного общества к проблемам экологического характера, изучение исторического опыта реагирования социальных структур на вызовы стихии представляется крайне актуальным.

Итоги произошедшего наводнения для столицы Российской империи были весьма неутешительными: пострадали восемь частей Санкт-Петербурга, пригородные густонаселенные деревни, а также город Кронштадт и прибрежная часть города Ораниенбаума². Ощутимый урон был нанесен дворцовым резиденциям в Петергофе и Екатерингофе, заводским предприятиям города, полковым квартирам гвардейских соединений, военно-учебным заведениям, однако, большими по масштабу были разрушения жилой застройки столицы. Стихия полностью разрушила 324 дома и повредила 3257 разных строений (т. е. нанесла ущерб половине всех имевшихся зданий города), на длительный срок остановила производительную деятельность

¹ См., например: *Каратыгин П. П.* Летопись Петербургских наводнений. 1703–1879 гг. СПб., 1888; *Мясникова Л.* «Петербургу быть пусто»: наводнения в Северной столице // *Родина*. 2003. № 1. С. 104–107; *Померанец К. С.* Наводнения в Петербурге. 1703–1997. СПб., 1998.

² *Померанец К. С.* Три века петербургских наводнений. СПб., 2005. С. 39. (Три века Петербурга).

трех крупных заводских предприятий города. Только по предварительным официальным данным в результате наводнения погибло от 208 до 480 человек, по неофициальным подсчетам число жертв определялось в 4000 человек³. В пригородах погибло еще 224 человека и было разрушено 114 построек. В Кронштадте было уничтожено 29 и сильно повреждено 196 домов, погибло 120 человек (неофициально — 450). Из стоявших в кронштадтской гавани главных сил Балтийского флота получили сильные повреждения и впоследствии выбыли из строя порядка трети состава военных кораблей⁴. Существенный ущерб был нанесен товарам и продовольственным запасам столичного города-порта. Из 94 судов, стоявших в торговой гавани Петербурга на момент наводнения, удалось спасти только 12. В пакетах Биржи наводнением было уничтожено 480 т сахара, хлебного вина на 500 000 руб., было подмочено 9600 т экспортной пеньки. Все городские запасы крупы и овса оказались не годными к употреблению. Во время наводнения погибло 3606 голов домашнего скота⁵.

Необходимость оказания срочной помощи гражданскому населению столицы в условиях надвигающихся зимних холодов проводила власти на создание чрезвычайного управления с особыми полномочиями. По личному распоряжению императора 8 ноября 1824 г. «по случаю подаяния деятельных пособий и ввиду истребления мостов и затруднения сообщений между частями города» под начальство генерал-губернатора столицы графа М. А. Милорадовича были назначены генерал-адъютанты А. Х. Бенкендорф, граф Е. Ф. Комаровский и Н. И. Депрерадович с полномочиями военных губернаторов на Васильевской, Петербургской и Выборгской сторонах. В их прямое подчинение были отданы силовые подразделения, казенные продовольственные магазины, дровяные склады и медицинское хозяйство этих частей. 10 ноября 1824 г. по высочайшему повелению императора министру финансов назначенным военным губернаторам было выдано по 100 000 руб. на первичные расходы

по организации помощи пострадавшим от наводнения. Полномочия военных губернаторов в этих частях города продолжали действовать до апреля 1826 г.⁶

13 ноября 1824 г. был опубликован высочайший рескрипт императора члену Госсовета князю А. Б. Куракину с предписанием ему организации централизованной системы привлечения и распределения материальной помощи пострадавшему населению путем учреждения для этого «Комитета о пособии разоренным наводнением Санкт-Петербурга». В рескрипте объявлялось «о мерах скорой и существенной помощи наиболее разоренным и неимущим, для чего выделяется миллион рублей из сумм, составленных от сбережений хозяйственным устройством военных поселений»⁷. Кроме того, данный рескрипт декларировал программу неотложных государственных мер относительно пострадавшего населения: «...Правительство не может вознаградить все утраты сего бедственного дня, но доставление скорой и существенной помощи наиболее разоренным и неимущим я вменяю себе в священный долг: они имеют ближайшее право на отеческое мое попечение... Мое неперменное веление состоит в том, чтобы первым делом Комитета было доставление прибежища и содержания лишенных покрова и пищи, и вообще, чтобы пособия из назначенного капитала оказуемы были тем единственно, для коих по совершенной бедности они необходимы»⁸. В Комитет, помимо князя А. Б. Куракина вошли: военный министр граф А. А. Аракчеев; военный губернатор города граф М. А. Милорадович; комендант Петропавловской крепости, генерал от инфантерии А. Я. Сукин; министр финансов Е. Ф. Канкрин; начальник Морского штаба е. и. в. вице-адмирал А. В. Моллер, митрополит Петербургский и Ладужский Серафим, а также два выборных от купечества. На местах образовывались территориальные комитеты городских частей и подчиненные им комитеты кварталов, состоящие из членов благотворительных обществ, церковных старост и представителей от дворянских и городских корпораций. Отдельные частные комитеты были образованы для пригородов столицы и Кронштадта⁹.

³ Голант В. Я. Укрошение строптивой. Л., 1966. С. 74. Численность жителей города на момент 1 декабря 1824 г. по полицейским данным сократилась на 3625 человек, что слишком велико для месячного колебания (см.: Аллер С. Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа ноября 1824 года. СПб., 1826. С. 21).

⁴ См.: Бочаров А. А. Балтийский флот и петербургское наводнение 1824 г. // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 86.

⁵ Аллер С. Описание наводнения... С. 10, 16.

⁶ См.: Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990; Из истории наводнения в Санкт-Петербурге в 1824 г. // Русская старина. 1904. Янв. С. 231.

⁷ Померанец К. С. Три века петербургских наводнений. С. 21.

⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 378. Л. 342–343.

⁹ Комаровский Е. Ф. Записки... С. 83.

Основную задачу для этой разветвленной структуры власть видела в освидетельствовании ущерба от наводнения, распределении денежных компенсаций и надзоре за их правильной реализацией населением. Права на получение пособий от комитетов распространялись не на все группы населения (духовные лица и служащие ведомства получали пособие непосредственно от Святейшего Синода, выдача которого не контролировалась комитетом) и в основном касались компенсации за погибшее имущество. Несмотря на то, что на компенсации и пособия могли рассчитывать все сословия кроме дворовых, состоящих при господах, проживающих в Санкт-Петербурге, их доступность для населения была неравномерной. Социальная помощь понималась почти исключительно в призрении несовершеннолетних сирот; продолжительных пособий (пенсий) за погибших не выдавалось. Даже за потерю единственного кормильца в семье продолжительность пособия была не свыше шести месяцев и составляла от 8 до 12 руб. ассигнациями в зависимости от возраста погибшего. Не было предусмотрено организации гарантированной занятости для пострадавших малоимущих слоев населения, что делало их крайне уязвимыми в виду возникшей высокой конкуренции на рынке труда и услуг (в связи с большим притоком сторонней рабочей силы) и объективно лишало дополнительных средств к существованию. Огромную роль в определении размера пособия играл служебно-корпоративный статус просителя. Чиновникам, пострадавшим в результате наводнения, одновременно могло быть выдано личное пособие на сумму не более 1000 руб., тогда как мещанам и купцам — не более 600, а крестьянам — не более 300 руб. На компенсацию имущества могли претендовать лишь те, у кого его потери составляли более 1/5 части от каждого из его видов в отдельности¹⁰.

В первые дни военными губернаторами частей города было налажено обеспечение нуждающегося населения продовольствием, открытой раздачей горячей пищи, а затем, к концу месяца, с помощью финансовых субсидий местным торговцам и пекарям и продаже населению хлеба из запасов военных магазинов были установлены твердые цены на продукты питания¹¹. Срочная потребность в восстановлении жилищ в условиях наступления зимних холодов вызвала

резкий скачок оплаты строительных, отделочных и уборочных работ (в ноябре 1824 г. цены подскочили в шесть раз). Оперативная мобилизация подрядов казенных мастеров из военных поселян и солдатских команд, выполнявших работы по благоустройству по фиксированной цене, остановила непомерный рост цен на восстановительные работы. Эта мера, а также приток мастеров-отходников из других мест позволили увеличить темпы восстановления ущерба жилищного хозяйства в рамках разумной ценовой политики¹².

К 11 декабря 1824 г. были собраны первые добровольные денежные пожертвования в Московской (100 000 руб.), Нижегородской (3000 руб.) и Казанской (5000 руб.) губерниях. Пожертвования собирались местной администрацией по представлениям городских дум и корпораций при отсутствии бюджетных препятствий и пересылались в распоряжение комитета по почте¹³. Отдельно от комитетского потока пожертвований шли сборы на Воспитательный дом призрения пострадавших при наводнении, организованный ведомством императрицы Марии Федоровны по ее личной инициативе для детей, потерявших родителей. По этой линии пожертвования поступали от высших (Дерптского университета — 4160 руб.) и средних учебных заведений (училищ Курляндской губернии — 2000 руб.; Полтавского института благородных девиц — 1625 руб.), а также от частных лиц. Всего в фонд Воспитательного дома было пожертвовано 181 926 руб., из которых только чуть более трети было собрано при помощи административного ресурса¹⁴. Частные подписки в фонд Комитета проводились в среде дворянства Курляндской губернии (10 000 руб.), поданных Царства Польского (6400 руб.). Помимо императорской семьи крупные частные пожертвования в фонд Комитета и на содержание Воспитательного дома императрицы Марии Федоровны были сделаны статс-дамой графиней Н. П. Чернышевой (30 000 руб.), графом Д. Н. Шереметьевым (15 000 руб.), князьями Демидовыми, А. Б. Энгельгардтом (5000 руб.), графиней А. Г. Лаваль (7000 руб.), графом В. П. Кочубеем (10 000 руб.)¹⁵. Пожертвования не ограничивались

¹² Там же. С. 43–44.

¹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 379. Л. 152, 634–635.

¹⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 1–1 об., 7–9 об.; Ф. 535. Оп. 1. Д. 30. Л. 418–419; Аллер С. Описание наводнения... С. 187.

¹⁵ Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX века) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. С. 320.

¹⁰ Аллер С. Описание наводнения... С. 145, 148, 173.

¹¹ Там же. С. 36, 42.

кругом российских подданных — сумму в 10 000 руб. на помощь пострадавшим от Петербургского наводнения перевел в Комитет австрийский Банкирский дом баронов Ротшильдов. В качестве временных квартир для размещения пострадавших рабочих казенного чугунного завода за Нарвской заставой, фактически уничтоженного наводнением, в ноябре 1824 — феврале 1825 г. с разрешения владельцев использовались дворянские имения «Знаменка» А. Л. Нарышкина и дача графа И. И. Воронцова-Дашкова на Петергофском тракте¹⁶. По благотворительным пожертвованиям царя, знатных и богатых персон Комитетом было собрано 4 066 486 руб. Эта сумма пошла на помощь 53 529 жителям города¹⁷.

Объем пожертвований был столь велик, что зачастую материальная помощь, предназначенная Санкт-Петербургу другими губерниями, оставалась в этих же регионах в качестве пособия потерпевшим от стихийных бедствий, обрушившихся на них в конце 1824 — начале 1825 г.: так было с продовольственной помощью от Курляндии и Малороссийских губерний, отданной пострадавшим от урагана в городе Либава и наводнения в уездах Черниговской губернии¹⁸.

Запросы на возмещение ущерба от наводнения 7 ноября 1824 г., поданные даже от официальных учреждений проходили очень строгую проверку в комитетах. Так, например, Санкт-Петербургской театральной дирекции, оценившей свой ущерб в 74 982 руб., он был возмещен только в размере 20 000 руб., поскольку директор театральных зрелищ в Петербурге «...не мог лично освидетельствовать действительность потери каждого и справедливость оценки вещей, кои большей частью уже не новы были...»¹⁹. В то же время, возникший финансовый поток, слабо контролируемый с точки зрения надзорных практик тех лет, был удобен для разного рода денежных злоупотреблений и махинаций. Лейтенант 8-го флотского экипажа Д. И. Завалишин (впоследствии осужден по делу декабристов), спасший в день наводнения около 700 жителей города, писал: «Наводнение помогло многим плутам спрятать концы своих воровских дел. Долго спустя после наводнения на него складывали потерю и порчу

материалов, которых не было и налицо, и уничтожение дел и отчетных книг, которые, может быть, и не велись даже вовсе»²⁰. Разбирательства, спровоцированные необходимостью восстановления ущерба от наводнения, приводили к открытию давних злоупотреблений и отставкам должностного начальства высшего ранга²¹.

В целом можно отметить, что результаты ликвидации последствий Петербургского наводнения, длившейся около полутора лет, оказались вполне удовлетворительными. Оперативная организация первой помощи населению с опорой на командные принципы и активное использование армейских ресурсов позволила в сжатые сроки ликвидировать наиболее вероятные последствия гуманитарной катастрофы (эпидемические заболевания, голод). Оправдала себя и система организации сбора финансовых средств, основанная на использовании властью гуманистических и благотворительно-филантропических порывов влиятельной, образованной и благородной части общества и давшая в короткие сроки в руки властей весьма большие суммы. Вместе с тем, последующее их распределение в виде материальной помощи и компенсаций, основанное на централизованном бюрократическом контроле с приоритетной ориентацией при их отпуске на корпоративные устои, мало способствовало поддержанию малоимущего большинства городского населения. Огромные средства с весьма несовершенной системой их социального распределения создавали идеальные условия для расцвета должностных злоупотреблений.

¹⁶ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 10. Л. 16; Ф. 37. Оп. 2. Д. 18. Л. 12.

¹⁷ Померанец К. С. Три века петербургских наводнений. С. 39.

¹⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 503. Л. 528–528 об.; Ф. 1287. Оп. 1, ч. 2. Д. 1973, Л. 37.

¹⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 367. Л. 43–43 об.

²⁰ Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 114.

²¹ Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I. СПб., 1896. С. 12.

О. В. БАЕВ

Н. М. Карамзин и Д. А. Гурьев: союзники или оппоненты?

В 1811 г. Николай Михайлович Карамзин представил императору свою записку «О древней и новой России». В ней он затронул и финансовые проблемы империи. В частности, Карамзин подверг критике признание государственным долгом наряду с внешними займами «в Голландии или в других землях» и ассигнаций, что, по его мнению, привело в том числе к уменьшению доверия «иностранных инвесторов» к «сомнительным векселям»¹. Не соглашался автор и с идеей уменьшения ассигнаций в обращении².

Дмитрий Александрович Гурьев возглавлял Министерство финансов с 1810 г. и получил эту должность при содействии государственного секретаря М. М. Сперанского, который в течение первых двух лет деятельности нового министра был «истинным руководителем государственных финансов»³.

При этом существует точка зрения, что Гурьеву не нравились постоянные вмешательства Сперанского в вопросы финансовой политики и он способствовал его удалению от власти⁴. Сыграл свою роль в отстранении Сперанского от служебных обязанностей и Карамзин.

Казалось бы, после отставки Сперанского Гурьев откажется и от реализации его «Плана финансов», в том числе и в отношении государственного долга. Однако начавшаяся вскоре Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. отложили финансовые преобразования до лучших времен.

К финансовым преобразованиям правительство приступило только в 1816 г. 17 марта 1816 г. Гурьев доложил Александру I о тяжелом положении русских финансов и император повелел составить общий план финансов.⁵ В этом Плате Гурьев отмечал, что «в настоящее время займы признаны удобнейшим способом к возмещению чрезвычайных военных издержек» и для предотвращения умножения государственных долгов предложил назначить специальный источник дохода для их уменьшения в размере от 2 до 3% от общей суммы⁶.

17 апреля 1816 г. План был высочайше одобрен, и в соответствии с ним управление всеми государственными долгами возлагалось на Комиссию погашения долгов под непосредственным начальством министра финансов⁷.

К 1817 г. количество выпущенных ассигнаций достигло 836 млн руб.⁸ 20 марта 1817 г. Гурьев подал записку, в которой предлагал централизованно выделять на выкуп ассигнаций и платеж процентных долгов 60 млн руб. ежегодно и сосредоточить все операции по погашению долгов в Комиссии погашения долгов. В ней предлагалось создать два отделения, ведающих соответственно платежом процентом и выкупом капиталов (с максимальной выгодой для казны). Кроме того, новые государственные займы должны были заключаться в соответствии с Уставом Комиссии погашения долгов⁹.

Для изъятия ассигнаций из обращения предполагалось использовать внутренние и внешние займы, доходы с государственных имуществ и т. д.¹⁰ Д. А. Гурьев был сторонником теории фритредерства, одним из главных принципов которого было: «Страна, нуждающаяся

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 75–77.

² Там же. С. 84.

³ Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 30, 31.

⁴ Семенов А. В. Министры финансов России (от Васильева до Витте) // Министерству финансов России 190 лет. М., 1993. С. 33.

⁵ См.: Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 63, 64.

⁶ Проект общего плана финансов // РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 41–41 об., 45 об. – 46 об.

⁷ Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов... С. 68, 71.

⁸ Рожкова М. К. Экономическая политика правительства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С. 367.

⁹ [Гурьев Д. А.] О государственных долгах и Комиссии погашения долгов // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. 1866. Т. 3. № 11–12. С. 91, 92.

¹⁰ Хромов П. А. Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства. М., 1988. С. 201.

для своего экономического развития в денежных капиталах, должна домогаться внешних займов, а не избегать их»¹¹.

10 мая 1817 и 16 июня 1818 г. выпущены два 6%-ных внутренних займа. Они были заключены в форме приема добровольных вкладов в Государственную комиссию погашения долгов как от российских, так и от иностранных граждан, причем за 85 руб. в пользу вкладчика вписывалось 100 руб.¹² В результате при общей нарицательной сумме обоих займов в 114 820 459 руб. асс. в действительности выручено было всего 97 128 140 руб. асс.¹³ Билеты на вклады, вносимые иностранцами, выдавались на французском языке, а их передача оформлялась российскими консулами¹⁴. В связи с этим 5 июля 1818 г. министр финансов дал соответствующие предписания российским генеральным консулам в Амстердаме, Париже, Лондоне и Данциге¹⁵. 26 ноября 1818 г. иностранным капиталистам было разрешено вносить в число вкладов квитанции Монетного двора о предоставлении соответствующего количества золота или серебра.¹⁶

Вкладчиками по 1 займу 1817 г. числились известные банкирские дома «Baring Brothers & Co», «Ротшильд и сыновья», амстердамские банкиры «Кудер и Брантс», «Норе & Со», Герардус Бланке, Ян и Виллем Виллинке, Муилман Могге и «Кетвих и Фомберг», жители Амстердама Карнелиус ванн Тваст, Сара Маргарета ван Нотен, Абрам де Гец, Виллем Горкамер, вдова В. Борски, Ян Броувер, Потерсон Николаас Гизелаар, Ассендельфт ванн Дейц, Эмануэл Кападос, Николас Мюилман, Роберт Мельвилл, Соломон и Абраам Раальте, Людвиг Реутер, Соломон Рендорп, Виллем Роелла, Чарльз Рикаби и «Браунсберг и Ко», Ян ван Гооп из Роттердама, Виллем Вееде из Гравеланда, Корнелий Вольф, Гудриан фон Тетс, Йонкгер Уфорд из Хаарлема, Корнелиус Петр ван Эмдра, Элиза Лауренса Рам, Ян Андрей Бархман Вуйтис, Эверард и Ян Коль, Питер Антони Гинлопен, Христиан Сандерсон и жена его Катерина, Гендрик Адриан Гейвель и жена его Иоганна Питронелла из Утрехта, Петр

Гемерен, Гедрикус Куйперс, Корнелиус Кнеппелгоут и А. А. Пит из Лейдена, Луис Жан Эжен Мертенс из Гента, Сибилла Мария Мейер и Гендрик Арноуд Лан из Эмнаса, бургомистр города Гравенгагена Доeverен, Франсуа Лефевр, Иосиф Лейсен и просто Стевенс из Антверпена, А. Б. Локсма из Лесуваардена, Антониус и Ян Константин Дрисены из Лееваурдена, Полин ванн Нуланд из Дордрехта, Стенграат Остерланд из Гааги, голландские купцы Генри Гови, «Инсингер и Ко» и Т.А. ван Иддекинге, Адольф Дрилинг и Эмилиус Иоганнес Фафф просто «из Голландии», жители Бремена Франц Гиндеман, Иоганн Флоренс Моллеус, вдова Агнета Верспик, Герард Гейман, Франц Ертборн, Герман Генрих Мейер и Даниэл Тидеман, «Струве и Ко» из Берлина, Яна Фирнгабер из Ганновера, мекленбургский подданный Грауман, Томас Броун из Шотландии, «Галдиманд и сыновья», «Герман и Ко», Антони Гаммонд, баронет сэр Джон Уильям Любок, Уильям Тиндала, Джордж Чолмонделей и Томас Шарплес из Лондона, Уильям Джардат из Кингстона, Джордж Джаксон из Витчурча, Джон Сванн из Йорка, Ричард Саумарез из Ньюингтона, Томас Паркин и Ричард Роберт Смит из Скарборо (Йоркшир), Джон Тодд из Гамстеда, лондонский купец Генри Коп, английские купцы Джон Джубб, Исаак Леттендаль, великобританские подданные Джон Вестлий, Пастор Спенсер, просто «англичанин» Джеймс Стюарт, Шарль Дюнанд, Франсуа Джулис Микелли, Жан Жак Роше, Боасвер Риве, Альберт Сарасин из Женевы, «Вейс Форкарт и сыновья» из Базеля, Август Генри Саладин из Парижа, «иностранные купцы» Каспер Блумер и просто «иностранец» Вильгельм Машмеер и Томас Понжис¹⁷. 6%-ные билеты Комиссии погашения долгов обращались в Голландии по меньшей мере до середины XIX в.¹⁸

В 1818 г. Н. С. Мордвинов предложил привлечь в Россию частные капиталы и за счет этих средств выплатить внешние долги¹⁹. Но дело ограничилось тем, что билеты займа 1818 г. на 2 млн ф. ст. были размещены в Англии при посредничестве банка «Baring

¹¹ Матвеев В. В. Законодательное оформление кредитно-финансовой системы России в середине XIX века // История государства и права. 1999. № 3. С. 3.

¹² РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 188. Л. 2.

¹³ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. С. 59.

¹⁴ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 188. Л. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 188. Л. 13, 14.

¹⁶ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 188. Л. 29.

¹⁷ Список о вкладчиках, записанных в Государственную долговую книгу с открытия вновь образованной комиссии погашения долгов // РГИА. Ф. 643. Оп. 1. Д. 505.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 1423, 1580, 1994.

¹⁹ Мордвинов Н. С. Проект английского займа // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6. С. 250–252.

Brothers»²⁰. Участие «Baring Brothers» в размещении русского внутреннего займа объясняется их связями с банком «Штиглиц и Ко» в Петербурге²¹.

«Количество оставшихся в обращении ассигнаций к 1820 г. уменьшилось до 719 млн руб. В этом же году состоялся новый внешний металлический заем для снабжения внутреннего денежного обращения годными монетами, выдаваемыми взамен поступивших по установленному выкупному курсу ассигнаций»²². По свидетельству А. И. Рибопьера, некоторые современники (в частности, граф Каподистрия и английский посол Вальполь) открыто заявляли, что «подобная операция невозможна в стране указов»²³.

16 августа 1820 г. министру финансов был дан высочайший указ «Об открытии нового займа в 40 000 000 рублей серебряною банковною монетою», в соответствии с которым на основании ст. 71 Устава Государственной комиссии погашения долгов утверждались условия заключенного с банкирами «Baring Brothers» в Лондоне и «Hope & Co» в Амстердаме займа, в соответствии с которыми ежегодно уплачивались проценты «по 5 на 100», сумма 40 млн руб. серебром вносилась в Государственную долговую книгу в разряд долгов бессрочных, платеж процентов производился с 1 марта 1821 года, ежегодно в 2 срока (с 1 по 15 марта и с 1 по 15 сентября) из Государственной комиссии погашения долгов, поступающие на основании заключенных условий в счет сего займа суммы по мере их поступления обращались в ассигнации для предания их сожжению, сумму же, «потребную на производство непрерывных доходов равно и 2% на капитал погашения сего займа, отделить ежегодно из 30 млн руб., вообще на погашение ассигнаций назначенных, из доходов государственных имуществ»²⁴.

В соответствии с условиями договора с упомянутыми банкирами номинальная сумма займа 40 млн руб. сер. вносилась в Государственную долговую книгу в три срока, а именно: 13 250 000 руб. сер.

с 1 сентября 1820 г.; 13 500 000 — 1 марта и 13 250 000 — 1 сентября 1821 г. Из номинальной суммы 40 млн руб. банкиры «Baring Brothers & Co» и «Hope & Co» обязывались доставить лишь 28 800 000 руб. сер., т. е. 72%. Взносы этой суммы они должны были начать с 1 октября 1820 г. и закончить к 1 апреля 1822 г., т. е. в течение 18 месяцев, внося каждый месяц по 1 600 000 руб. сер. Четверть этой суммы должна была поступать в Петербург, а 3/4 ежемесячно переводились в Лондон (за них Беринги платили по 4% годовых). За месячные платежи банкиры получали 3% (т. е. 48 тыс. руб. сер.) за комиссию и другие издержки²⁵.

Как указывал министр финансов Гурьев, «заем сей учинён в звонкой монете по тому уважению, что сим способом всякое возвышение достоинства ассигнаций может обратиться к пользе правительства и сделать более выгодным условия займа»²⁶.

По займу 1820 г. к 1 января 1821 г. поступило 13 250 000 руб. сер.²⁷, 1 марта — еще 13 500 000 и 1 сентября — 13 250 000 руб. сер.²⁸, а по высочайшему указу от 5 мая 1822 г. было записано еще 106 500 руб.²⁹ Таким образом, всего в Государственную долговую книгу было записано 40 106 500 руб. сер.³⁰, однако правительство получило всего 68,39% номинальной суммы займа или 27 356 000 руб. сер.³¹ 3% составила банкирская комиссия «Hope & Co» и «Baring Brothers & Co», 163 390 руб. 66 коп. получили «Штиглиц и Ко» за досрочные взносы и 92 700 руб. 29 коп. — маклеры при Государственной комиссии погашения долгов за продажу на бирже тратт комиссии³².

²⁰ Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975. С. 83.

²¹ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVIII в. — 1861 г.). М., 1958. С. 235.

²² Познанский И. С. Денежное обращение в России. СПб., 1888. С. 8.

²³ Рибопьер А. И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 2, вып. 5. С. 5.

²⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 37. № 28381. С. 412.

²⁵ Отчет Государственных кредитных установлений за 1822 год. СПб., 1824. С. 26–28.

²⁶ Отчет Государственных кредитных установлений за 1820 год. СПб., 1821. С. 6.

²⁷ Отчет Государственной комиссии погашения долгов за 1820 год // РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 286. Л. 6.

²⁸ Отчет Государственной комиссии погашения долгов за 1821 год // РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 328. Л. 5.

²⁹ Отчет Государственной комиссии погашения долгов за 1822 год // РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 346. Л. 4.

³⁰ Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009. С. 245.

³¹ Канкрин Е. Ф. Краткое обозрение российских финансов. 1838 год // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 31. С. 120, 121.

³² РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 346. Л. 28, 39.

На основании же высочайших указов от 7 октября 1821 г. и 7 февраля 1822 г. из суммы займа на счет Государственного казначейства было отнесено 8 764 008 руб. 18½ коп. сер., остальная же часть займа употреблена была на погашение ассигнаций. В 1820 г. за счет средств займа было сожжено ассигнаций на 16 851 394 руб. 39 коп., в 1821 г. — на 30 000 000 руб. и в 1822 г. предполагалось сжечь на 21 280 199 руб. 73 коп.³³

Таким образом, Гурьев вряд ли может считаться союзником Карамзина в отношении основных вопросов экономической политики Российской империи. После отстранения от власти Сперанского сохранивший свою должность министр финансов тем не менее не отказался от его идей и в целом продолжил политику сокращения государственного долга путем уничтожения ассигнаций даже ценой размещения новых внутренних и внешних займов. Не вступил Гурьев в полемику и с Карамзиным, даже когда тот осуждал повышение государственных налогов в мирное время или критиковал губернскую систему финансов. Судя по всему, до поры до времени министр финансов пользовался поддержкой императора, а «придворный историкограф» не видел в нем угрозу российской государственности.

И. Е. БАРЫКИНА

Самодержавная власть в поиске эффективных механизмов государственного управления в XIX в. (отражение тенденций, сложившихся в первой четверти столетия, в документах из фондов РГИА)

Первые десятилетия XIX в. стали временем конституирования министерской системы управления. Тогда же реформаторы первого поколения — В. П. Кочубей, Д. А. Гурьев, М. А. Балугьянский, Д. П. Троцинский — отметили в записках ее достоинства, недостатки и возможности усовершенствования. С этого времени и до последних дней своего существования самодержавная власть не прекращала поиски эффективных механизмов государственного управления, которые могли бы безболезненно встроиться в министерскую систему и при этом не затрагивали бы прерогативы монарха. Помимо предложений по ускорению делопроизводства, созданию новых ведомств, разграничению полномочий уже существующих, в первой четверти XIX в. были высказаны идеи введения центрального представительного учреждения и европейского кабинета. Эти мысли подхватили реформаторы второго поколения — П. А. Валуев, великий князь Константин Николаевич, М. Т. Лорис-Меликов. Многие проекты, циркулировавшие в правительственных верхах на протяжении XIX столетия, уже опубликованы исследователями, однако в фондах РГИА находятся источники, еще не введенные в научный оборот¹. Так, в фонде П. А. Валуева хранятся его всеподданнейшая записка «О мерах к преобразованию быта православного духовенства» (считавшаяся утраченной)², анонимная записка «О государственных преобразованиях»³, известная исследователям, но до сих пор

¹ Подробнее см.: Барыкина И. Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб., 2016.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 30. Л. 64–80 об.

³ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 101. Л. 120–153. Записка опубликована: «Настоящий порядок вещей не представляется удовлетворительным». Записка из фонда П. А. Валуева в РГИА. Первая половина 1860-х гг. / Публ. И. Е. Барыкиной // Исторический архив. 2015. № 5. С. 155–174.

³³ РГИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 346. Л. 31, 33.

неопубликованная записка М.Н. Каткова по делам издания «Московских ведомостей» 11 января 1867 г.⁴ Среди бумаг председателей Государственного совета имеется пространная неопубликованная записка В. П. Буткова «О преобразовании высших органов государственного управления и министерств»⁵. В фонде бумаг гр. Д. Н. Блудова в разделе «Мнения и предложения по разным частям управления» находятся записка Г. Гагемейстера «О составе управления в России»⁶, анонимная записка «Об учреждении в Государственном совете особого Отделения для предварительной разработки поступающих в Совет проектов и приготовления их к рассмотрению законодательной власти»⁷. Большой научный интерес представляют дела Комиссий «сведущих людей», создававшихся при Госсовете в 1875 и 1881 гг.⁸

Другой тенденцией усовершенствования государственного управления, получившей импульс активного развития в начале XIX в., стал поиск институтов замещения монарха на время его отсутствия из столицы⁹. Необходимость в таких учреждениях обнаружилась на раннем этапе формирования самодержавия — в первой половине XVI в. В XVI–XVII вв. эти функции возлагались на специальные боярские комиссии¹⁰, в начале XVIII в. — на Сенат. В царствование Александра I полномочиями на время отсутствия монарха был наделен новый орган центрального управления — Комитет министров — однако это практика не прижилась из-за его загруженности текущими делами. В царствование Николая I возрождается практика создания секретных комиссий на время отсутствия императора. Первая «Особенная Комиссия» действовала полгода — с 24 апреля 1828 г. по 1829 г., пока монарх находился в действующей армии в период русско-турецкой войны. Документы Комиссии, хранящиеся

⁴ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 282. Л. 1–20 об.

⁵ РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 73.

⁶ РГИА. Ф. 1250. Оп. 1 (Бумаги гр. Блудова). Д. 4г. Л. 142–151 об.

⁷ Там же. Л. 1–8.

⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 81, 968, 970.

⁹ Подробнее см.: Барыкина И. Е. Регулярные и экстраординарные органы в системе высшего государственного управления второй половины XIX в. // Клио. 2014. № 10 (94). С. 68–78.

¹⁰ См.: Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. СПб., 1903. С. 430–433; Талина Г. В. Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40-х — 80-х гг. XVII в. : дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. С. 161–183; Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 34–45.

в фондах РГИА¹¹, были частично опубликованы Н. К. Шильдером в биографическом сочинении о Николае I¹², а позднее оказались в поле зрения современных отечественных исследователей¹³.

В 1855–1881 гг. создание специальных органов на время отлучек императора прочно входит в управленческую практику российского самодержавия, расширяется и формализуется их делопроизводство. Изучение делопроизводственных документов комиссий дает возможность представить объем и содержание дел, требовавших непосредственного участия императора. Кроме того, секретным комиссиям приходилось заниматься обсуждением вопросов, имевших первостепенное влияние на внутреннюю политику государства.

В фондах РГИА имеются дела шести секретных комиссий на время отсутствия императора из столицы, действовавших с 1857 по 1877 г.:

1) с 9 июня по 14 октября 1857 г.;¹⁴

2) с 26 мая по 27 октября 1864 г.;¹⁵

3) с 6 апреля по 12 мая 1865 г.;¹⁶

4) с 17 мая по 15 июня 1867 г.;¹⁷

5) с 21 мая по 10 декабря 1877 г.;¹⁸

6) кончина наследника престола, великого князя Николая Александровича, старшего сына Александра II, привела к необходимости создания внутри комиссии 1865 г. еще одного учреждения — Правительственной комиссии по вопросу о всенародной присяге по случаю провозглашения великого князя Александра Александровича наследником престола¹⁹.

¹¹ РГИА. Ф. 1167. Т. XVI. Оп. 1. Д. 153.

¹² Шильдер Н. К. Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. С. 534–538, 551–555 (Приложения).

¹³ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. М., 2006. С. 209, 265; Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 662–663; Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 340–350.

¹⁴ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 1. — 1857.

¹⁵ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 1. — 1864; Ф. 1250. Оп. 1 (Бумаги умерших председателей и членов госсовета). Д. 21. Л. 5–5 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 1. — 1865.

¹⁷ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 1. — 1867.

¹⁸ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 1–6. — 1877.

¹⁹ РГИА. Ф. 1210. Т. XVI. Оп. 1. Д. 2. — 1865.

В архивных фондах не обнаружены дела более поздних комиссий; это позволяет предположить, что после 1878 г. они не учреждались. Прием докладов и решение текущих дел в отсутствие Александра II перекладывались на его наследника, великого князя Александра Александровича²⁰. В царствование Александра III секретные чрезвычайные комиссии на время отсутствия не создавались. Это объясняется как нежеланием императора выпускать из своих рук дела высшего управления, так и его уверенностью в стабильности положения в стране.

Порядок учреждения и действий комиссий был разработан в царствование Николая I, во второй половине XIX в. деятельность этих учреждения подвергалась все большей бюрократизации. А. В. Ремнев заметил, что практика учреждения таких комиссий могла способствовать их «приспособлению» к самостоятельному управлению страной, но это затрагивало прерогативы монарха²¹. Очевидно, по этой причине они не были конституированы. По мере нарастания процесса модернизации секретные комиссии на время отсутствия монарха все больше приобретали черты анахронизмов, оставаясь, как и в XVI столетии, в первую очередь посредниками между самодержцем и аппаратом управления. Можно сказать, что они являлись своеобразным alter ego самодержца, отражая авторитарный подход к управлению.

С первой четверти XIX в. стала активно развиваться еще одна тенденция российского управленческого механизма — практика издания Всемилоостивейших манифестов как механизмов взаимоотношения власти и общества. Право помилования и милостей являлось «неотъемлемым атрибутом» власти всероссийского императора²². Всемилоостивейшие манифесты давали власти возможность пойти на некоторые административные послабления, приурочивая высочайшие милости к торжественным событиям в жизни государства и августейшей фамилии. Появление первых подобных актов относится к XVII в. В XVIII столетии устанавливается обычай миловать преступников по случаю торжественных дат. В XIX в. круг

высочайших милостей был расширен, они даровались также милостивыми указами, высочайшими грамотами, повелениями, высочайше утвержденными положениями и правилами, издававшимися одновременно с Всемилоостивейшими манифестами.

Во второй половине XIX в. Канцелярия Комитета министров, занимавшаяся составлением этих документов, стала регулярно выпускать специальные справки — сравнительные обозрения милостивых актов, выбрав в качестве отправной точки царствование Александра I²³. Несколько справок хранятся в Коллекции печатных записок РГИА под общим названием «Справки (сравнительные обозрения) о манифестах, указах и повелениях, изданных в царствование Александров I, II и III и Николаев I и II»²⁴. Анализ этих источников позволяет дополнить представление о милостивых актах XIX столетия, их структуре, «наборе» высочайших милостей, широте охвата различных сторон государственной жизни.

Печатная записка включает в себя восемь документов: выписку из журнала Комитета министров, направленную министру императорского двора и уделов, и справки. Милостивые акты были сгруппированы Канцелярией Комитета министров по следующим основаниям:

- 1) коронационные манифесты императоров от Александра I до Александра III и манифест по случаю бракосочетания императора Николая II (Справка I);
- 2) Всемилоостивейшие манифесты и указы, изданные в эти царствования по иным поводам (рождение ребенка в императорской семье или бракосочетание наследника престола) (Справка II);
- 3) акты, изданные одновременно с Всемилоостивейшими манифестами, разъяснявшие или дополнявшие их (Справка III).

Каждый манифест начинался преамбулой, представляющей обращение монарха к своим поданным, объяснявшее причины и цель раздачи милостей. Коронационные манифесты императоров Александра I и Александра II выделяются из общего ряда пространностью и пафосом вводной части, поскольку они открывают новые этапы в истории государства. Манифест 15 сентября 1801 г. еще

²⁰ См.: Александр Третий : Воспоминания. Дневники. Письма / [Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. В. Г. Чернухи]. СПб., 2001. С. 21.

²¹ Ремнев А. В. Самодержавное правительство... С. 350.

²² Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права. Киев, 1886. Ч. I. С. 255.

²³ Подробнее см.: Барыкина И. Е. Сравнительные обозрения Всемилоостивейших манифестов как источник по истории государственного управления // Клио. 2013. № 3 (75). С. 36–44.

²⁴ РГИА. Коллекция печатных записок. П/з № 6.

раз напоминает все милости, провозглашенные за полгода до этого — восстановление в силе Жалованной грамоты дворянству и подтверждение Жалованной грамоты городам, уничтожение Тайной экспедиции, прощение ее жертв — свидетельствуя, что восшествие на престол нового императора явилось несомненным благом для его подданных²⁵. В кратких введениях к коронационному манифесту императора Николая I и по случаю бракосочетания императора Николая II лишь констатируется факт дарования милостей в честь знаменательного события.

Помимо введения и заключения, манифесты состояли из четырех отделов:

I. Льготы по рекрутской повинности.

II. Облегчения в уплате разных казенных взысканий.

III. Смягчение участи или совершенное прощение лиц, виновных в разных преступлениях и проступках.

IV. Порядок применения Манифеста и особые милости.

Коронационный манифест императора Александра I достаточно скуп на милости. Он провозглашал единовременное понижение подушного сбора в следующем за манифестом 1802 г. на 25 коп.²⁶, отмену от корчемного и соляного сборов в 1801 г.²⁷, отмену «четвертной пошрины, взимаемой при справке и отказе недвижимых имений»²⁸, амнистию и сложение взысканий «по делам казенным или уголовным», срок давности которых не превышает десяти лет²⁹, прощение штрафов³⁰, дарование прощения всем беглым, самовольно покинувшим пределы России³¹, объявлял об освобождении от рекрутского набора на 1801 г. всех состояний, «оному подлежащих во всей Империи»³². Иных милостивых манифестов в это царствование издано не было, однако милостивый акт по случаю коронации сопровождался двумя жалованными грамотами (эстляндскому дворянству и городу Риге), именным указом Сенату об учреждении Комиссии для пересмотра прежних уголовных дел и подтверждением жалованных

²⁵ РГИА. Коллекция печатных записок. П/з № 6.

²⁶ Справка I. С. 14 // РГИА. Коллекция печатных записок. П/з № 6.

²⁷ Там же. С. 22.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Там же. С. 44.

³⁰ Там же. С. 50.

³¹ Там же. С. 86.

³² Там же. С. 12.

грамот Сарептскому обществу евангелического исповедания, данных Екатериной II и Павлом I³³.

В начале столетия манифесты издавались по двум случаям: в связи с восшествием на престол нового монарха и его коронацией. В царствование императора Николая I власти необходимо было сгладить последствия неурожая 1840 г., и милостивый манифест 16 апреля 1841 г. был приурочен к бракосочетанию наследника престола. Возник правовой прецедент, и в царствования императоров Александра II и Александра III издание манифестов по случаю подобных знаменательных событий стало регулярным. Во второй половине XIX столетия самодержавие неоднократно прибегает к изданию в период между манифестами иных милостивых актов с тем, чтобы ослабить напряженность в обществе.

Изучение сравнительных обзоров Всемилоостивейших манифестов показывает, что правительственная практика по разработке милостивых актов постепенно расширялась, охватывая практически все стороны государственной жизни. Не пойдя на кардинальные преобразования системы государственного управления и уступки в области государственного устройства, правительственные верхи предпринимали попытки статьями Всемилоостивейших манифестов скорректировать внутривластительский курс.

Таким образом, малоизученные документы из фондов РГИА позволяют проследить развитие на протяжении XIX в. тенденций усовершенствования механизмов государственного управления, получивших импульс в первой четверти столетия.

³³ Справка III. С. 1 // РГИА. Коллекция печатных записок. П/з № 6.

В. В. БЕРСЕНЕВ

Губернатор С. С. Кушников и Карамзины

Становление России как европейской державы, влияющей на расстановку сил дружественных или противодействующих ей межгосударственных коалиций, в конце XVIII – начале XIX в. подверглось суровым испытаниям многочисленными войнами и континентальной блокадой. Чтобы выжить в условиях тотальной экспансии Франции, Российская империя должна была модернизировать свой оборонный потенциал, государственный аппарат, провести административную реформу всех частей управления.

Грандиозность задач реформирования оказалась сопоставима с угрозой государственности, а личности, рожденные этой эпохой, соразмерны историческим вызовам России. В череде выдающихся деятелей рассматриваемого периода немеркнувшей звездой сияет слава реформатора русского языка, первого и последнего официального российского историографа Николая Михайловича Карамзина, образ которого запечатлен на микешинском памятнике 1000-летия России. Однако для современников Н. М. Карамзина личность его племянника, члена Государственного совета С. С. Кушникова была не менее значительна, только не в литературе, но в общественно-политической и судебной деятельности.

Сын старшей сестры историка Екатерины Михайловны Карамзиной, Сергей Сергеевич Кушников был на год старше родного дяди. По окончании Сухопутного Шляхетского корпуса в ноябре 1787 г., его, молодого офицера, определяют в Екатеринославский драгунский полк, участвующий в русско-турецкой войне. В декабре 1788 г. Кушников смог испытать себя в деле при осаде армией А. В. Суворова крепости Очаков, затянувшейся по вине Г. А. Потемкина. Приближающаяся зима требовала форсирования штурма. В Петербурге в придворных кругах в ходу была фраза Румянцева о том, что «Очаков — не Троя, чтобы его десять лет осаждать»; Потемкин торопил. В итоге, несмотря на страшное кровопролитие и огромные потери,

6 декабря крепость была взята. С. С. Кушникову за отличие при штурме Очакова присвоили сначала чин ротмистра, затем наградили золотым крестом. В следующем 1789 г. он сражался при Каушанах, а затем 4 ноября участвовал в штурме Бендер. Окончание русско-турецкой войны, завершившейся в 1791 г. подписанием Ясского мира позволило сделать перерыв в военной карьере Кушникова. Назначенный 25 сентября 1791 г. флигель-адъютантом к Московскому генерал-губернатору князю А. А. Прозоровскому, Сергей Сергеевич именно здесь, по-видимому, познакомился с Карамзиным. Совершив путешествие по Германии и Франции, воочию наблюдая в Париже за ходом французской революции, запечатленной в «Письмах русского путешественника», обосновавшийся в Москве молодой литератор приступает к изданию «Московского журнала». Как и большинство образованных дворян того времени, Карамзин состоял членом масонского Дружеского ученого общества, основанного профессором И. Г. Шварцем и Н. И. Новиковым. Накануне своего заграничного путешествия он становится масоном и даже какое-то время живет в доме Новикова.

Изменившаяся по отношению к масонам политика Екатерины II, обусловленная начавшейся французской революцией, привела к череде гонений на них. По распоряжению императрицы в апреле 1792 г. было инициировано расследование относительно подозрения о напечатании Новиковым книг церковной печати, после чего закрыты его типография и книжные магазины, а затем последовал и его арест. По высочайшему указу от 1 августа 1792 г. Новиков подлежал заточению в Шлиссельбургской крепости. Его друзья: Н. Н. Трубецкой, И. П. Тургенев и И. В. Лопухин были отправлены в свои имения. По распоряжению Прозоровского на Кушникова было возложено сожжение изъятых из дома Новикова и московской синодальной конторы книг в печах кирпичного завода на Воробьевых горах. Нависла угроза и над Карамзиным, который входил в Типографическую ложу.

Вопросник, присланный А. А. Разумовским для производства допросов над московскими масонами, включал следующий пункт: «Неоднократная посылка в чужие края Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, так и отправление студентов из Вашего сборища без позволения правительства навлекли уже правительству подозрение: то и открыть Вам о причинах отправления тех людей». В донесении Прозоровского Екатерине II сообщалось, что генерал-губернатор

допрашивал писателя, но полученные от него сведения были недостаточны, чтобы продолжать в отношении его расследования. Очень может быть, что Сергей Сергеевич как помощник Разумовского замолвил слово за дядю, чем позволил ему избежать как минимум гонений со стороны правительства.

Арест и заточение Новикова произвели на московское общество сильное впечатление. Н. М. Карамзин откликнулся одой «К Милости», опубликованной в «Московском журнале», в которой он иносказательно призывал императрицу к милосердию и гуманизму. Вскоре «Московский журнал» прекратил свое существование. По Москве поползли слухи об аресте и ссылке Карамзина. В действительности писатель уехал в орловское имение Знаменское своего друга А. А. Плещеева, на сестре жены которого Елизавете Ивановне Протасовой (1767–1802) он вскоре женится. В Знаменском он тесно общается с поэтом Платоном Петровичем Бекетовым, таким же как и он учеником пансиона И. Шадена. Пройдет совсем немного времени и Платон Бекетов станет крестным отцом детей Кушников. В тоже время Сергей Сергеевич, верный долгу, по команде Прозоровского командирован в Симбирскую губернию, где в связи с антимасонским делом должен был провести допрос и взять свидетельские показания у И. П. Тургенева.

Вскоре Карамзин сам поедет к братьям в Симбирскую губернию, ибо из-за недостатка в средствах он решил продать родственникам свое имение. Вернувшись после расследования в Москву, Кушников продолжил службу, однако размеренная столичная жизнь продолжалась недолго. 21 марта 1785 г. Прозоровский был отставлен с поста генерал-губернатора, с назначением шефом Московского гренадерского полка, а его место занял совершенно далекий воинскому строю сенатор М. М. Измайлов. Командование войсками было поручено генералу князю Ю. В. Долгорукому. Разделение полномочий московского главноначальствующего между гражданским и военным начальниками не понравилось Кушникову. Вступление на престол Павла I и его резко негативная политика ко всему, что делала августейшая мать, взбудоражило московское общество. Высылка из Москвы в 24 часа княгини Е. Р. Дашковой, рескрипт 3 января 1797 г. о переходе войск Московской дивизии из-под командования князя Ю. В. Долгорукова в руки генерала И. П. Архара, по-видимому, подтолкнули Кушникову к переходу на службу премьер-майором в Московский гренадерский полк, шефом которого

был близкий ему Прозоровский, что и свершилось 10 января 1797 г. Решение Павла I об участии России во второй антинаполеоновской коалиции, назначение А. В. Суворова командующим объединенной русско-австрийской армией, в состав которой вошел и Московский гренадерский полк, круто изменило жизнь Кушникову. Возможно не без помощи шефа полка Прозоровского, родственница которого Варвара Ивановна (урожд. Прозоровская) была женой Суворова, Кушников (уже в чине подполковника) 13 июля 1799 г. назначается личным адъютантом полководца, с которым его ждет трудная, но славная итальянская, а затем швейцарская кампании. За участие в итальянских сражениях под Лекко, при Маренго и Требии, штурме крепости Серавалле, осаде Алессандрийской цитадели и генуезского города Нови союзники России наградили его австрийским орденом Марии-Терезии, сардинским орденом Св. Маврикия и Лазаря.

По распоряжению главнокомандующего Кушников, свободно владея французским и итальянским языками, вел дипломатические переговоры о судьбе русских раненых и закупке продовольствия для войск. В письме к русскому послу К. Бюлеру в Мюнхене Суворов, ратуя о награждении своего адъютанта баварским орденом, так характеризовал последнего: «Ему поручались все важные дела, причем он исполнял их с неизменным усердием и неутомимостью, чем заслужил от меня полное одобрение. Вот почему я от всего сердца пожелал бы ему отличия». В записке к Д. Хвостову Суворов писал: «Только один Кушников может заменить... кого угодно. Сергей Сергеевич — это моя отрада». Позднее Суворов, вспоминая о верном соратнике, признавал: «Если бы мне... пришлось худо, он один не оставил бы меня». Наряду с П. Багратионом и М. Барклай-де-Толли С. Кушников, был одним из тех немногих, кто за отличие пожалован алмазным знаком ордена Св. Анны 2-й степени. В августе 1799 г. Суворов направляет его к императору Павлу I с донесением о победе в Италии. Император «был в восхищении от его обстоятельных рассказов». «Павел обнимал Кушникову и всякий день принимал его к обеду и к ужину».

Однако слава победителей преходяща. Вернувшись триумфатором, Суворов тут же впадает в немилость. Павел I отказывает генералиссимусу в приеме, а через 10 дней лишает всех его адъютантов. С. С. Кушников уходит с военной службы и временно определяется 26 октября 1800 г. прокурором в Берг-Коллегию. Уже в декабре 1800 г. он уезжает в родную его сердцу Москву, получив должность

вице-губернатора. Но управлять финансами Москвы, состоя в помощниках у такого уникального московского губернатора как П. Я. Аршеневский, автора по сути первого исследования региональных финансов под названием «О доходах Московской губернии», было для отставного полковника Кушников не выигрышно. Новый император естественно хотел видеть возле себя своих людей, которых он знал лично, а не старых назначенцев Павла I, прекрасно осведомленных о царевбийстве и всем своим видом служивших живым укором новому самодержцу. Убрав петербургского генерал-губернатора П. А. Палена, Александр I назначает на его место М. И. Голенищева-Кутузова, а последний не возражал увидеть на посту гражданского губернатора Кушников, с которым они вместе сражались в русско-турецкую войну, и чье прекрасное реноме не подвергалось сомнению императора. Короткое пребывание Кушников в Москве совпало с началом издания там Карамзиным журнала «Вестник Европы», на страницах которого публиковались Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков, В. А. Жуковский. В конце 1803 г. Карамзин прекращает редактировать «Вестник Европы» и по протекции И. И. Дмитриева и статс-секретаря М. Н. Муравьева получает 31 октября 1803 г. должность придворного историографа. Взвалив на себя бремя публикации «Истории государства Российского», Карамзин становится заложником своего труда. Поселившись в подмосковном имении Вяземских Остафьево, он проводит там 12 лет (с 1804 по 1816 г.), лишь зимой выезжая в Москву. С. С. Кушников, будучи петербургским губернатором, жил с семьей в своем доме на Моховой улице. В ноябре 1807 г. его переводят сенатором московского департамента Сената. В Москве, в своем доме на Большой Никитской улице он пребывает недолго, ибо уже в феврале 1808 г. его командируют на Юг председательствовать в диванах Молдавского и Валахского княжеств. Только весной 1810 г. он возвращается в Москву. В 1810–1811 гг. Карамзин живет в Москве в доме адмирала Н. С. Мордвинова на Новой Басманной улице. Пожар войны 1812 г. разобшил дядю и племянника. Николай Михайлович уехал из объятай пламенем Москвы сначала в Ярославль, а затем в Нижний Новгород. С. С. Кушников вместе с московскими департаментами Сената был эвакуирован в Казань. После войны оба возвращаются в Москву. Дом Кушников был сожжен неприятелем. Вскоре сенатора назначают ревизовать Казанскую губернию, а Карамзин с 1816 г. переезжает в Петербург. Находясь вдали друг от друга, в 1823 г. они оказались втянуты в аферу

князя П. А. Вяземского, сводного брата жены Карамзина, который решил поправить свое распатанное картами состояние путем продажи собственных крепостных по завышенной цене Комиссии для построения Храма Христа Спасителя, где Кушников состоял первоприсутствующим членом. Н. М. Карамзину же отводилась роль ходатая за П. А. Вяземского перед императорской фамилией.

Еще раз судьбы наших героев могли пересечься в 1826 г., когда Кушников вызвали в Петербург в декабре 1826 г. в связи с назначением членом Верховного суда над декабристами, однако Карамзин к этому времени уже был мертв, по легенде, простудившись на Сенатской площади, наблюдая за восставшими. Тем не менее семейные связи между Кушниковыми и Карамзиными продолжали сохраняться. Сергей Сергеевич передал дом на Моховой своей дочери фрейлине Софье, вышедшей замуж за генерал-адъютанта и Киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. В части этого дома, выходящей на Гагаринскую улицу, проживала дочь Карамзина фрейлина Софья Николаевна, которая была хозяйкой модного литературного салона, где бывали Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов.

В конце концов последним пристанищем сначала Карамзина, а вслед ему и Кушников стало кладбище Александро-Невской лавры, где в окружении В. А. Жуковского и Н. И. Гнедича они делают славу первейших сынов российского просвещения и российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Балязин В. Н.* На службе у Подмосковья. Жуковский, 2004. С. 126.
Беспалова Е. К., Рыкова Е. К. Симбирский род Тургеневых. Ульяновск, 2011.
Берков П. Н., Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин М. Н. Избранные сочинения: в 2 т. М., 1964.
Муравьев В. Б. Карамзин. М., 2014.
Крестова Л. В. А. И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР. Павла Наумовича Беркова. Л., 1975. С. 265–270.
 По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ / сост. О. В. Миллер; авт. предисл. И. Л. Андроников. М., 1989. С. 110–145.
 Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. II.
Дмитриев М. И. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917 : Био-библиогр. справочник. СПб., 2001.

Т. В. БОГДАНОВА

Н. Ф. Эмин — поэт и губернатор

Благополучен тот, кто чувствовать умеет,
И чистый жизни ток по чувствам стремится,
Он зависть побеждать великодушьем смеет,
И с кротостью добро он ближнему творит¹.

Николай Федорович Эмин (ок. 1767–1814), русский писатель, государственный и общественный деятель, член Финляндской комиссии, гражданский губернатор Финляндской губернии в 1804–1808 гг., был одним из образованнейших людей своего времени. Главным источником биографических сведений о нем в фондах Российского государственного исторического архива являются различные служебные документы Министерства внутренних дел и его формулярные списки².

Родился Николай Федорович около 1767 г. в семье русского писателя Федора Александровича Эмина³. В формулярных списках указана его сословная принадлежность: «из иностранных и российской императорской службы штаб офицерских детей». Образование получил, обучаясь в Горном училище с августа 1777 г. по март 1782 г.

После окончания училища в звании шихтмейстера в чине прапорщика служил экзекутором в Олонецком наместническом управлении в городе Петрозаводске под началом Г. Р. Державина.

В декабре 1784 г. по поручению Державина Н. Ф. Эмин был направлен в Комиссию для постановки на шведской границе пограничной стражи для составления «Краткого описания образа жизни и свойств живущих в смежности с Корелами Шведских Лапландцев»⁴.

В начале 1785 г. Державин отправляет Николая Федоровича в Петербург с донесением к императрице о несправедливых притеснениях наместника Т. И. Тутолмина⁵.

1 февраля 1786 г. княгиня Е. Р. Дашкова, по просьбе Державина, определила Эмина на службу в Канцелярию Академии наук⁶. Там Николай Федорович занимался «сбором слов российских и составлением лексикона». Его кипучая натура не могла удовлетвориться такой «безделицей», он грубит непременно секретарю Академии наук И. И. Лепехину и вынужденно оставляет службу⁷.

После поступает в Казанский кирасирский полк в Риге в должность квартирмейстера под начало Сергея Лаврентьевича Львова, к которому очень благоволил Г. А. Потемкин-Таврический⁸. В июле 1786 г. Н. Ф. Эмин был произведен в корнеты, а в 1788 г. принял участие в походе против шведов.

В 1789 г. Николай Федорович попадает в «большую милость» к Платону Александровичу Zubову. Находясь в опале и отстраненному от должности Державину пришлось передать свою оду «Изображение Фелиць» через недавнего своего подчиненного Н. Ф. Эмина П. А. Zubову для поднесения императрице Екатерине II⁹.

У Эмина и Державина впоследствии складываются сложные отношения, в 1791 г. Николай Федорович грубо отзывается по поводу написанной им оды «На взятие Измаила», характеризуя ее как бессмысленную и безвкусную. В 1797 г. Державин сочиняет эпиграмму на перевод оды Анакреона. Эта ссора не помешала Гавриилу Романовичу, после смерти Николая Федоровича, хлопотать о назначении пенсии его вдове¹⁰.

В 1780–1790-е гг. в полной мере раскрывается литературный талант Эмина. Его творческая деятельность началась под влиянием Державина. Под влиянием П. А. Zubова Николай Федорович увлекается официальной поэзией.

Н. Ф. Эмин проявляет себя как романист, драматург, поэт и сатирик. Является автором следующих произведений: двух романов —

¹ Эмин Н. Ф. Его сиятельству милостивому государю графу Платону Александровичу Zubову на случай всемилостивейшего пожалования ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. СПб., 1793. С. 3.

² РГИА. Ф. 1349 (Коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства). Оп. 3. Д. 2565. Л. 20–21; Ф. 1400 (Коллекция документов из уничтоженных дел Правительствующего Сената и Министерства юстиции). Оп. 2. Д. 58. Л. 91–94.

³ См.: Энциклопедический словарь. Репринт, воспроизведение, изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон 1890 г. М., 1994. С. 763.

⁴ Там же.

⁵ Лонгинов М. Н. Эмин Н. Ф. // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 620.

⁶ Там же. С. 619.

⁷ Степанюк Е. И. Жизнь и творчество Н. Ф. Эмина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. С. 3.

⁸ Лонгинов М. Н. Эмин Н. Ф. С. 620.

⁹ Там же. С. 620.

¹⁰ Там же.

«Роза. Полусправедливая оригинальная повесть» (Ч. 1, 2. СПб., 1786, 2-е изд. 1788, 1789) и «Игра судьбы» (СПб., 1789, 2-е изд. 1798); трех опубликованных драматических произведений — «Мнимый мудрец» (комедия в пяти действиях; СПб., 1786), «Знатоки» (комедия в пяти действиях в стихах; СПб., 1788), «Не знаешь, не ревнуй, а знаешь, так молчи» (1790); двух комедий, поставленных на сцене, но оставшихся в рукописях, — «Думаю, прав, на деле виноват» (1792) и «Смешное с полезным, или день рождения стихотворца» (1796); сборника стихотворений «Подражания древним» (СПб., 1795) и др.¹¹

Экземпляры его опубликованных сочинений в настоящее время хранятся в Коллекции русской книги гражданской печати XVIII века Российской национальной библиотеки.

В начале 1790-х гг., когда Николай Михайлович Карамзин начал проводить реформу русской прозы, Эмин примкнул к его противникам, принял участие в работе крыловского журнала «Зритель» (1792), который находился во враждебных отношениях к «Московскому журналу» (1791). Сотрудниками журнала, кроме Н. Ф. Эмина, были А. И. Клушин, И. А. Дмитриевский, П. А. Плавильщиков и другие писатели, «не благоволившие к Н. М. Карамзину»¹².

В ноябре 1792 г. Н. Ф. Эмин поступает на службу в провиантский штат провиантмейстером, после чего в октябре 1793 г. назначается обер-провиантмейстером¹³.

В декабре 1796 г. Николай Федорович оставляет военную службу с сохранением чина и в мае 1797 г. с помощью Ю. А. Нелединского-Мелецкого устраивается правителем канцелярии по корреспонденции в Департамент уделов в чине надворного советника¹⁴.

Благодаря своему усердию и исполнительности, он быстро продвигается по службе: в августе 1798 г. — коллежский советник¹⁵, в июле 1800 г. — статский советник, в сентябре 1803 г. — действительный статский советник, а 9 апреля 1804 г. — назначен финляндским гражданским губернатором¹⁶.

Документы, сохранившиеся в РГИА, свидетельствуют о том, что, приехав в город Выборг, Николай Федорович с энтузиазмом принимается за возложенные на него обязанности. Однако преобразования, которые пытается ввести гражданский губернатор, встречают неудовольствие и непонимание у военного губернатора Казимира Ивановича Мейендорфа. Многие решения, которые принимал Н. Ф. Эмин, часто не согласовывались с военным губернатором, и конфликт между ними был неизбежен. Поводом для разгоревшегося скандала, дошедшего до императора Александра I, послужил случай. 8 ноября 1804 г. из-за вынесенных приговоров об оброках лагманского и герадского судов взбунтовались крестьяне коллежского советника Балясного. Николай Федорович, не ставя в известность Казимира Ивановича, направляет коллежского советника Бруна разобраться в сложившейся ситуации¹⁷.

В результате разбирательств, в одном из писем к К. И. Мейендорфу, Н. Ф. Эмин, не стесняясь в выражениях по отношению к вышестоящему начальству, разъяснял права и обязанности военного губернатора, настаивая на том, что и гражданский губернатор имел право руководить чиновниками Губернского правления. Гражданский губернатор, по мнению Эмина, был обязан докладывать военному губернатору только о самых важных происшествиях и делах, на решение которых он сам не мог осмелиться. «Попрекания и угрозы», полученные от подчиненного, К. И. Мейендорф счел для себя обидными и сообщил об этих разногласиях в декабре 1804 г. министру внутренних дел графу В. П. Кочубею¹⁸. В свою очередь, Виктор Павлович доложил об этом императору Александру I.

Император, разобравшись в ситуации, высказал свои замечания о «неправильном поведении» гражданского губернатора и о последовавшей «сверх неприличного и даже неблагоприятного тона» переписке, потребовал от Н. Ф. Эмина подробных объяснений.

«Высочайшие замечания» потрясли Николая Федоровича и в письме к В. П. Кочубею 31 декабря 1804 г. он в сердцах писал: «Вашему сиятельству известно, что не искал я места Финляндского гражданского Губернатора, что быв склоняем к принятию онаго, единственно объявление непрременной Монаршей воли, что не сильны уже тогда были, ни скудость состояния моего,

¹¹ Степанюк Е. И. Жизнь и творчество Н. Ф. Эмина. С. 2.

¹² Там же. С. 3.

¹³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2565. Л. 20–20 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 58. Л. 91–94.

¹⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2565. Л. 20–20 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 1. 1808 г. Д. 155. Л. 11–11 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 271. Л. 4–6.

¹⁸ Там же. Л. 8–8 об.

ниже представленные мною вам затруднительные в управлении здешнего края обстоятельства.

Ваше сиятельство при отъезде моем из Петербурга изволили уверить меня в защите и покровительстве вашем»¹⁹.

В конце января 1805 г. Николай Федорович подает всеподданнейшую объяснительную записку, в которой описывает десять проблем, в решении которых, по его мнению, он встретил препятствия со стороны военного губернатора. Среди них он указывает: введение письмоводства на русском языке в Финляндской губернии; устройство запасных магазинов и т.д.²⁰ То, что первым пунктом указано именно введение письмоводства на русском языке, не случайно. Этим, прежде всего, объясняется стремление нового гражданского губернатора к упрочению изучения русского языка путем его введения в употребление в служебном и общественном делопроизводстве Финляндии.

Император оставил эту ссору, которая произошла, по его мнению, «от личных недоразумений и неудовольствий», без последствий²¹. В последующие годы отношения между губернаторами оставались официальными, и документальные материалы о других разногласиях в фондах РГИА не встречаются.

Большую роль сыграл Н. Ф. Эмин и во время русско-шведской кампании 1808–1809 гг., тогда в полной мере раскрылись его организаторские способности. В этой кампании в Финляндии приняли участие лучшие русские военачальники того времени — М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, Н. М. Каменский, Я. П. Кульнев, Н. Н. Раевский и др.

8 февраля 1808 г. император Александр I командировал Н. Ф. Эмина в помощь главнокомандующему русскими войсками гр. Ф. Ф. Буксгевдену²².

Главными задачами, стоящими перед Эмином, было успешное продвижение войск и «сохранение местного благоустройства». В первую очередь Николай Федорович сделал предписание, чтобы на всех дорогах, по которым будут проходить воинские отряды, неотлучно находились чины земской полиции (ленсманы) и мостовщики.

Контролировать продвижение войск должен был и земский комиссар, выполняя все требования воинских командиров²³.

Занимался Эмин закупками и сбором репарационного сена, оказывал содействие в получении сведений о количестве войск неприятеля, способствовал распространению российских прокламаций. Находясь в городе Вазе, он принимал присягу от жителей на верно-подданство Российскому императору²⁴.

Граф Ф. Ф. Буксгевден высоко ценил Н. Ф. Эмина, считая, что тот «оказал примерное рвение свое к службе, неутомимую во всем деятельность и сильным образом споспешествовал успехам оной»²⁵. Ф. Ф. Буксгевден стал испрашивать для гражданского губернатора аренду²⁶. Главной причиной назначения аренды было плачевное финансовое положение Николая Федоровича. Не имея недвижимого имущества и никакого состояния, пятый год находясь в должности гражданского губернатора Финляндской губернии, в которой была дороговизна, «при всей умеренности своей он вошел в долги».

7 июля 1808 г. император Александр I наградил Н. Ф. Эмина за усердную службу и особенные труды орденом Св. Анны 1-й степени с алмазами²⁷.

В конце июля 1808 г. Николай Федорович покидает пост финляндского гражданского губернатора, а 29 августа 1808 г. император Александр I высочайше соизволил назначить аренду д. с. с. Н. Ф. Эмину в тысячу рублей серебром в год²⁸.

В феврале 1809 г. Эмин увольняется от должности управляющего Главного правления мануфактур, но остается членом Комиссии рассмотрения Финляндских дел с окладом, «по сему месту полагаемым»²⁹.

Одно из последних упоминаний о гражданской службе Н. Ф. Эмина, сохранившееся в РГИА, относится к ноябрю 1810 г. Государственный секретарь М. М. Сперанский приказал передать дела бывшей

²³ Там же. Л. 4–8.

²⁴ Там же. Д. 155. Л. 1 об.–2.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Особое вознаграждение, жалуемое в виде награды за государственную службу.

²⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1808 г. Д. 155. Л. 17–17 об.

²⁸ Там же. Л. 16.

²⁹ РГИА. Ф. 557 (Экспедиция о государственных доходах Правительствующего Сената). Оп. 1. Д. 429. Л. 1.

¹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 271. Л. 23.

²⁰ Там же. Л. 23 об., 26 об.

²¹ Там же. Л. 23.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1808 г. Д. 76. Л. 1.

Финляндской комиссии, вошедшие в другие Департаменты, во вновь учрежденную Комиссию Финляндских дел, в ведение управляющего Канцелярией д. с. с. Н. Ф. Эмина. Но по каким-то причинам эти документы из архива Исполнительного департамента министерства полиции так никто тогда и не забрал. После присоединения Старой Финляндии к Новой, в марте 1812 г. эти документы поступили в распоряжение генерал-губернатора Финляндии Г. М. Армфельта³⁰.

Скончался Николай Федорович Эмин 7 января 1814 г. в Санкт-Петербурге и похоронен на Смоленском православном кладбище. Позже рядом с ним была похоронена его жена — Вера Тимофеевна Эмин (1778–1826)³¹.

Вера Тимофеевна была старшей сестрой известного драматического писателя Николая Ивановича Хмельницкого, воспитанием которого занимался Николай Федорович.

Единственная дочь Н. Ф. Эмина Вера Николаевна (1807–1888) стала женой члена Государственного совета генерала от инфантерии Якова Ивановича Ростовцева. После смерти мужа за его заслуги Вера Николаевна со своими детьми была возведена в графское достоинство; соответствующие документы также сохранились в фондах РГИА³².

Литературное творчество Николая Федоровича Эмина не представляет в наше время самостоятельную ценность и не приобрело широкой известности, но оно значимо с точки зрения изучения литературы второй половины XVIII в. Его вклад, как гражданско-губернатора, в развитие Финляндской губернии и установление более тесных русско-финских отношений очень важен. Непосредственное его участие в русско-шведской кампании 1808–1809 гг., проявленные им организаторские способности, объективность и ответственный подход к выполнению поставленных перед ним задач характеризуют его как чиновника государственного масштаба.

Н. Ю. БОЛОТИНА

Н. М. Карамзин и его предки на страницах архивных дел РГАДА

В юбилейный Карамзинский год в РГАДА было проведено широкомасштабное выявление документов о предках знаменитого историографа, его научной и литературной деятельности, поиск первых изданий исторических и прозаических трудов.

В многочисленной биографической литературе сведения о предках Карамзина приводятся вслед за дореволюционными статьями о службах Карамзиных в XVII–XVIII вв. и наделении их поместьями¹. В историографии мы видим две главные версии места рождения Н. М. Карамзина — Михайловка (Карамзинка) Оренбургской губернии и Знаменское (Карамзино) Симбирской губернии, современные исследования добавляют новые штрихи к этому спору между двумя регионами². В отсутствии метрических книг предположения осно-

¹ См.: *Погодин Н. П.* Несколько замечаний к первой статье о Карамзине // *Москвитянин*. 1846. Ч. 2. № 4; *Ивлентьев К.* Несколько слов о месте рождения историографа Карамзина // *Самарские губернские ведомости*. Неофициальная часть. 1852. 22 марта. С. 165, 166; *Пекарский П. П.* Старинное известие об имении Карамзиных; село Михайловка — Преображенское // *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / По поручению отделения русского языка и словесности Императорской академии наук издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский*. СПб., 1866. С. 457; *Сиповский В. В.* О предках Н. М. Карамзина // *Русская старина*. 1898. Т. 93. № 2. С. 431–435; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М. А.* *Московские элегии*. М., 1985. С. 141–302 и др.

² См.: *Трофимов Ж. А.* Симбирск и симбиряне : Исторические и литературные поиски. Ульяновск, 1997. С. 111–128; *Долгова С. Р.* Родина и род Н. М. Карамзина (по документам РГАДА) // *Карамзинский сборник*. Вып. 3. Остафьево, 2014. С. 48–62; *Мишанина Е. В.* Об оренбургском происхождении Н. М. Карамзина [Электронный ресурс] // Портал «Культура Оренбуржья». URL: http://kultura.orb.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/Мишанина_Об%20оренбургском%20происхождении%20Н_М_%20Карамзина.pdf (дата обращения: 06.04.2016); *Кольчев С.* Где родился Карамзин? // Там же. URL: <http://kultura.orb.ru/section/view?id=569> (дата обращения: 06.04.2016); и др.

³⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

³¹ Петербургский некрополь : [справочник] : в 4 т. / [сост. В. И. Саитов]. СПб., 1913. Т. 4. С. 643–644.

³² РГИА. Ф. 1343 (Департамент герольдии Сената). Оп. 46. Д. 1492.

ываются на словах самого Карамзина о рождении в Симбирской губернии и последующих сведениях его родственников брата Александра, племянницы Н. Н. Ознобишиной и других современников. Одной из основных точек нынешнего обсуждения является вопрос об основании и заселении села Карамзинки в Оренбургской губернии, и, следовательно, о возможности проживания там родителей историографа.

При обращении к фондам Разрядного и Поместного приказов, а также Вотчинной коллегии в РГАДА не только известные факты из истории рода Карамзиных приобретают документальное подтверждение, но и появляется возможность ввести в научный оборот не известные ранее исследователям источники, тем самым расширяя наши представления об истории землевладения Карамзиных.

Наиболее ранние документы относятся к службе и земельным владениям Д. С. Карамзина, который был во времена Смуты в 1606–1610 гг. на службе по Нижнему Новгороду, «в осаде сидел и всякую осадную нужду терпел», ходил против «воровских людей» под Балахну, Муром, Касимов, Арзамас, о чем рассказал в своей «сказке» 1628 г., отложившейся в спорном деле между московскими жильцами и нижегородскими городскими дворянами о вотчинах в Нижегородском уезде³. После показаний Д. С. Карамзина приведены слова Кузьмы Вельяминова с товарищами о том, что он «не был в измене». Согласно данным 1621–1622 гг. Карамзин был пожалован за эти «службы» вотчиной и поместьями в Березопольском стане Нижегородского уезда, сохранилось и описание его двора в Нижнем Новгороде: «Против Житничного двора [...] двор нижегородца Дмитрея Карамзина, а в нем живет дворник Тренка Мартемьянов, сказали, худ»⁴. Согласно данным боярской книги 1626/27 г. Д. С. Карамзин, будучи уже на службе по городу Юрьев-Польскому, получил земельный оклад в 600 четей⁵. В 1678 г. его внук продолжал владеть родовым гнездом: «...двор Петра Васильева сына Карамзина,

³ См.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Н. Новгороду. № 866/21135. Л. 507–508. Оpubл.: Антонов А. В. К начальной истории Нижегородского ополчения // Антонов А. В. Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 334–335.

⁴ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 294. Л. 126; Кн. 295. Л. 90 об.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Боярские книги. Д. 1. Л. 387.

на нем живет дворник посадкой человек Лифантейко Павлов сын, гребенщик»⁶.

В РГАДА сохранился значительный комплекс документов XVIII в. о земельных владениях Карамзиных в Симбирской и Оренбургской губерниях и их службе. В первую очередь следует назвать материалы первых трех ревизий населения. Согласно данным 1723 г. в селе Знаменское, Карамзино тож, Завального стана Симбирского уезда, принадлежащем деду историографа майору Е. П. Карамзину, числилось 15 крестьянских дворов и была деревянная церковь во имя Знаменья пресвятыя Богородицы⁷. По второй ревизии населения (1748 г.) общее число жителей села Карамзино составляло 134 человека м. п., а в 1763 г. 137 м. п. и 189 ж. п.⁸

В 1731 г. на 61-м году жизни Е. П. Карамзин в чине полковника вышел в отставку и подал в Герольдмейстерской конторе «сказку», в которой сообщал о записи в регулярную службу «из городских дворян» с 1704 г. в Анненков пехотный полк в солдаты, затем унтер-офицером, в 1706 г. боярином Т. С. Стрешневым произведен в прапорщики, на следующий год переведен в Галицкий пехотный полк и получил чин капитана. Карьера Карамзина развивалась быстро: в 1709 г. он уже майор, в 1710 г. отправлен из военного приказа в Киев и определен в Постельников полк, где находился до 1718 г. На генеральном смотре он был определен в ланд-милицейские полки, и в 1724 г. произведен в подполковники, а затем полковники Сумского полка. В 1731 г. «по смотру Военной коллегии и по свидетельству докторскому за старостию дряхлостью» Е. П. Карамзин вышел в отставку, и по решению Сената ему было разрешено жить в своем селе Знаменском, Карамзино тож. В сказке отставник указывал, что двора своего в Москве не имеет, «а стоит в ямской Рогожской слободе на дворе ямщика»⁹.

В материалах Герольдмейстерской конторы сохранились запись о службе отца Н. М. Карамзина — Михаила Егоровича в составе Оренбургского гарнизона в 1749 г. и ведение из Военной коллегии в сенатскую типографию о напечатании ему патента на чин

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7528. Л. 14.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3113. Л. 472–478.

⁸ См.: Там же. Д. 3126. 583 об.; Д. 3165. Л. 456 об.

⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 304–305 об.

поручика¹⁰. В ходе проведения 3 ревизии в мае 1762 г. староста села Карамзино Алексей Васильев подал сказку о жителях, положенных в подушный оклад, согласно которой в симбирском владении Карамзиных числилось 137 человек м. п. и 189 ж. п.¹¹

Вскоре после издания знаменитого Манифеста о вольности дворянской 27 января 1763 г. М. Е. Карамзин получил отставку от военной службы. В челобитной он показал, что состоял в службе с 1742 г. солдатом в Пензенском полку, затем капралом, каптер-наrmусом и сержантом, с 1749 г. прапорщик, с 1757 г. поручик; был в походах в 1742 и 1743 гг. из Самары до Орской крепости, в 1759 г. командирован в Киев для сопровождения черногорцев; в 1760 г. заболел «цынготной болезнью» и был отпущен домой для излечения. Три последующие года Карамзин безуспешно лечился, но по его словам, «болезнь усилилась так, что уже от ломоты левою рукою мало владеет, а левую ж ногу в колене повело, и та нога от ран почернела, да сверх того и в голове оказалась немалая ломота, от коей всегда глаза слезны, и при том еще внутренняя грыжа, которая пуп против натуральности увеличила»¹². За добропорядочную службу отец историографа был удостоен отставки от воинской и статской службы в чине капитана и отпущен на жительство в свое имение в Симбирском уезде.

Во второй половине XVIII в. Карамзины вели активную деятельность по совершению земельных сделок. По правилам юридической практики все они фиксировались в Вотчинной коллегии и сохранившиеся в составе ее архива отказные книги позволяют проследить историю их землевладений.

Уникальной находкой стало дело 1756 г. о выдаче владенного указа отцу историографа М. Е. Карамзину на земли в Оренбургской губернии. Свое прошение он подал в Оренбургскую губернскую канцелярию 10 ноября 1750 г., в котором объявлял, что имеет нужду в земле, «а в ведомстве Оренбургской губернии по речке Кундузле Боровая тож по обе стороны и по впадающим в нее речкам и истокам <...> земля лежит впусе, так как дикая степь». Карамзин просил пожаловать ему и его наследникам из порожних земель вотчину

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 360. Л. 398 об.; Д. 457. Л. 119.

¹¹ См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3165. Л. 441–456 об.

¹² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 514. Л. 189.

с лесом и сенными угодьями. Уже в январе 1751 г. было принято решение об отводе в вечное владение удобного для поселения места, проведено межевание и 14 июля 1752 г. Карамзину был выдан владенной указ. В деле сохранились планы 1756 г. пожалованных ему земель, а также вотчины отведенной И. К. Палибину с указанием «деревня Карамзина». Во время восстания под предводительством Е. И. Пугачева оренбургская вотчина Карамзиных оказалась в центре событий, и в РГАДА сохранилось дело, в котором имеется допрос от 18 декабря 1773 г. крестьянина деревни Михайловской К. С. Колесникова о приезде яицких казаков, посланных от самозванца «государя Петра Федоровича», которые склоняли жителей к неповиновению помещику, неисполнению работ и неуплате податей¹³.

Ряд документальных материалов отказных книг связан с покупкой и продажей Карамзинными земель в различных уездах. Так, в феврале 1763 г. вдова Е. П. Карамзина с сыном Михаилом Егоровичем подали прошение о закреплении за ними наследного и купленного у отставного драгуна А. И. Аксакова недвижимых имений в Симбирском уезде¹⁴. Несколько архивных дел связано с продажей М. Е. Карамзиным в 1778 г. земель в Казанском уезде княгине А. Я. Грузинской, приобретенных его матерью в 1737 г.¹⁵

Ценной находкой стало прошение самого Н. М. Карамзина от октября 1799 г. за его личной подписью, в котором он просил выдать ему из Вотчинного департамента выписку «по дачам и жалованным грамотам» о владениях предков в Симбирском и Нижегородском уездах для доказательства дворянства и предъявления в Герольдию¹⁶. К прошению приложена поколенная роспись Карамзиных, начиная с Семиона. В РГАДА сохранились описания карамзинских имений в Экономических примечаниях к планам Генерального межевания Симбирского и Оренбургского уездов, а также планы и виды Симбирска, села Карамзино конца XVIII в.¹⁷

¹³ См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 433. Л. 41–42.

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Казань. Кн. 6828. Д. 4. Л. 1–2.

¹⁵ См.: Там же. Кн. 6953. Д. 12; Кн. 6827. Д. 16.

¹⁶ Там же. Кн. 7004. Л. 456–456 об.

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 1355. Симбирская губ. Д. 1427. Л. 44 об.–45; РГАДА. Ф. 1355. Оренбургская губ. Д. 932. Л. 187 об.–189 об.; Ф. 1356. Симбирская губ. № 83. Л. 4, № 118; Ф. 1354. Оп. 442. Ч. 1. Д. 3–2с.

В архиве были обнаружены малоизвестные документальные свидетельства о подозрениях московских властей в принадлежности Карамзина, только вернувшегося из заграничной поездки, к масонам. 21 ноября 1790 г. московский главнокомандующий князь А. А. Прозоровский направил секретное письмо вице-канцлеру графу А. А. Безбородко, в котором сообщал, что «известной Карамзин был между прочим 6 месяцев в Швейцарии и с славным мартином ля Вичером имел конференции»¹⁸. В 1800 г. в Тайной канцелярии шло расследование дела содержателя «Академии музыки» (Московского музыкального собрания в Москве) француза Лекена, и на допросе он показал, что его собрания посещали московские дворяне, а одним из директоров являлся Карамзин¹⁹.

Значительный комплекс документов и изданий в собрании РГАДА связано с литературной и научной работой Карамзина. Следует назвать первые издания сказок, напечатанных в «Московском журнале» и «Аглае», произведения, адресованные Александру I, а также исторические труды. В сопроводительном письме к «Историческому похвальному слову Екатерине II» от 13 февраля 1802 г. Карамзин поэтически обращался к молодому императору: «Удостою монаршего внимания усердное произведение российского автора, который хотел изобразить благодарную любовь Отечества к Екатерине Великой. Ты вместе с Ея короною наследовал и сию любовь подданных»²⁰.

Большой информационный потенциал архивных документов из фонда 180 «Канцелярия МГАМИД», в которых отразилась работа историографа с историческими источниками и списки рукописей, которые он нередко получал на дом, приемы и результаты его архивных разысканий для «Истории государства Российского» были изучены в 1970-е гг. Н. А. Козловой и В. П. Козловым²¹. Первоначально Карамзину разрешалось читать рукописи и делать выписки непосредственно в самом архиве, но уже с 1805 г. он мог получать материалы под расписку, а с 1815 г. после переезда в Петербург специальным указом позволялось пересылать ему рукописи.

¹⁸ РГАДА. Ф. 168. Л. 183. Л. 25–25 об.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 1355. . Ф. 7. Д. 3439. Л. 183–184.

²⁰ РГАДА. Ф. 1355. . Ф. 1239. Оп. 3. Д. 54679. Л. 1.

²¹ Козлова Н. А., Козлов В. П. Архивные разыскания Н. М. Карамзина // Советские архивы. 1977. № 3. С. 63–67.

Большую помощь Карамзину оказал его друг и директор МАКИД, историк и археограф А. Ф. Малиновский. В РГАДА в его фонде сохранилась подборка писем историографа в зеленом переплете с золотым тиснением, послания содержат уникальные факты из жизни Карамзина при дворе, его семье и научной работе²². В последнем письме от 19 мая 1826 г. ученый сообщал о своей тяжелой болезни, возвращении в архив ящиков с документами и книгами и планах отправиться в путешествие на корабле в июне 1826 г.

Среди материалов бывшего МАКИД сохранилось несколько «живых» свидетелей творческой работы Карамзина с архивными документами — записочки-автографы историка с его замечаниями по исследованным источникам. Необходимо назвать рукопись XVII в. — список Псковской Первой летописи, которой пользовался Карамзин при написании своей «Истории...». В ней можно увидеть его многочисленные пометки в тексте и на полях чернилами и даже ногтем в виде крестов, черточек, надписей. Между листами остался на века кусочек черновика «Истории государства Российского», который был использован Карамзиным в качестве закладки на том месте, где в летописи был помещен ярлык ордынского царя Туляка митрополиту Михаилу. Еще один автограф Карамзина представляет собой лист бумаги, на котором сохранились черновые записи историка²³.

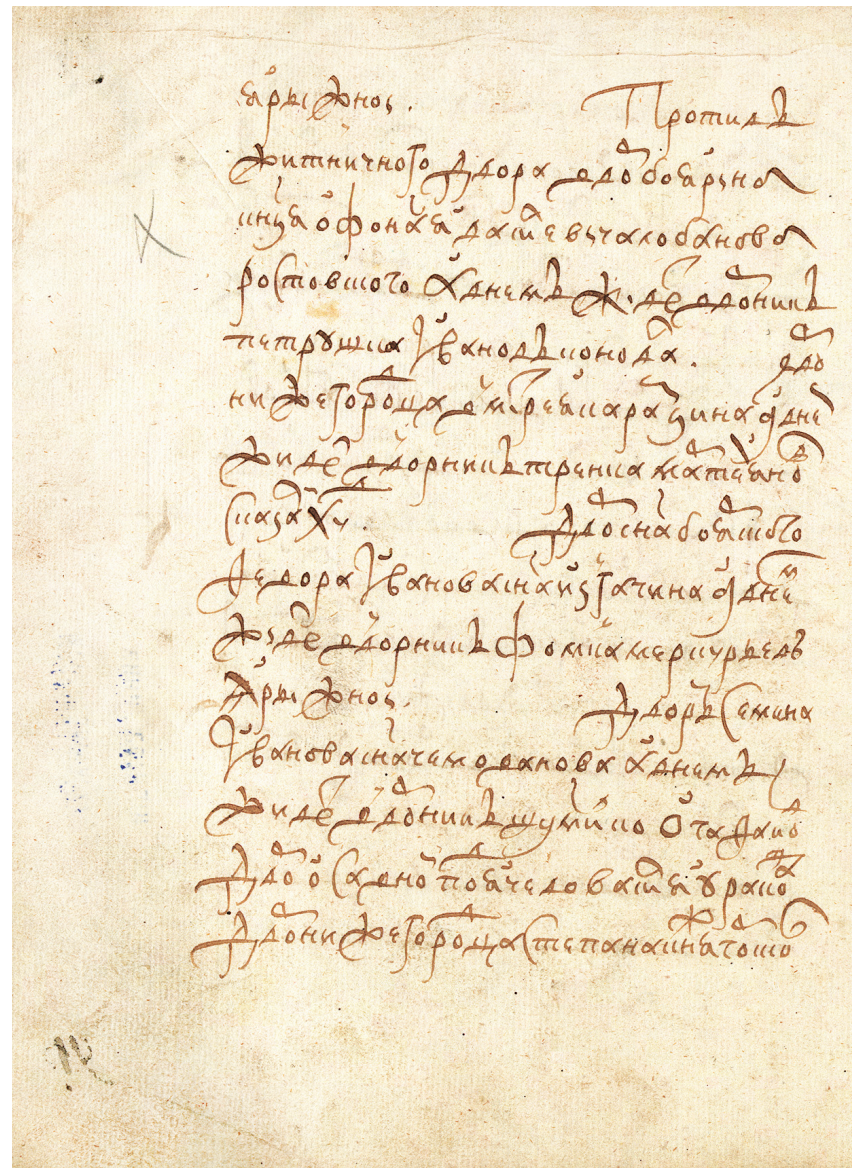
Документы из личных фондов Паниных-Блудовых и Шереметевых рассказывают об увековечивании памяти Н. М. Карамзина в Симбирске и Остафьево, сооружении памятников и их открытии. Особый интерес представляет переписка 1844 г. о внесении средств на монумент симбирского гражданского губернатора Н. М. Булдакова с помещиком Симбирской губернии главноуправляющим II отделением Собственной е.и. в. канцелярии графом Д. Н. Блудовым, который в 1848 г. был избран почетным членом Комитета

²² См.: Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М., 1860. С. 1–88; Долгова С. Р. Н. М. Карамзин и археограф А. Ф. Малиновский: научное сотрудничество // Карамзинский сборник. Вып. 1. Остафьево, 2011. С. 142–156.

²³ См.: Болотина Н. Ю. Н. М. Карамзин в работе над архивными материалами // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина и современное развитие российского общества. Ульяновск, 2014. С. 45–50.

Карамзинской библиотеки²⁴. Материалы Шереметева содержат его переписку с потомками историографа об их участии в торжественном открытии памятника в Остафьево²⁵.

Информационный потенциал фондов РГАДА для исследования биографии Н. М. Карамзина без сомнения значителен и не ограничивается представленным обзором. Архивные документы дают новые уникальные сведения о Карамзинных-землевладельцах, участниках важных событий в истории государства, людях, верно служивших отечеству, позволяют проникнуть в творческую лабораторию великого историка и увидеть его автографы и первые издания.

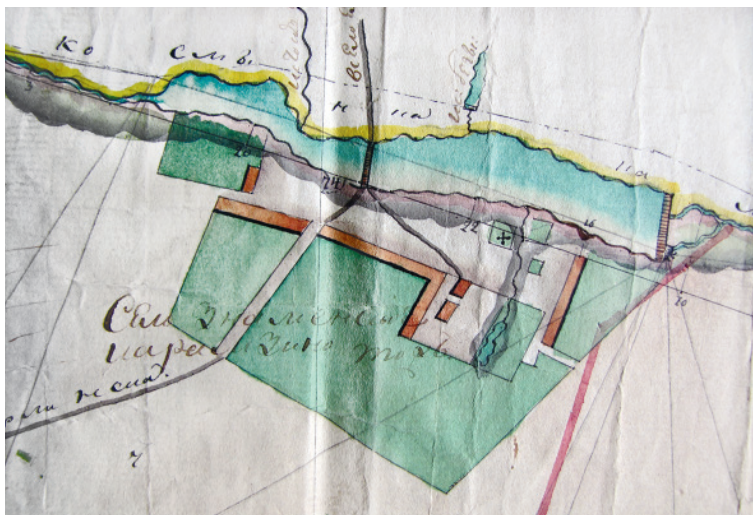
Описание двора Дмитрия Семенова сына Карамзина
в Нижнем Новгороде в писцовой книге
писцов Д. В. Лодыгина, В. И. Полтева и дьяка Д. Образцова.
1621–1622 гг.

²⁴ См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 608. Л. 1–4 об.; Д. 73. Л. 1–1 об.

²⁵ См.: Шохин Л. И. Архивные материалы С. Д. Шереметева об открытии памятника Н. М. Карамзину в Остафьево в 1911 году // Карамзинский сборник. Вып. 2. Остафьево, 2011. С. 130–146; Володина Т. Д. Памятник Карамзину в Остафьево (по материалам ЦГАДА) // Там же. С. 146–154.

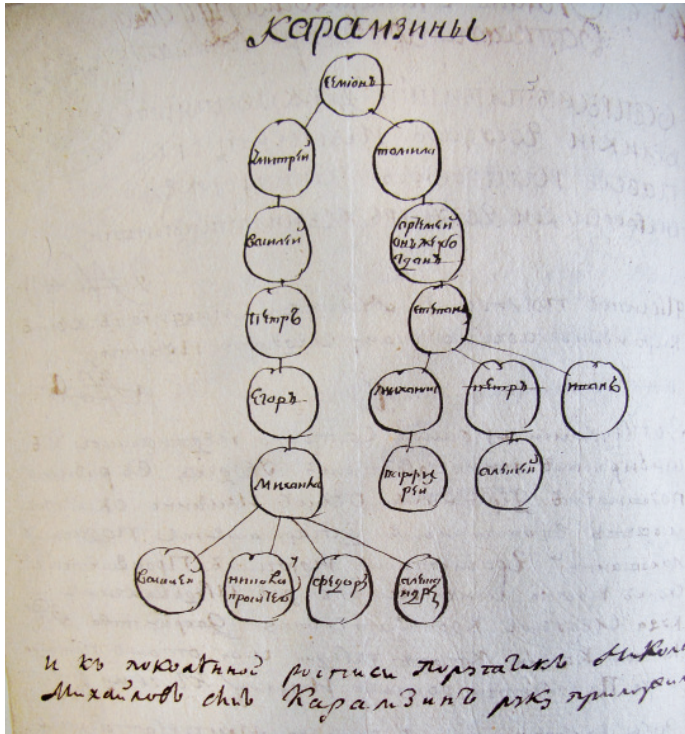
План земель в Оренбургской губернии, пожалованных М. Е. Карамзину.
1756 г.

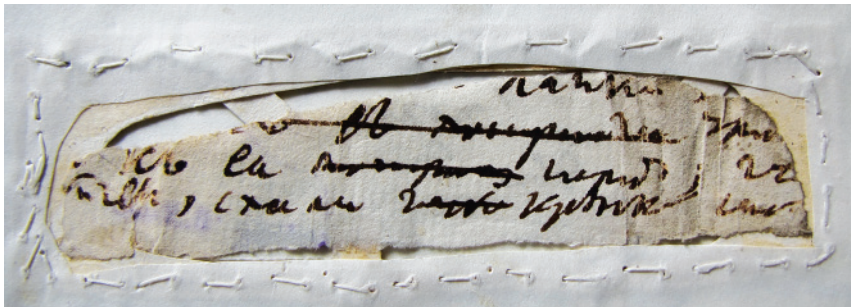
Геометрический специальный план села Знаменского (Карамзино),
составленный во время Генерального межевания Симбирской губернии.
Фрагмент. 1789 г.

План вотчины, отведенной И. К. Палибину,
с указанием «дерева Карамзина». 1756 г.

Родословная схема Карамзиных, приложенная к прошению Н. М. Карамзина о выдаче из архива Вотчинного департамента копии документов о землевладении его предков в Симбирском и Нижегородском уездах. Подпись-автограф. Октябрь 1799 г.

Фрагмент черновика «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Автограф. Нач. XIX в.

Черновые заметки Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского». Автограф. Нач. XIX в.

Р. Б. ЗАЙТУНОВ

Н. М. Карамзин о некоторых аспектах истории башкирского народа

Известный русский историк Н. М. Карамзин связан по происхождению с Урало-Поволжским регионом. Местом его рождения является село Знаменское Симбирского уезда Казанской губернии. Кроме того, первые годы жизни Карамзина связаны с Оренбургской губернией, где в Бузулукском уезде имелось поместье его отца, отставного офицера. История данного имения связана с формированием дворянского землевладения в Оренбургском крае. В середине XVIII в. многие офицеры и гражданские чиновники могли приобрести за службу участки в оренбургских степях. В 1752 г. отец будущего историка М. Е. Карамзин получил за службу земельный участок вблизи Бузулукской крепости. Данное приобретение обусловило постепенное формирование населенного пункта Михайловка, которое позже получило наименование села Преображенское. Впоследствии Н. М. Карамзин оставался совладельцем этого имения совместно с братом Федором¹. В 1802 г. землемер А. Добровольский осуществил измерения этих угодий. Согласно информации из Экономических примечаний Генерального межевания площадь угодий дворян Карамзиных составила 1154 десятин земли².

Связь с Урало-Поволжьем проявилась во внимании Н. М. Карамзина к ряду аспектов из истории этого региона, в частности к некоторым этапам жизнедеятельности башкирского народа.

Так, например, в контексте анализа формирования российской государственности Карамзин изучил разнообразные источники эпохи Средневековья. В частности, ознакомившись с трудами европейских авторов XIII в. Юлиана, Плано Карпини, Гильома де Рубрука, он отмечал внушительность ареала проживания башкирского

¹ См.: Муравьев В. Б. Карамзин. М., 2014. С. 34 (Жизнь замечательных людей).

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 36.

План г. Симбирска, с экспликацией зданий и улиц.
Первая пол. XIX в.

народа в XIII в.; по его мнению, башкиры проживали на обширном пространстве между реками Волга и Урал³.

Н. М. Карамзин полагал, что для этого периода характерны и сложные и неоднозначные этнические процессы. В частности, он обратил внимание на параллели в лексике башкирского и венгерского языков. Масштабная трансформация этносов XIII в., по его мнению, повлияли на судьбу башкир, которые оказались в поле тюркской языковой семьи. Все это привело к изменению этнической истории башкирского народа.

Историк выделяет как этапные события процесс включения Урало-Поволжья в состав Русского государства. Он обращает внимание на изменение тактики правительства Ивана IV после взятия Казани в 1552 г. Часть представителей окружения царя предлагали использовать военные методы при движении вглубь Уральского региона. Однако царь Иван Грозный изменил свой политический курс при последующем освоении и колонизации края. Именно по инициативе Ивана IV были направлены послы с грамотами к народам Поволжья. Русский царь призывал: «Идите к нам без ужаса и боязни... платите мне, что Вы платили Казанскому ханству». Эти принципы царя конкретизируются в деятельности его официального представителя Семена Ярцева, который был послан в 1557 г. в Казань для управления краем⁴.

По его мнению, важным фактором российской политики является предоставление жалованных грамот старейшинам башкирского народа. Важным обязательством сотрудничества должна была стать выплата ясака в пользу Русского государства.

Таким образом, известный российский историк Н. М. Карамзин в своих трудах затронул отдельные этапные моменты истории Урало-Поволжья. В частности, им высказано мнение об этногенезе башкир. Особо Карамзин обращает внимание на события середины XVI в., которые изменили судьбу региона. Исследователь подчеркивает динамичность и гибкость подхода Русского государства

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 250; Т. 8. С. 117, 133.

⁴ Янгузин Р. З. Этногенез башкир. Угорская теория происхождения башкирского народа // Ватандаш. Общественно-политический, научно-популярный и художественный журнал. 2002. № 5. С. 45.

к развитию нерусских народов. Н. М. Карамзин полагал, что уже с середины XVI в. государство было ориентировано на диалог с представителями различных этносов. При этом исследователем было обращено внимание и на юридические контакты Русского государства с нерусскими народами. В частности, представители башкирского народа получили как символ добровольности вхождения в состав Русского государства жалованные грамоты на землю.

Н. Г. ЗАРЕМБО

Материалы о князе В. П. Мещерском в фондах РГИА

Значительное количество различных материалов о внуке Н. М. Карамзина известном общественном деятеле и издателе газеты-журнала «Гражданин» князе Владимире Петровиче Мещерском встречается как в фондах государственных учреждений, так и в личных. Документы отражают разные этапы его жизни и деятельности. Подчеркнем, что личного фонда В. П. Мещерского на хранении в РГИА не имеется.

Сведения о самом раннем периоде жизни В. П. Мещерского сохранились в деле «О возведении в княжеское достоинство рода Мещерских», начатом в 1851 г., из фонда Департамента герольдии Сената¹. Материалы дела подтверждают рождение В. П. Мещерского 14 января 1839 г. в семье отставного гвардии полковника П. И. Мещерского. О матери сказано, что дочь Николая Михайловича Карамзина, фрейлина двора е. и. в. Екатерина Николаевна признана в княжеском достоинстве и в 1847 г. сопричислена к роду Мещерских². Петр Иванович Мещерский, отец Владимира Петровича, владел в губернии Владимирской — 970 душами, в Костромской — 828, Ярославской — 280 и в Ямбургском уезде, Санкт-Петербургской — 240 душами. Согласно материалам вышеназванного дела П. И. Мещерский с семьей был внесен в 5-ю часть родословной книги Московской губернии, а в 1852 г. по его прошению их включили в ту же часть родословной книги Санкт-Петербургской³.

Ранний период государственной службы В. П. Мещерского отражен в его формулярном списке за 1867 г., сохранившемся в фонде Придворной е. и. в. конторы МИДва (ф. 469). На момент составления формуляра он являлся чиновником особых поручений V класса МВД,

в звании камер-юнкера, коллежском советником⁴. Указано владение им в Ярославской и Тверской губерниях до 1000 душ временнообязанных крестьян. Сразу по окончании курса Училища правоведения 11 мая 1857 г. зачислен в чине титулярного советника в канцелярию 1-го отделения 5-го департамента Сената. В ноябре того же года Мещерский определен стряпчим в «полицейских дел Рождественской части», а с 1859 г. в той же должности в Нарвской части⁵. В своих мемуарах князь сообщает о знакомстве с товарищем губернского прокурора В. Н. Спасским только зимой 1858 г., который и пригласил молодого правоведа поработать стряпчим⁶. Как видно, расхождение в датах небольшое, возможно, Мещерский не точно помнил время знакомства, что вполне допустимо для мемуаров. Далее последовала его служба на выборной должности — судьей 2-го департамента Санкт-Петербургского уездного суда с 1860 г. 30 августа 1861 г. — назначен камер-юнкером, а со 2 марта 1862 г. — переведен на исполняющего должность чиновника особых поручений VI класса при министре внутренних дел. В 1862 г. Мещерскому объявлена «особая и искренняя благодарность» министра за разборку дел, бумаг и разных книг, спасенных от огня во время пожара, бывшего 28 марта 1862 года в здании министерства внутренних дел⁷. Сам князь сообщает в мемуарах, что министр П. А. Валуев «нас всех запряг в работу сбирания подбиравшихся остатков» бумаг, разлетевшихся по ветру после пожара. Мещерский также сделал «очень наивно» замечание своему начальнику, что хорошо бы также усердно искать виновных в пожаре, как отыскивать разбросанные бумаги⁸.

Как чиновник МВД Мещерский в 1863–1864 гг. много ездил в служебные командировки в губернии (Тверская, Московская, Владимирская, Киевская, Подольская, Волынская)⁹. Поездка князя в Смоленскую и Могилевскую губернии в 1863 г. с целью организовывать народное ополчение по случаю польского восстания, столь красочно описанная в его воспоминаниях, оказалась не отражена в формуляре¹⁰. Первый орден — Св. Анны 3-й степени — Мещерский

⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 318.

⁵ Там же. Д. 1368. Л. 318 об.–319 об.

⁶ Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 56.

⁷ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 319 об.–320.

⁸ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 116.

⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 321 об.

¹⁰ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 127–129.

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 581.

² Там же. Л. 18, 23.

³ Там же. Л. 18–23 об.

получил 19 августа 1864 г. «за отлично усердную службу»¹¹, а сам князь подчеркивал, что за командировки. По сообщению Мещерского, император сказал ему при встрече, что лично исправил в документах его награду Св. Станислава на шею на орден Св. Анны¹².

Нахождение за границей в течение трех месяцев в 1864 г. с 4 июля в формулярном списке обозначено, как пребывание в отпуске¹³. В мемуарах Мещерский пишет о том, что Валуев, давая разрешение ехать за границу, поставил условие в Лондоне познакомиться с деятельностью местной полиции¹⁴. Историк И. Е. Дронов утверждает, что «Валуев посылал его набираться опыта в британский Скотланд-Ярд»¹⁵. Все же официально князь был в отпуске.

Важным этапом стало утверждение Мещерского в должности чиновника особых поручений VI класса при министре внутренних дел и поручение управлять III отделением департамента общих дел в мае 1865 г. 27 марта 1866 г. последовало его производство в коллежские советники. Без указания причины в формулярном списке сказано «Всемилощивейше пожаловано единовременно 1500 рублей» в январе 1866 г.¹⁶, а Мещерский сообщал, что получил как внук Карамзина в честь его столетнего юбилея в том же году пенсию такого же размера¹⁷. Возможно, речь идет об одном и том же пожаловании?

22 июля 1866 г. последовало назначение Владимира Петровича сопровождать наследника Александра Александровича в его путешествии по России¹⁸. Затем 5 октября того же года последовало его назначение чиновником особых поручений V класса при министре внутренних дел. Последнее поручение в феврале 1867 г., указанное в вышеназванном формуляре, — командировка в «некоторые великороссийские и южные губернии для собирания статистических сведений, а также данных, касающихся учреждений по крестьянским делам»¹⁹.

Дальнейшее выявление материалов о служебной деятельности В. П. Мещерского в фондах РГИА позволит прояснить многие эпизоды его биографии.

Важным этапом в жизни князя стало издание газеты-журнала «Гражданин» в 1872–1914 гг. (с перерывом в 1880–1881 гг.), в котором он выступал как основатель, издатель и основной автор. Редакторы «Гражданина» неоднократно менялись. Значительный объем документальных материалов по изданию газеты-журнала «Гражданин» сохранился в фонде Главного управления по делам печати министерства внутренних дел (ф. 776). Во всеподданнейших докладах министра внутренних дел Александру II неоднократно сообщалось о разных нарушениях издания «Гражданин» и наложением за это на него наказаний (предостережение, приостановление издания и т.д.)²⁰. Важным в данных документах является зафиксированная реакция императора на сообщения о примененных санкциях («Вполне этого заслуживает», «Дельно»).

Интересным и важным для изучения издания «Гражданина» и роли Мещерского является дело «По изданию газеты “Гражданин” за 1871–1888 гг.». Документы отражают все стороны издательской деятельности: материальный аспект, отношения издателя и редакторов, цензурные наказания за 1871–1880 гг. и т.д. Из материалов дела следует, что Мещерский стремился полностью контролировать издание. Он имел «право прочитывать все статьи и отмечать статьи признанные не подходящими»²¹. В деле сохранились материалы, отражающие сотрудничество Ф. М. Достоевского в издании «Гражданин».

Причины запретов на печатание литературных произведений Мещерского и характеристика его публицистических статей представлена в документах, подготовленных цензорами и сохранившихся в вышеназванном деле. В «Гражданине» был напечатан роман Мещерского «Женщины из петербургского большого света», и цензор обратил внимание, что выведены «хотя и вымышленные, но все же лица, принадлежащие к самой высшей общественной сфере, их фамилии слегка переделаны Голицыных в Гоницыных», «у Гагариных отнял титул, Трубецких сделал графами»²². В деле много цензорских

¹¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 322 об.

¹² Мещерский В. П. Воспоминания. С. 136.

¹³ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 319.

¹⁴ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 183.

¹⁵ Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 59.

¹⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 323 об.–324.

¹⁷ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 253.

¹⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1368. Л. 323 об.–324.

¹⁹ Там же. Л. 324 об.–325.

²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–3 об.; Д. 12. Л. 24–24 об.; Д. 13. Л. 33–34 об.; Д. 14. Л. 37–38.

²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 95. Ч. I. Л. 117–118.

²² Там же. Л. 141–144 об.

характеристик публицистики Мещерского: «со свойственной ему решительностью и настойчивостью уличает политиков высших сфер» или «без всякой сдержанности, самоуверенным тоном»²³.

Многие документы о газете-журнале «Гражданин» часто аналогичного характера сохранились в фонде Петроградского (Петербургского) комитета по делам печати при Главном управлении по делам печати (ф. 777). В деле «По журналу под заглавием “Гражданин”. Издатель князь В. П. Мещерский. Редактор М. Н. Назаров», начатом в 1906 г., сохранились копии свидетельств о разрешении издавать журнал «Гражданин», материалы по его административному и уголовному преследованию²⁴.

Подчеркнем, что в фондах 776 и 777 документальных материалов по издательской, публицистической и литературной деятельности значительно больше, чем указано выше. Возможно дальнейшее их выявление.

В фонде Департамента государственного казначейства сохранились документы, отрезающие субсидирование изданий В. П. Мещерского властью. В июня 1895 г. князь обратился с всеподданнейшим прошением о сохранении ему денежной субсидии. Николай II наложил следующую резолюцию: «Выдать Мещерскому 100 т. раз и на всегда и затем считать дело с ним оконченным». В справке от 25 июня 1895 г., написанной рукой С. Ю. Витте указано, что сто тысяч рублей Государственное казначейство выдало из сумм «проведа в своих документах на расходы на известные его императорскому величеству употребление»²⁵. В том же фонде сохранилась справка о субсидировании изданий Мещерского в период с 1881 по 1904 г.; выдача средств велась регулярно с 1881 по 1886 г. — по 35 тыс. руб., с 1887 по 1894 г. — по 66 тыс. руб. Зафиксирована сумма, выданная в 1895 г., о чем сказано ранее, и комментарий императора. Но Мещерский продолжал получать и ежегодные выдачи с 1899 по 1901 г. по 10 тыс. руб.; в 1903 г. последовало их повышение до 24 тыс., а в 1903 г. до 36 тыс. руб. С 1903 г. выдавались средства для издания иллюстрированного журнала «Дружеские речи»: по 128 тыс. руб. — в 1903 г., 114 тыс. руб. — в 1904 г. При распоряжении о последней субсидии стояла резолюция Николая II: «Выдача сия не должна

служить поводом к дальнейшим домогательствам. Ограничение это не подлежит объявлению князю Мещерскому». И все же в декабря 1905 г. император вновь велит выдать ему 135 тыс. руб. на продолжение издания «Дружественных речей»²⁶.

В РГИА возможно выявление и других случаев финансирования изданий Мещерского из государственных средств. Финансовые документы дают четкую картину субсидирования.

Материалы о деятельности «закулисного характера» Мещерского также встречаются в архиве. В фонде Канцелярии министерства императорского двора сохранились документы за 1914 г. с обвинениями в адрес Мещерского и его окружения от князя и политического авантюриста М. М. Андроникова. Он сообщает: «В кредитной канцелярии министерства финансов находится докладная записка и. д. шталмейстера Бурдукова / друга и приживальщика издателя “Гражданина” князя В. П. Мещерского /, в которой автор ее доказывает необходимость учреждения ипотечного банка в Царстве Польском, вместе с тем ходатайствует о предоставлении ему соответствующей концессии. За спиною и. д. шталмейстера Бурдукова оперирует известный биржевой спекулянт Манус, столь же близкий князю Мещерскому, и уже ведутся, еще до утверждения устава, переговоры Бурдукова с банками о финансировании этого предприятия, с уплатою г. инициатору куртажа в несколько сот тысяч рублей»²⁷. Представляется, что в фондах архива сохранились и другие материалы подобного рода.

Эпистолярное наследие В. П. Мещерского сохранилось в разных личных фондах, как в рукописных подлинниках, так и в копиях. Почерк князя неразборчив, возможно, это и стало одной из причин, создание копий его посланий. Остановимся на копиях писем Мещерского к министру внутренних дел Д. А. Толстому, сохранившихся в фонде историка П. Е. Щеголева. В двух из них от 1887 г. Мещерский подчеркивает, что он внук Н. М. Карамзина, прося средства на издание монархического «Гражданина»²⁸.

Деловые и личные отношения В. П. Мещерского отражают его письма к министру финансов, председателю Комитета и Совета министров С. Ю. Витте. Они сохранились в фонде Витте²⁹. Письма

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 95. Ч. I. Л. 198, 210.

²⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. Д. 463. Л. 1 и далее.

²⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 15. Д. 1084. Л. 13–14.

²⁶ Там же. Д. 75. Л. 4.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 7. Л. 356.

²⁸ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 363. Л. 4–6.

²⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 439, 446, 447, 448, 449, 450.

Мещерского разного характера сохранились в личных фондах министра внутренних дел Д. С. Сипягина³⁰, министра народного просвещения В. Г. Глазова³¹, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева³², небольшие записки — в фондах географа и историка И. П. Корнилова³³ и товарища министра финансов, главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина³⁴.

Документальные материалы об известном общественном деятеле и издателе газеты-журнала «Гражданин» князе В. П. Мещерском сохранились в разных фондах государственных учреждений и в личных фондах. Таким образом, возможно дальнейшее выявление и введение в научный оборот материалов о служебной, издательской и другой деятельности В. П. Мещерского, также уточнение его биографических данных.

М. В. КАЛАШНИКОВ

Д. Н. Блудов и Н. М. Карамзин

Н. М. Карамзин оказал определяющее влияние на систему взглядов и карьеру крупного государственного деятеля России середины XIX в. Д. Н. Блудова¹. Сама личность Карамзина была смыслоорганизующей и целеполагающей «фигурой» в жизни Блудова, т. е. «трансцендентальным означающим», определившим его биографию.

В ранней юности Блудов критично относился к проявлениям излишней чувствительности (сентиментальности) как в жизни, так и в литературе, поэтому в своих литературных опытах начала XIX в. он пытался противостоять сентиментализму Карамзина. В начале 1800-х гг. Блудов пробовал свои силы как драматург. Сохранился развернутый план его комедии «Чувственный», в которой он высмеивал штампы сентиментализма². Впрочем, негативное отношение Блудова к сентиментализму как мировоззренческой конструкции не распространялось на личность Карамзина. Не ранее 1803 г., но и не позднее 1805 г. Блудов писал В. А. Жуковскому: «...рассмотри план комедии чувственного <...> не думай, что в число глупых чувствительных я включил Карамзина, нет, я имею довольно ума чтоб сердечно уважать его и его сочинения. <...> я намерен посвятить ее ему»³.

С Карамзиным Блудова познакомил его друг Жуковский в 1804 г. в Москве. К. С. Сербинович вспоминал: «...Дмитрий Николаевич рассказывал мне о своем знакомстве с Карамзиным следующее: В <...> 1804 году Жуковский <...> повез его к Карамзину и познакомил с ним. Первое свидание произвело глубокое

³⁰ РГИА. Ф. 721. Оп. 1. Д. 65.

³¹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 548.

³² РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 173.

³³ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 774.

³⁴ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 287.

¹ См.: *Калашников М. В.* Блудов Д. Н. // *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия.* М., 2010. С. 65–67.

² РО ИРЛИ. № 21.856. Л. 1–6.

³ Там же. № 21.823. Л. 38.

впечатление на 19-летнего юношу, он искал случаев видаться с ним чаще и с тех пор чаще бывал у него в Москве»⁴. Биограф Блудова Е. П. Ковалевский писал: «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того, ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления, — разве личность графа Каподистрия. Он воротился домой очарованный <...> и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии»⁵.

Личное знакомство с мастером оказало определяющее влияние на юного Блудова. Он становится ярким карамзинистом. В этот период Блудов почти в одиночестве отстаивал принципы поэтики Карамзина в литературной полемике, а в конце 1800-х — начале 1810-х гг. и в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. Недаром Н. И. Греч вспоминал: «...Блудов самый исступленный карамзинист, веровавший в “Бедную Лизу”, как в Варвару-великомученицу...»⁶. В декабре 1815 г. на заседании литературного дружеского общества «Арзамас» Блудов говорил о недавнем прошлом так: «...и Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу; дышал усердною ненавистью к его неприятелям...»⁷.

Переход Блудова в середине 1800-х гг. на позиции карамзинизма означал для него обретение истины, системы четких определений и ясных сущностей. Самоуверенность и сомнение Блудова в этот период не знали границ. Известные литераторы Г. Р. Державин и В. А. Озеров неоднократно пытались вразумить юного родственника.

Экзистенциально карамзинизм стал для Блудова и точкой опоры, от которой он отталкивался, и светом истины, которую он проповедовал как исступленный неофит, поэтому его позицию в этот период можно определить как «фаллоцентрическую» (Ж. Деррида). Как в патриархальном мире «...фаллос является символом уверенной, истинной самоидентичности, и это не подвергается

сомнению»⁸, так во внутреннем мире Блудова символом не подвергаемой сомнению истины становится Карамзин. Метафорически это осознавал и сам Блудов. Впоследствии он называл Карамзина «mein Vaterlicher Freund»⁹ (мой друг-отец. — нем.). Заметим, что понятие «отец» не только эвфемизм, но и одна из главных метафор такого трансцендентального означаемого и одновременно означающего как фаллос (Ж. Лакан).

Блудов еще в раннем детстве лишился отца и рос в женском окружении. До шестнадцати лет он находился под плотной опекой любящей, но авторитарной матери. Переехав в 1802 г. в Петербург и освободившись от ее опеки, он пустился во все тяжкие. Став идейным карамзинистом Блудов обретает в личности Карамзина символического отца. Тем более что мать его — Е. Е. Блудова умерла 1 января 1807 г. в возрасте 52-х лет¹⁰.

Приезжая в Москву, Блудов старался чаще бывать у Карамзина. Так, например, 3 ноября 1810 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Здесь Дм. Ник. Блудов и посещает меня не редко...»¹¹. Однако их более тесное сближение происходит в 1816 г., когда историограф окончательно переезжает в Петербург. В это время Блудов активно отстаивал принципы карамзинизма в борьбе «Арзамаса» с шишковской «Беседой любителей русского слова». Карамзин в протоколах «Арзамаса», написанных Блудовым, назван в числе «арзамасцев рожденных», «природных»¹². В это время из молодых друзей Карамзин особо выделял Блудова и Д. В. Дашкова. 22 ноября 1817 г. он сообщил старому другу: «Блудов едет в Лондон советником посольства <...> но лучше, если бы умных людей, и с дарованием, употребляли в России...», а 10 декабря: 1817 г. констатировал: «Блудов с нами расстался: мне жаль его для себя»¹³.

В первой половине 1820-х гг. Блудов и Карамзин уже близкие друзья-единомышленники. 14 декабря 1822 г. Карамзин писал Дмитриеву: «Добрый Шишков убеждает меня завести вечера для

⁴ *Сербинович К. С.* Воспоминания гр. Д. Н. Блудова о Н. М. Карамзине записанные К. С. Сербиновичем // РГИА. Ф. 1661 (К. С. Сербинович). Оп. 1. Д. 164. Л. 1–1 об.

⁵ *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (Царствование имп. Александра 1-го). СПб., 1866. С. 40.

⁶ *Греч И. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 29.

⁷ «Арзамас»: сборник: в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 318.

⁸ *Иглтон Т.* Теория литературы. Введение. М., 2010. С. 225.

⁹ *Бартенев П. И.* Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1994. Т. 1. С. 78.

¹⁰ *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 43.

¹¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 135.

¹² «Арзамас». Кн. 1. С. 372, 386.

¹³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 225, 226.

чтений и бесед о литературе; но что читать, с кем и о чем беседовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова...»¹⁴. С А. С. Шишковым и его «Беседой» не на жизнь, а на смерть боролся «Арзамас». Характерно, что 25 ноября 1826 г. Блудов стал товарищем министра народного просвещения Шишкова.

В 1825 г. Блудов — подавший в отставку чиновник Министерства иностранных дел, несостоявшийся литератор, мужчина, переживавший кризис середины жизни. Осенью он собрался переезжать в Дерпт, где планировал заняться историей России XVII в. — начать писать историю дома Романовых¹⁵. Получалось, правда, подальше от Карамзина и поближе к И. Ф. Г. Эверсу. П. И. Бартенев, знавший об этом эпизоде его жизни от самого Блудова, писал: «Карамзин указал на него Государю (Александру I. — М. К.) как на продолжателя своего исторического труда <...> Блудову был открыт государственный архив и дозволено брать оттуда бумаги не только на дом, но и увозить с собою в Дерпт...»¹⁶. Готовясь к новому виду деятельности Блудов в ноябре 1825 г. давал уроки русской истории своим детям¹⁷.

Карамзин еще в марте 1821 г. писал Дмитриеву: «Хотелось бы дойти до Романовых и тогда проститься с Историею»¹⁸. Возможно, он уже тогда видел в Блудове продолжателя своего дела. А. Д. Блудова вспоминала: «Карамзин говаривал отцу моему не раз, как надо быть осторожным в оценке лиц и событий прошлого времени, остерегаться собственного увлечения при изучении современных описаний и односторонних рассказов, а надо принимать во внимание совокупность показаний и глубоко укоренившийся общий взгляд на лица и на события, когда этот взгляд *переходит в сознание народное*»¹⁹. (Выделено в публикации. — М. К.)

¹⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 342.

¹⁵ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 449 (из записи от 4 декабря 1856 г.).

¹⁶ Самозванка Тараканова. Бумаги о ней из Архива Государственного Совета / Сообщены С. А. Панчулидзевым // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 3. С. 425 (примеч. П. И. Бартечева).

¹⁷ *Блудова А. Д.* Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1875. Кн. 1. № 2. С. 193.

¹⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 306.

¹⁹ *Блудова А. Д.* Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой [Писаны в 1867 г.]. М., 1888 (обл. 1889). С. 71–72.

Однако декабрь 1825 г. изменил судьбу Блудова. 31 декабря 1844 г. М. А. Корф записал в дневнике: «С Блудовым сегодня речь зашла <...> о первом сближении его с Государем. <...> Творцом их сближения и, чрез то, всей последующей карьеры, был Карамзин. <...> во время междуцарствия, пока ждали рокового ответа из Варшавы (между 8 и 12 декабря 1825 г. — М. К.) [Карамзин] особенно рекомендовал ему [Николаю Павловичу] Блудова и Дашкова. Ближайшее знакомство с первым заключено было в салоне старухи Ливен»²⁰.

Вечером 14 декабря 1825 г., уже после разгрома восставших, Блудов был срочно вызван в Зимний дворец. Н. М. Карамзин, находившийся весь день во дворце, к концу дня устал до изнеможения. Поэтому, когда Николай I обратился к нему с просьбой написать сообщение о происшествии 14 декабря для завтрашней газеты, историограф вместо себя рекомендовал императору уже знакомого ему Блудова²¹. Как человека владеющего пером и, что было не менее значимо, духовно и идейно близкого Карамзину.

Через несколько месяцев, умирая, Карамзин завещал Блудову издание 12-го тома своей «Истории...». Блудов (с помощью Сербиновича) не просто подготовил текст рукописи к печати — он собрал разрозненные записи, отредактировал их и составил примечания по плану Карамзину. В РГИА сохранились письма К. Ф. Калайдовича и А. Ф. Малиновского, присылавших Блудову необходимые для работы исторические материалы²². В 1829 г. 12-й том «Истории...» Карамзина был издан с предисловием Блудова²³.

²⁰ *Корф М. А.* Дневник. 1844 год // ГА РФ. Ф. 728 (Библиотека Зимнего дворца). Оп. 1. Д. 1817. Т. VII. Л. 454 об. — 455.

²¹ [*Бартенев П. И.*]. Император Николай Павлович и Карамзин в последние дни. Их переписка // Русский архив. 1906. Кн. 1. № 1. С. 122; *Вигель Ф. Ф.* Записки : в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1202; *Рудницкая Е. А., Тартаковский А. Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 28.

²² Письма Блудову Д. Н. К. Ф. Калайдовича о выполнении поручения по сообщению надписи на гробнице Шуйского и др. 8 л. // РГИА. Ф. 1661 (К. С. Сербинович). Оп. 1. Д. 1746; Письмо А. Ф. Малиновского — Д. Н. Блудову с препровождением «Разрядной книги» времен Шуйского и польских дел для подготовки к изданию последнего тома «Истории» Н. М. Карамзина // Там же. Д. 1747.

²³ *Карамзин Н. М.* История Государства Российскаго. СПб., 1829. Т. 12.

Завершая дело Карамзина, Блудов не расставался с мыслью о его продолжении — написании истории династии Романовых. 6 июня 1827 г. Н. М. Языков писал из Дерпта А. Н. Вульффу: «Здесь недавно проехал путешествовать по Ливонии Булгарин; он мне сказывал <...> что Блудов издает продолжение истории, оставленное Карамзиным, и далее будет писать сам»²⁴.

Однако быстрое восхождение по карьерной лестнице лишило его надежды примерить камзол историографа. В апреле 1828 г. Блудов, оставаясь товарищем министра народного просвещения, стал главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий, а в феврале 1832 г. был назначен министром внутренних дел. Вместе с тем политическая история России XVIII в. была предметом интереса Блудова всю оставшуюся жизнь. Именно ему Николай I поручал исторические разыскания по закрытым темам этого периода. В марте 1860 г. М. П. Погодин, записывая свои впечатления о поездке в Петербург и встрече с Блудовым, отметил: «Он (Блудов. — М. К.) знает рукописную историю XVIII-го века, разумеется лучше всех у нас, и намеревался ее обрабатывать, но, к сожалению, государственные его занятия отвлекли от Истории»²⁵.

После смерти Карамзина его личность для Блудова становится трансцендентальным означаемым. Он прямо ссылался на жизнь и деятельность Николая Михайловича как на образец служения Отечеству. Отношение к личности историографа и к его «Истории...» было для Блудова определяющим критерием в его отношениях с окружающими. Любое покушение на авторитет Карамзина вызывало противодействие со стороны Блудова. До конца своих дней он считал себя «прямым наследником Карамзина»²⁶. М. П. Погодин и С. М. Соловьев испытали на себе охранительные настроения «наследника»²⁷.

²⁴ Из писем Н. М. Языкова к А. Н. Вульффу (1827–1829) // Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 413. (Языковский архив; вып. 1).

²⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 266.

²⁶ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 250 (из записи от 22 декабря 1861 г.).

²⁷ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 258–264; Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 329–330.

В 1833 г. министр внутренних дел Блудов выступил инициатором сооружения памятника Карамзину в Симбирске. Подготовка проекта памятника и сбор средств на него были также инициированы Блудовым²⁸.

Память о друге-отце Блудов сохранил до самой смерти. По свидетельству дочери последние двенадцать дней жизни «...провел он в молитве и чтении <...> а по временам, вспоминал также о Карамзине и Жуковском...»²⁹.

²⁸ См.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 243–244; Блохинцев А. Н. И жизни след оставили своей... Саратов, 1980. С. 105–111; Трофимов Ж. А. Симбирский памятник Н. М. Карамзину. Известное и неизвестное. М., 1992. С. 9–12.

²⁹ А. Б. [Блудова А. Д.] Последние дни жизни графа Дмитрия Николаевича Блудова // Блудов Д. Н. Мысли и замечания. СПб., 1866. С. 62.

М. Ю. КИСЕЛЕВ

Документы о Н. М. Карамзине в фондах Архива Российской академии наук

Имя Николая Михайловича Карамзина занимает в российской истории особое место. Удивительна и судьба его главного творения — «Истории государства Российского». При жизни автора ею зачитывалась едва ли не вся просвещенная Россия, читали даже вслух в салонах, обменивались впечатлениями по поводу драматических событий, описанных мастерской рукой историка, наиболее чувствительные проливали слезы. Широчайшей популярностью имя Карамзина пользуется и ныне. В чем притягательная сила его сочинения, ставшего бессмертным? Почему только на протяжении второй четверти XIX столетия «История государства Российского» переиздавалась шесть раз? Исследователя и читателя влечет к Н. М. Карамзину магия слова, созданные им художественные портреты исторических личностей, сочетание писательского и исследовательского талантов. Дарованиями, свойственными Николаю Михайловичу, не обладали, по нашему мнению, ни историки XVIII в., ни историки XIX столетия вплоть до Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского.

В Архиве Российской академии наук (Архив РАН), одном из крупнейших и старейших архивохранилищ России, сохранились документы, в которых содержится мнение российских ученых как о самой личности Карамзина, так и о его произведениях, а также об исторических событиях, на фоне которых протекала жизнь и деятельность историка.

В личном фонде академика АН СССР Н. М. Дружинина (1886–1986) отложились схема биографии Н. М. Карамзина, подготовительные материалы и план его лекции «Карамзин Н. М. как историк» в Московском государственном университете, прочитанной 9 марта 1937 г.¹ Подготовительные материалы выполнены на карточках и состоят из нескольких частей, хранящихся в отдельных

конвертах. Первый конверт озаглавлен «Записки и статьи Н. М. Карамзина (к докладу в МГУ)», карточки в нем систематизированы по разделам:

- двойственность Карамзина,
- его социальное окружение,
- отношение к французской революции,
- история и современная политика,
- западноевропейское влияние,
- монархия или республика,
- дворянство,
- роль героев,
- оценка крепостного права,
- необходимость повиновения,
- философия русской истории,
- отношение к либералистам и сервиллистам,
- первые исторические опыты,
- возникновение «Истории государства Российского»,
- философские предпосылки, значение Истории,
- История и ее методы,
- идеал правления,
- общий характер Истории,
- окончательная оценка,
- концепция,
- построение,
- критицизм,
- роль личности,
- источники,
- пользование источниками,
- Карамзин и историки его времени,
- Карамзин и Щербатов,
- форма изложения,
- примечания,
- критики «Истории государства Российского».

На каждой из 229 карточек сделаны выписки из произведений М. П. Погодина, П. Н. Милюкова, С. М. Соловьева, Н. М. Карамзина, К. Н. Бестужева-Рюмина. Аналогичные карточки систематизированы в конвертах, озаглавленных «Историки о Карамзине» (55 карточек), «Карамзин Н. М.» (37 карточек), «История государства Российского Н. М. Карамзина» (12 карточек).

¹ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 246. 340 л.

Наибольший интерес представляет план лекции Дружинина, посвященной Карамзину, в котором советский ученый дает свою оценку историку, его произведениям и эпохе. По мнению Дружинина, в советской историографии отсутствовал интерес к Карамзину (не было книг, статей, высказываний). Он упоминает лекции М. Н. Покровского¹, в которых Карамзин представлен как исполнитель заказа Александра I и А. А. Аракчеева, а «История государства Российского» — непрерывное собирание земель (панегирик самодержавию, в интересах торгового капитала). Отмечалось обычное представление о Карамзине как носителе социальной и политической реакции, воспитанном в патриархальной помещичьей усадьбе, выражавшем интересы дворянства, жестком крепостнике. Ученый считал, что необходимо в это представление внести поправки: литературное новаторство, либеральные споры в салоне Г. Р. Державина на волосок от ареста, осуждение аракчеевщины и военных поселений. Он отмечал игнорирование двух важных моментов в мировоззрении Карамзина: эволюции политических взглядов и внутренней противоречивости, которые историк сам признавал: «По чувствам я останусь республиканцем, я телом либералист».

Советский ученый отмечал необходимость учитывать влияние перемен в Европе на события в России: атмосфера просветительской литературы, апофеоз освобожденного разума, критика феодального прошлого. Оглушающее влияние Французской революции на Н. М. Карамзина и его единомышленников, три этапа в его отношении к революции: надежды и мечты, ужасы якобинской диктатуры и отчаяние, успокоение и консервативные выводы. Н. М. Дружинин останавливался на интересе Карамзина к русской истории, изучении летописей, замысле написать историю в назидание и руководство правителям и народу. Останавливаясь на условиях, в которых Карамзин начинал свою работу над «Историей государства Российского», ученый отмечал готовую историческую концепцию, наличие немецких и русских исторических трудов, использование художественных средств, привлечение широкого круга источников. По его мнению, центральная тема исследования — история государственной власти и ее деятельности, а князья и цари как воплощение

этой власти. В дальнейшем Дружинин останавливался на рассмотрении вопросов роли личности правителя в концепции произведения, приемах внешнего изложения материала и успехе «Истории государства Российского».

В личном фонде чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева (1878–1951) сохранилась лекция «Карамзин Н. М.», прочитанная 15 октября 1938 г.² В ней советский ученый отмечал, что Карамзин при написании «Истории государства Российского» имел перед собой целый книжный шкаф готовых трудов по российской истории, на которые он мог опираться и которые он мог дополнять и переделывать. Он считал, что научное мировоззрение предполагает исследование фактов, для изучения которых необходимо обращение к источникам, восстановление реальных событий, а затем уже изображение явлений или группы явлений. По его мнению, Карамзин, наоборот, определял перспективу, пытался ее понять и затем подкреплял материалами, которые можно было найти в источниках. Он считал, что подчинение этой художественной задаче делает историографию не столько научным исследованием, сколько художественным произведением. В то же время ученый отметил использование Карамзиным Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, а также не дошедших до нашего времени княжеских договоров, устава князя Владимира и договоров Новгорода с московскими и литовскими князьями как бессмертную заслугу. Он оценил наличие примечаний к каждому тому произведения как научную заслугу.

А. И. Яковлев отметил взгляды Карамзина на ход русской истории: Россия из небытия, благодаря самодержавию, превратилась сразу в могучее государство, затем, вследствие ослабления самодержавия, она впала в несчастье; вследствие восстановления самодержавия, превратилась снова в могучее государство и таким государством должна пребывать до скончания века, поскольку она будет беречь самодержавие. При оценке труда Карамзина ученый подчеркнул, что для историков, желавших учиться обращению с первоисточниками, его примечания и ряд критических рассуждений в этих примечаниях, были превосходной школой, готовящей к настоящей, глубокой и серьезной научной работе. По его мнению, с точки зрения общественной, «История государства Российского» — не только более или менее удовлетворительное воспроизведение

¹ Лекции М. Н. Покровского по русской истории, прочитанные в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в 1923–1926 гг. // Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 82, 83.

² Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 151. Л. 46–75.

явлений, но и политический памфлет, чрезвычайно энергично в известном направлении написанный и очень искусно составленный.

В личном фонде канд. ист. наук И. А. Кудрявцева (1903–1972) отложилась кандидатская диссертация «История Государства Российского Н. М. Карамзина в русской историографии»³, защищенная в Московском государственном историко-архивном институте в 1955 г. Задачей работы являлось рассмотрение отношений к Н. М. Карамзину как историку со стороны представителей различных исторических школ и направлений, существовавших в России на протяжении XIX и начала XX в. Ученым после проведения научных исследований были сделаны следующие выводы:

- появление произведения Н. М. Карамзина было большим событием в идейно-политической жизни русского общества, по которому на протяжении довольно длительного времени русские люди поучали первое знакомство с историей своей родины;
- произведение Н. М. Карамзина было крупнейшим явлением в русской исторической науке, автор не только подвел итоги достижениям историков XVIII в., но и продвинул историческую науку вперед, обогатив и значительно обновив ее источниковедческую базу;
- Н. М. Карамзин был одним из самых выдающихся представителей дворянской историографии, он развил монархическую концепцию русской истории и придал ей реакционно-охранительный характер;
- концепция русской истории Н. М. Карамзина была положена в основу всей официальной историографии Российской империи;
- произведение Н. М. Карамзина вызвало широкую полемику, на отношении к его исторической концепции проявлялись не только научные, но и политические позиции участников обсуждения;
- разделение критиков Н. М. Карамзина на несколько групп; для советских историков Н. М. Карамзин представлял лишь историографический интерес, но они очень мало им занимались; советские историки обстоятельно раскрыли классовую природу исторических взглядов Н. М. Карамзина и реакционную роль,

которую они сыграли в общественно-политической борьбе; слабо разработан вопрос о роли Н. М. Карамзина в развитии исторической науки, и о нем как источниковеде.

Сохранились отзывы ряда советских историков на диссертационное исследование И. А. Кудрявцева. В отзыве академика М. Н. Тихомирова отмечалось, что произведение Карамзина, хотя решительно устарело уже к середине XIX в., продолжало еще являться основным пособием для составителей различного рода описаний городов и монастырей даже в начале XX в. При оценке диссертации Кудрявцева он подчеркнул, что «в поле внимания автора попадали давно забытые, но крайне интересные с историографической точки зрения работы, о которых ничего не сообщают наши книги и статьи по историографии XIX в.»⁴.

В отзыве канд. ист. наук В. Е. Иллерицкого⁵ отмечалось, что содержание и выводы диссертационного исследования И. А. Кудрявцева устанавливают несостоятельность схемы развития русской исторической науки, предложенной Н. Л. Рубинштейном в его книге «Русская историография», согласно которой будто бы уже в 1820-х гг. дворянская историография утратила значение и уступила свое место пришедшей на смену буржуазной историографии. По его мнению, недостаточно полно освещены исторические взгляды Карамзина, характеристики источниковедческой основы произведения и взгляды революционеров-демократов о Карамзине.

В отзыве д-ра ист. наук А. С. Нифонтова⁶ на диссертационное исследования И. А. Кудрявцева содержится мнение о необходимости более точной периодизации развития полемики вокруг работы Н. М. Карамзина. По мнению ученого рубежной датой между первым и вторым этапом полемики можно считать 1829 г., когда идеологическая борьба приобрела особую остроту в связи с предложенной Н. А. Полевым концепцией исторического развития России принципиально отличной от концепции Карамзина. Он предлагал несколько расширить общие характеристики внутреннего положения России на отдельных этапах хода полемики, провести более четкое различие между общим периодом разложения феодально-крепостнического

⁴ Там же. Д. 90.

⁵ Там же. Д. 91.

⁶ Там же. Д. 92.

³ Архив РАН. Ф. 1690. Оп. 1. Д. 13. 378 л.

стройка и периодом его очевидного кризиса. Не согласен ученый с утверждением автора о том, что полемика в 1850-е гг. якобы утратила свою актуальность благодаря успехам философии и истории, чем объяснялось недостаточное участие в полемике Н. Г. Чернышевского. Он утверждал, что в период отмены крепостного права в России основное внимание революционеров-демократов привлекала борьба с буржуазным либерализмом.

Определенный интерес представляют замечания д-ра ист. наук Н. Л. Рубинштейна на статью И. А. Кудрявцева «“Вестник Европы” М. Т. Каченовского об “Истории Государства Российского” Н. М. Карамзина»⁷, подготовленные 12 ноября 1963 г. Ученый не соглашался с утверждениями автора, что в статьях Каченовского никакой критики и принципиального спора о произведении Карамзина не было. Он утверждал, что Каченовский в своих статьях ставил вопрос с критикой центрального положения «истории государей», а не «государства». И все это несмотря на необходимое смягчение общего тона, которое диктовалось общим настроением эпохи, занятым Карамзиным положением, которое исключало возможность более резкой критики.

Со времени создания «Истории государства Российского» прошло около двух столетий. Нынешние историки знают о древней России куда больше, чем Н. М. Карамзин, — сколько всего найдено: документы, археологические находки, берестяные грамоты, наконец. Но книга Карамзина — история-летопись — единственная в своем роде и больше такой не будет.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории России, личности Н. М. Карамзина и его эпохи, может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Н. С. КРЫЛОВ

Министерская служба И. И. Дмитриева (1810–1814 гг.)

Без всякого преувеличения можно сказать, что самым преданным и верным другом Николая Михайловича Карамзина был его старший родственник и собрат по перу Иван Иванович Дмитриев. Преданность Дмитриева великому историографу доходила порой до фанатизма, с которым ополчался он на тех, кто позволял себе малейшие критические отзывы в адрес его лучшего друга. Даже со своим любимым племянником, Михаилом Александровичем Дмитриевым, Иван Иванович без сожаления и надолго порвал отношения из-за того только, что тот посмел вступить в литературную перебранку с князем Вяземским, которому Карамзин всячески протезировал¹.

Впрочем, сегодня я собираюсь говорить не об отношениях Ивана Ивановича Дмитриева с Николаем Михайловичем Карамзиным, и не о собственном литературном творчестве Дмитриева, а о его службе в качестве министра юстиции. Службе, которая началась в январе 1810 г., продолжалась четыре с половиной года — до сентября 1814 г.

Сам Иван Иванович в своих мемуарах, изданных посмертно (его племянником Михаилом Александровичем) в 1866 г. под заглавием «Взгляд на мою жизнь», из всей своей министерской службы вспоминает лишь несколько эпизодов: главным образом о своем противоборстве со статс-секретарем П. С. Молчановым, по интригам которого несправедливо были решены спорные дела наследников Судяенко с помещиком Покорским, графини Потемкиной с опекунами по ее имени; и — о злоупотреблениях винного откупщика Переца².

¹ См.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 221–226.

² См.: *Взгляд на мою жизнь.* Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М.: Издание М. А. Дмитриева, 1866. С. 179–239.

⁷ Архив РАН. Ф. 1690. Оп. 1. Д. 94.

Почти ничего не добавляют к этому обширные воспоминания племянника Дмитриева — Михаила Александровича. Да и составители юбилейного сборника «Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902 гг.», которые отвели «дмитриевскому периоду» в истории Министерства 13 страниц, также основывали свое изложение почти исключительно на воспоминаниях покойного министра³.

Тем более важным и даже уникальным источником информации об этом периоде представлялся тот массив документов, который отложился в фонде Департамента Министерства юстиции в РГИА (Ф. 1405). В этом фонде документы «дмитриевского периода» хранятся в пяти погодных описях — с 8-й по 12-ю. Правда, на сегодняшний день из 18 308 дел, зафиксированных в этих описях, в наличии остается только 4167 — чуть более 24%. Таков печальный результат пресловутой чистки Сенатского архива, произведенной комиссией сенатора Репинского в 1880–1905 гг. Но и этой выборки, казалось, более чем достаточно, чтобы хотя в общих чертах охарактеризовать стиль деятельности талантливого поэта на министерском посту. Однако, ознакомившись с делами за 1810 г., — это 999 дел, собранных в 8-й описи, да еще и с первыми 135 делами 9-й описи, за 1811 г., я понял, что и остальные три с лишним тысячи дел вряд ли обогатят меня информацией, характеризующей самого министра, — так мало оказалось ее в просмотренном мною массиве.

Первая, и весьма многочисленная категория дел, отложившаяся в 8-й описи, состоит из нескольких сотен рапортов обер-прокуроров восьми департаментов Сената, которыми они сообщают о разногласиях, возникших среди сенаторов по тому или иному вопросу. Непонятно, зачем они вообще сообщали об этом министру. Ведь 14 и 15 пунктами высочайшего указа от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената» в таких случаях прямо предписывалось передавать вопрос на рассмотрение Общего собрания сенатских департаментов⁴. Для чего было обременять министра чтением не только самих рапортов, но и весьма обширных записок с подробным изложением дела? Значительная часть этих записок, по завершении дела, изымалась из него и возвращалась в Сенат, как видно из прерванной нумерации листов в деле. Но сохранялось сокращенное

изложение вопроса, сделанное на основании записок уже в Департаменте министра юстиции. А в конце 8-й описи помещены определения Общего собрания, состоявшиеся по тем же делам. Для современного историка русского права — это бесценный материал, к тому же и уникальный в тех случаях, когда он позволяет восполнить те досадные пробелы в составе нынешних Сенатских фондов, которые образовались в них в результате пресловутой чистки Сенатского архива комиссией сенатора Репинского. Но зачем министру было все это читать, если закон заведомо предreshал порядок дальнейшего течения такого рода дел? И в конце каждого такого дела читатель находит сегодня одну и ту же резолюцию: «рекомендую Вашему сиятельству (или Вашему превосходительству. — *Н. К.*) перенести дело сие установленным порядком в общее собрание Правительствующего сената»⁵ (между прочим, однажды такая резолюция последовала по делу, по которому сам Дмитриев, еще будучи сенатором, подал мнение отличное от мнения своих коллег⁶). Может быть, предшественник Дмитриева на посту министра — князь Петр Васильевич Лопухин позволял себе иногда вопреки закону оставлять иные резолюции? Для того чтобы убедиться в этом, нужно было бы просмотреть еще несколько тысяч дел «лопухинского периода» длившегося шесть с половиной лет, а покуда такой возможности у меня нет, приходится довольствоваться только догадками, основанными на самом факте подачи министру не подлежащих его ведению дел, причем в огромном количестве, от всех департаментов. Любопытно, что один из обер-прокуроров — Аркадий Алексеевич Столыпин, который поначалу подавал рапорты как и все его коллеги, вопрошая, что делать по случаю возникшего разногласия сенаторов (как будто на это не был дан ответ в самом законе), с марта 1810 г. стал уже заранее писать в конце каждого рапорта — «буду ожидать о перенесении сего дела в Общее собрание»⁷. Тогда как коллеги его продолжали «вопрошать» и засыпать министра не нужными ему делами, не сообщая, в то же время о нужных. Ибо указ 1802 г., предписывая без рассуждений отправлять в Общее собрание все дела, по которым не достигнуто общее согласие сенаторов, оставлял за министром

³ См.: Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 29–43.

⁴ См.: ПСЗ-1. № 2045.

⁵ См., например: РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 10. Л. 21; Д. 14. Л. 10; Д. 15. Л. 17; Д. 17. Л. 3–3 об. и т. п.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 51. Л. 1–27.

⁷ См., например: РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 50. Л. 1; Д. 51. Л. 1 и т. п.

право опротестовать любое дело решенное единогласно и вернуть его для пересмотра в Департамент⁸. Таковым правом обладали также обер-прокуроры, и они им регулярно пользовались, тогда как Иван Иванович, будучи министром, ни разу даже и не запросил в течение 1810 г. ни одного дела, единогласно решенного в департаментах (во всяком случае, если судить по сохранившимся в фонде делам). В отличие от его предшественника — светлейшего князя Лопухина, который с таким запросами обращался, как видно из дел продолжавшихся уже при Дмитриеве⁹. Да и не только запрашивал, но и возвращал своей властью в департаменты для пересмотра¹⁰. Случалось светлейшему опротестовывать и мнение Общего собрания Сената — например, по частной тяжбе между генерал-майором Вицинским и графом Поцеєм¹¹. Тогда как Дмитриев пользовался таковой же, предоставленной ему указом от 8 сентября 1802 г. возможностью, похоже, лишь тогда, когда вопрос выходил за рамки сугубо частного дела, приобретая хотя бы отчасти законодательный характер, как это случилось, когда Общее собрание московских департаментов Сената постановило по одному частному случаю выработать общее предписание о порядке ввода во владение по купчим, на которые состоялись запрещения. И тогда Дмитриев, понимая, что ему придется предлагать эту законодательную норму Государственному совету, просил «предварительно представить ко мне с объяснением случая и причин, по уважению коих Правительствующий Сенат находит нужным учинить таковое предписание»¹². Когда же и в Общем собрании не удавалось достичь единогласия, и Дмитриев уже обязан был подать свое мнение по существу дела, тогда он предварительно запрашивал еще заключение своего юрисконсульта¹³.

⁸ ПСЗ-1. № 2045, п. 16, 17, 18.

⁹ См., например, запрос Лопухина по земельной тяжбе графини Е. Головкиной (РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 92. Л. 4), или — по спору Голинских с князем Радзивиллом (Там же. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 93. Л. 7).

¹⁰ См. протест П. В. Лопухина на решение 5-го департамента об освобождении от ответственности земского исправника Делинсаузена (РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 127. Л. 5–7 об.).

¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 87. Л. 1–5.

¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 23.

¹³ См., например, заключения юрисконсультов по разным частным делам: РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 4045. Л. 84; Д. 4050. Л. 2–11 об.; Д. 4067. Л. 2–7 (тут же резолюция Дмитриева, который присоединился к мнению большинства сенаторов).

Так же не находится никаких примеров вмешательства Дмитриева в те или иные частные дела, о которых ему сообщали многочисленные частные жалобщики, адресовавшие министру свои слезные просьбы. Реакция на них всегда была одна и та же — то есть по сути дела никакой реакции. Дмитриев, либо вовсе ничего не отвечал просителю, либо вежливо сообщал, что «министр юстиции не имеет власти ничьих решений сам собою останавливать, ниже выводить дела из предписанного законом порядка»¹⁴. Если же просителями оказывались слишком сановные лица, ответы по необходимости становились более пространными, но суть их не менялась. И, например, отвечая на вполне, казалось бы, справедливое требование его королевского высочества принца Александра Вюртембергского оградить купленное им имение от кляузных тяжб с соседями, Дмитриев отвечал, что «в таком положении дел Вашей светлости, я по долгу звания моего не мог ничего более произвести в пользу Вашу, как только отнестись к Виленскому гражданскому губернатору и предписать прокурору, дабы они способствовали к скорейшему окончанию оных дел на законном основании»¹⁵. И больше уже никакого интереса к этому делу не проявлял. И в этом самоустранении, безусловно, был свой резон. Достаточно вспомнить, что в 1810–1814 гг. на рассмотрение министра поступило, как уже говорилось, 18 308 разного рода дел (это не считая срочных ведомостей, поступавших от губернских и обер-прокуроров и разных подчиненных министру мест, которые в описи фонда не внесены). Даже сейчас, когда большая часть из них уничтожена, они занимают целый стеллаж в хранилище. То есть каждый день министр должен был рассмотреть, как минимум 10 дел — если трудиться без выходных. И это помимо участия в заседаниях Комитета министров, Государственного совета, членом которых он был по должности, личных докладов государю, приема просителей и т. п. хлопот. Это какой же самонадеянностью должен был обладать человек, полагавший, что едва взглянув на дело, над которым бились сенаторы и обер-прокуроры, а до них — заседатели губернских палат и уездных судов, он сможет за пару минут разрешить те вопросы, которые порой неделями не смогли решить его предшественники? Безусловно, в грехе самонадеянности Ивана

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 37. Л. 12–12об.; такой же ответ см.: Там же. Д. 36. Л. 11, и т. п.

¹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1115. Л. 31–31 об.

Ивановича обвинять не приходится — он и свое литературное творчество оценивал более чем скромно. А уж тем более — свои таланты на поприще юриспруденции. Ведь он, как впрочем и все ближайшие предшественники и преемники его на посту министра, не получил не только юридического, но и вообще никакого систематического образования. Родившись в 1760 г., он учился большей частью дома, и — очень не долго — в двух пансионах Казанском и Симбирском, и затем — в полковой школе Семеновского полка в Санкт-Петербурге. Да и практикой судейской похвастать не мог — до 1797 г. служил в полку, а потом, когда при Павле полковая служба стала не просто обременительной, но и весьма небезопасной, воспользовался случаем — его и штабс-капитана Лихачева оклеветал дворовый человек, за что им пришлось посидеть на гауптвахте, а когда выяснилась вполне их невинность, государь намекнул, что ждет, чтобы пострадавшие просили о компенсации. И Дмитриев попросил о переводе в статскую службу. Так он оказался в Сенате, где прослужил всего два года при Павле — до 1799 г. А потом — три с половиной при Александре, уже в московских департаментах с 1806 по 1810 г.¹⁶ Конечно, при таком багаже, он не мог считать себя вполне опытным и подготовленным к своему поприщу дельцом.

Но дело, видимо, не только в осознании недостаточности своей компетентности. Рискну предположить, что Дмитриеву был свойственен тот же дух законничества, которым отличался его предшественник на посту министра, тоже поэт и старший друг — Гаврила Романович Державин, о министерской службе которого я несколько лет назад опубликовал статью, где пытался продемонстрировать, что главной особенностью его личного стиля было постоянное стремление удержаться от малейшего произвола в своих суждениях по делам, которые он всегда стремился перепоручать Сенату¹⁷. И, может быть, следуя примеру Державина, Дмитриев явно избегал любого вмешательства в частные дела (во всяком случае в те, которые мне удалось просмотреть). Ведь такое вмешательство со стороны министра зачастую бывает продиктовано сугубо частным, точнее — личным

интересом к данному делу. Дмитриева же, в каких-либо личных пристрастиях подозревать пока что не приходится. И если он все-таки проявлял интерес к делу, то для этого находятся как правило более чем извинительные оправдания. Так, в феврале 1810 г. к Дмитриеву поступила жалоба коллежского регистратора Петра Богданова, который писал, что, потеряв должность по упразднении Камер-коллегии, вынужден был исполнять письменные дела при частном приставе Радивановском. И тот, не желая выплачивать Богданову заслуженные им 15 рублей, ложно обвинил его в «бесчувственном пьянстве», за каковое, по представлению военного губернатора Вязмитинова, бедный регистратор был в 1806 г. выслан по высочайшему повелению на жительство в Тверь. А оттуда, желая оказать хоть какую-то помощь своим детям, оставшимся в Петербурге без всякого присмотра, отпросился в столицу, взяв паспорт, почему-то у Олонцкого губернатора Мертенса. Но при подходе к городу, близ Охтенского моста у Мытного двора, был ночью ограблен неизвестными людьми, которые сняли с него одежду, украли 50 рублей денег и все документы — включая и паспорт. После чего он содержался 4 месяца под стражей и 9 февраля 1810 г. был приговорен Уголовной палатой к высылке в Сибирь за самовольное явление в столицу из ссылки¹⁸. Так вот, Дмитриев, вместо того, чтобы объявить просителю, что он может подать апелляцию в Сенат (если, конечно, есть документы или свидетели, подтверждающие справедливость жалобы, поскольку лишь Сенат, а не министр вправе отменять приговоры уголовной палаты), посылает запрос губернскому прокурору, и узнав от него, что по делу уже состоялись два высочайшие повеления: первое о высылке его в Тверь в 1806 г.; и второе, после ареста его в столице в 1810 г. о том, чтобы с ним поступили «по закону», Дмитриев, тем не менее, дерзнул в третий раз утруждать государя по этому делу, испросив-таки у него новое повеление о том, чтобы «Богданова, не отправляя в Сибирь, выслать по прежнему в Тверь на жительство, с подтверждением ему, дабы впредь в столицу не возвращался»¹⁹. Очевидно, поводом для подобной активности министра послужил текст указа, на основании которого Уголовная палата вынесла столь суровый приговор несчастному коллежскому регистратору. Указом этим Екатерина II повелела 2 ноября 1779 г. отправить на поселение

¹⁶ См.: Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. С. 12–165.

¹⁷ См.: Крылов Н. С. Министерская служба Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. статей. Вып. 9 / под ред. С. М. Некрасова, Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2014. С. 44–70.

¹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1018. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Л. 8.

в Сибирь самовольно вернувшегося из ссылки пьяного прапорщика Колесникова, а заодно и впредь приказала поступать таким же образом в аналогичных случаях, что на практике и приводило зачастую к неоправданно суровым приговорам. Но пока норма эта не была пересмотрена в законодательном порядке, Дмитриев мог испросить хотя бы некоторого ее смягчения применительно к Богданову, явно не заслужившему такого наказания.

Вот еще случай, когда Дмитриев, вопреки всегдашнему своему обыкновению, попытался вмешаться в процесс правосудия в пользу невинно осужденного. 15 марта 1810 г. к нему писал бывший вятский губернатор Василий Иванович Болгарский, который жаловался на то, что после того, как его ревизия местной Казенной палаты вскрыла множество злоупотреблений, допущенных вице-губернатором, казначеем и даже бывшим губернатором П. С. Руничем, этот последний, уже в ранге сенатора, добился того, чтобы именно ему поручили ревизию Вятской губернии (по доносам на Болгарского, которыми вице-губернатор и казначей пытались парировать обвинения со стороны Василия Ивановича). Естественно, Рунич сразу же обнаружил множество «преступлений», совершенных якобы Болгарским, за что его указом от 4 ноября 1808 г. отстранили от должности и отдали под суд Московского 6-го Уголовного департамента Сената. Вся суть просьбы Болгарского к Дмитриеву заключалась лишь в том, чтобы его, обремененного многочисленным семейством и долгами, не отправляли в Москву и судили не в 6-м, а в 5-м уголовном департаменте — то есть в Петербурге, где он в то время проживал, присовокупив к обвинениям против него также и те обвинения, которые он прежде выдвигал по сути дела против самого Рунича²⁰. Дмитриев, конечно, знал, что Вятская губерния подсудна московским, а не петербургским департаментам Сената, но тем не менее обратился 4 апреля 1810 г. со всеподданнейшей просьбой по этому делу и получил высочайший отказ со ссылкой на «высочайше подтвержденное расписание губерний, подведомых Московским департаментам»²¹. Впрочем, Болгарскому, как известно из его биографии, даже и в московском департаменте удалось полностью оправдаться — он был признан совершенно невиновным, хотя и Рунич также избежал всякого наказания (очевидно,

за невозможностью доказать его вину). Но, повторяю, такого рода попытки вмешаться в процесс судопроизводства следует рассматривать как исключение из правила, в силу которого Дмитриев полагал себя не вправе вмешиваться в частные случаи, если они не могли принять законодательного, нормативного характера. И безусловно, это невмешательство было продиктовано сугубо принципиальными, «законническими» соображениями, а не происходило от черствого эгоизма и безразличия к судьбам людским. Попалось мне, например, одно прошение о помощи отставного прапорщика Алексея Докукина, потерявшего зрение «от пороху», двух братьев, убитых в бою, и оставшегося единственным кормильцем больной матери и двух сестер. И хотя такого рода просьбы никаким образом ведению министра юстиции не подлежали, на канцелярской справке по этому делу — резолюция, надписанная рукой секретаря: «от господина м<инистра> ю<стиции> просителю во уважение бедности его сделано денежное пособие. 5 августа 1810 г.»²². Притом, что Иван Иванович, по свидетельству его племянника Михаила Александровича, сам постоянно нуждался в деньгах²³.

Нельзя упрекнуть Дмитриева и в чрезмерной начальнической строгости по отношению к своим подчиненным. Правда, вступив в должность министра, он попытался навести хотя бы элементарный порядок. Так, уже 24 января 1810 г. приказал учредить дежурство из экзекуторов каждого департамента, которые должны были, сменяя друг друга, посуточно следить за порядком в Сенате и в том числе за приходом и уходом служителей²⁴. Впрочем, нечто подобное существовало и прежде, но порядка в Сенате от этих мер не прибавлялось. Обер-прокуроры жаловались министру, когда их подчиненные совсем уже выходили за рамки приличий. Так, по просьбе подлежащих начальников, Дмитриев согласился уволить старшего ученика Василия Дорохина, который обращался «во всегдашнем пьянстве и развратном поведении»²⁵; подканцеляриста Константина

²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1252. Л. 1–2.

²³ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 45–46, 523. Правда, свидетельство племянника относится к тому времени, когда Дмитриев был еще сенатором, но вряд ли его материальное положение кардинально изменилось в 1810 г., когда вместо сенатского, он только-только начал получать министерский оклад.

²⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1241. Л. 1–9.

²⁵ Там же. Д. 1259. Л. 1–2.

²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 31. Л. 1–6 об., 7–17.

²¹ Там же. Л. 18–18 об.

Дурова, потому как тот в должность свою не являлся «с давнего времени» не смотря на постоянные напоминания²⁶. 30 июня 1810 г. обер-прокурор Маврин доносил, что канцелярский служитель Григорий Гаманков, «сказываясь больным к должности не является», находясь с марта месяца «в глубокой задумчивости». Причем, вывести его из этого состояния Дмитриев решился только 27 января следующего, 1811 г., предоставляя ему пребывать в задумчивости, получая двухсотрублевое казенное жалование, почти что целый год²⁷! Что уж говорить о типографских служителях — печатниках, наборщиках, батырщиках и прочих — те, по словам обер-прокурора Баранова, обращаясь в пьянстве, под видом болезни в должность не являлись, вместо службы занимались посторонними работами, так что дома их не заставляли, а то и с полицией отыскать не могли. Назначали им «легкое наказание», как писал Баранов, но они не реагировали. Тогда пошли на «крайнюю меру» — 16 июня 1810 г. Баранов приказал, что если болезнь не будет подтверждена от докторов, — высчитывать из жалования за прогульное время. Но и это не помогло. Наконец, 3 октября Баранов предложил уволить двух печатников, Колузаева и Антипова, которые уже несколько месяцев «не имеют ... хождения к работам и даже невозможно отыскать их нигде в жительстве»²⁸ — может, их и в живых-то давно уже не было, а Баранов все думал, как бы их уволить «в пример другим».

А вот что писал обер-прокурор граф М. А. Дмитриев-Мамонов о чиновниках своего департамента 2 мая 1810 г.: «Вашему высокопревосходительству удивительно будет, может быть, что мемории присылаемые к вам писаны без наблюдения грамматических правил. Но я поставляю долгом представить вашему высокопревосходительству, что 2-е отделение шестого департамента не содержит в себе почти ни единого писца знающего оные правила, да и вообще, как то я из вытребованных мною от экзекутора сведений усмотрел, наполнено крайне нерадивыми к должности своей людьми, из коих многие при всех устройственных распоряжениях и деятельном усилении предместника моего совсем, или почти никогда к должности своей не являются. А потому приемлю смелость представить вашему высокопревосходительству по удалении

таковых наполнить их места университетскими студентами, умеющими правильно и красиво писать...». На что Дмитриев отвечал 25 мая: «Милостивый государь мой, граф Матвей Александрович! Письмо вашего сиятельства от 2-го мая я имел честь получить. Соглашаясь с мнением вашим, как о пользе так и о приятности иметь писцов знающих правила грамматики, первый бы я старался способствовать вам в замещении такими писцами всех канцелярских вакансий, но как невозможность сего опытом многих лет довольно уже доказана, то и остается довольствоваться только тем, чтобы канцелярские служители имели искусство писать чистою и четкою рукою, и с прилежностью соединяли нужный к делам навык, довести же их до сей степени совершенства зависит единственно от строгого за ними наблюдения, которого вы, по известному усердию вашему к службе, употребить конечно не оставите, и я уверен, что канцелярия отделения вам вверенного, будет всегда отличать себя примерною, под управлением вашим исправностью...»²⁹.

Но нерадивость и малограмотность — это еще полбеды, хуже когда приходилось сталкиваться с явными злоупотреблениями. Так, обер-прокурор граф П. Л. Санти в одном частном письме писал, что вступив в должность, долго не мог найти трех апелляций по важным делам. «Однако же, — пишет граф, — я отыскал их, одну в кармане у приказнаго, а протчие были подкинута, когда увидели, что я грозно приступил по отысканию оных. Я не хочу обнаруживать сии преступления, за которые следует суд уголовной: 1-е, потому, что я не сроден к отягощению участи человека. 2-е, чтоб не получить название доносителя и 3-е, всему Сенату сие обстоятельство обнаруженное зделает пятно. Я решился только на то, чтоб не терпеть таковых превратных людей в Сенате, чтоб не могли губить просителей утайкою апелляционных их прошений, от сроков которых вся правость их зависит, а потому велел им прошения подать в отставку». Между прочим, Дмитриеву пришлось доложить на высочайшее имя о том, что граф Санти позволил себе писать о сенатских беспорядках стороннему лицу, но так как Иван Иванович тактично умолчал о том, что это были за беспорядки, и обер-прокурор снисходительно отреагировал на них, то Петр Львович Санти отделался лишь высочайшим выговором³⁰. Впрочем, вскоре графу Санти

²⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1261. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Д. 1200. Л. 1–9.

²⁸ Там же. Д. 1490. Л. 1–4.

²⁹ Там же. Д. 1283. Л. 1–2.

³⁰ Там же. Д. 2646. Л. 5–7, 51–51 об.

снова пришлось претерпеть неприятности по службе. В июне 1810 г. он уехал в отпуск, и подведомым ему 8-м департаментом, а также Сенатским казначейством поручили временно заведовать обер-прокурору 7-го департамента Аркадию Алексеевичу Стольшину — это родной брат бабушки Лермонтова, отец знаменитого «Монго» (в статье о Державине я разбирал обвинения против Аркадия Алексеевича выдвинутые мемуаристом Вигелем и оказавшиеся ложными³¹). А. А. Стольшин, который недавно еще доносил Дмитриеву о том, как он навел порядок в своем 7-м департаменте, и получил от министра изъявление «совершенной признательности»³², ознакомившись с порядками 8-го департамента и, главное, Казначейства, заявил, что не может принять их в свое ведение, указывая на такие беспорядки, которых нельзя в скором времени исправить³³. Пришлось Дмитриеву назначить неофициальную пока ревизию из обер-прокурора 6-го департамента графа Кутайсова и сенатора Хитрово, который как раз отправился в отпуск через Москву. 28 июля 1810 г. Кутайсов писал Дмитриеву частным образом: «...происшествие сие причинило здесь столь много шума, что я во все сие время не выезжал никуда, дабы не быть принужденным беспрестанно отвечать на весьма щекотливые и часто нескромные вопросы...»³⁴. Непорядок в бухгалтерских книгах по Казначейству подтвердился, и теперь уже пришлось назначить официальную ревизию для счета Казначейства, в состав которой Дмитриев включил четырех московских обер-прокуроров: Кутайсова, Стольшина, Дмитриева-Мамонова и того же графа Санти, которому, таким образом, министр поручил ревизовать самого себя. Конечно, мнения ревизоров сразу разделились. Поначалу трое из них — Санти, Кутайсов и Дмитриев-Мамонов — выступили единым фронтом против Стольшина. Но потом Стольшину удалось перетянуть на свою сторону юного Дмитриева-Мамонова, которому было-то всего 20 лет от роду. Обнаружив, что Казначейство выплатило жалования на 472 руб. больше, чем было записано в расходных книгах, эти двое считали свою задачу выполненной — ибо обвинения Стольшина против Санти доказаны. Санти же с Кутайсовым настаивали на продолжении ревизии, чтобы

доказать отсутствие злоупотреблений. И когда Стольшин с Дмитриевым-Мамоновым просто перестали в ней участвовать (последний, между прочим, и прежде являлся в Казначейство позже всех, как видно из журналов ревизионной Комиссии³⁵), Кутайсов и Санти продолжали свои счета. М. А. Дмитриев-Мамонов объявлял их бесполезными, ибо если суммы растрачены, то и документы на них будут уничтожены³⁶. В общем дело кончилось тем, что корыстных злоупотреблений не нашли, и даже, по инициативе Стольшина, объявили о самоотверженном труде казначея и расходчика, которые вдвоем вели все денежные дела московских департаментов Сената и «в руководство свое не имеют никаких правил, ниже пособий в исполнении обязанностей своих. Но исправляют сии должности из единого усердия»³⁷. Пассаж этот безусловно нацелен в адрес графа Санти, ведь он обязан был предписать им эти правила и следить за их исполнением. Эта формулировка вошла и во всеподданнейший доклад Дмитриева, который, таким образом, поддержал компромиссное решение, явно не желая губить графа Санти, но и не имея возможности полностью выгородить его. О Стольшине же, который доставил ему своим служебным рвением столько хлопот, Дмитриев в своих мемуарах писал: «...к тому же я не поладил с обер-прокурором Стольшиным, бывшим под особенным его (то есть Сперанского. — *Н. К.*) покровительством»³⁸.

В своих отношениях с подчиненными ему губернскими прокурорами Дмитриев также избегал всякого вмешательства в те частные дела и тяжбы, о которых ему доносили, что тоже следует считать вполне резонным, ибо у министра не было никаких способов удостовериться в правоте этих донесений. Если же сомнений на этот счет не возникало, то он уже без обиняков заявлял о своей позиции. Так, например, когда Литовско-Гродненский губернатор Василий Сергеевич Ланской пожаловался Дмитриеву на местного прокурора Ивана Владиславовича Кимбара, который явно превысил свои полномочия, потребовав от Губернского правления отчет о следствии по доносу некоего Самуйловича о провозе контрабанды, Дмитриев,

³¹ См.: Крылов Н. С. Министерская служба Г. Р. Державина.

³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 573. Л. 1–5.

³³ Там же. Д. 577. Л. 2–4 об.

³⁴ Там же. Л. 23–24.

³⁵ См.: Там же. Д. 573. Л. 180, 202 и т. п.

³⁶ Там же. Л. 162–162 об.

³⁷ Там же. Л. 243–252 об.

³⁸ Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. С. 199.

признавая, что прокурор вышел за рамки своей компетенции, в то же время обратил внимание на некую бумагу, адресованную губернатором к прокурору, «которая имеет вид повеления, — и далее министр писал Ланскому, — я почитаю себя обязанным объяснить по сему предмету, что при всем должном уважении моем к вашему <превосходительству> и званию вашему, я не могу признать совместным, чтобы губернский прокурор по должности своей и по непосредственной подчиненности его министру юстиции, мог состоять под ордером вашего превосходительства». К подчиненному же ему прокурору Кимбару Дмитриев писал 23 февраля 1810 г.: «По рассмотрению причин побудивших вас приступить к требованию означенных бумаг, я не нахожу их столько сильными, чтобы можно было признать правильным ваши в сем случае поступки. Вы получа просьбу Самойловича обязаны были обратиться к г. губернатору, как лицу назначившему следствие, для присоединения оной к производству и для надлежащего описанных в ней обстоятельств исследования. Могли также оставя у себя с просьбы сей копию, в том предположении, что дело производимое следствием само по себе должно обратиться к судебному разбирательству и вашего просмотра конечно миновать не может. В то время могли бы вы сообразить с производством не только бумаги переданные от вас к доследованию, но и ваши примечания. Но вмешиваться вам своим лицом в следствие, мимо вас назначенное и производимое, когда еще оно не кончено, и требовать некоторых оного частей, вовсе не надлежало, ибо сие не свойствует обыкновенному порядку, да и в самом исследовании могло нанести остановку и запутанность. В рассуждении чего рекомендую вам иметь в исправлении своей должности всю ту осмотрительность, какая прокурору должна быть свойственна, чего мне от вашего усердия к службе и ожидать остается. А полученную вами от Самойловича просьбу имеете внести к г. губернатору для обращения куда следует»³⁹. То есть делая своему подчиненному вполне заслуженный упрек, он в то же время отчасти защищает его перед губернатором и приободряет, безусловно, не для того, чтобы просто поддержать престиж своего ведомства, но для того, чтобы прокурор, когда он уже в праве будет вмешаться в расследование доноса Самуйловича, не опустил руки и проявил должное рвение.

Впрочем, разбирая отношения Дмитриева с губернскими прокурорами, приходится упомянуть и о таком случае, который явно не делает чести министру. Речь идет о конфликте между Финляндским прокурором Петром Врангелем и местным губернатором Иваном Яковлевичем Бухариным. Но прежде чем говорить об этой ссоре — два слова о самом губернаторе, о котором в разных мемуарах остались самые лестные отзывы (игнорировавшие, правда, тот факт, что он, по сути дела, довел до смерти свою жену). Так вот, этот Бухарин самоуправно отказался исполнить приговор Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и отпустить из-под стражи арестантов, преданных суду лишь за подачу прошения в пользу крестьян с острова Мантсинсаари, которые оспаривали свою принадлежность графине Анне Алексеевне Орловой. Мало того, он отправил отряд драгун силой взыскивать недоимки с этих крестьян до решения спорного дела, чем вызвал крестьянские волнения. Между прочим, прокурор Врангель в этой ситуации не опротестовал незаконные действия губернатора⁴⁰. Зато уж губернатор 3 мая 1810 г. донес на Врангеля, обвинив его в том, что тот вытребовал к себе на квартиру из Выборгского острога крестьянина Кирпенена и, добиваясь признания в краже его, Врангелева, сена, избил его своими руками, да еще и конвойным солдатам приказал бить его палками. Отчего Кирпинен якобы и умер. Правда, оказалось, что умер он уже через полтора месяца после побоев. Но самый факт их прокурор в рапорте Дмитриеву даже и не отрицал, сокращая лишь свое рукоприкладство до одной пощечины, а солдатское — до четырех ударов якобы «тонкой палкой»⁴¹. А главное, оправдывал себя тем, что Бухарин жаловался на него не из любви к справедливости, а исключительно по злобе за то, что Врангель в свое время вынужден был донести о вырванном листке из журнала Губернского правления. И вполне вероятно, что мотив губернатора на самом деле был сугубо личным, поскольку донесение свое Бухарин отправил ровно через год, после того, как, судя по его же подписи, осведомился обо всех обстоятельствах прокурорского рукоприкладства. Но разве это оправдывает преступный поступок прокурора? Как же отреагировал на него министр? В июне 1810 г. он писал к Врангелю: «Заметив ваш в сем деле весьма неправильный поступок, ибо вы учинились

³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 1231. Л. 36–42.

⁴⁰ Там же. Д. 2463. Л. 1–52.

⁴¹ Там же. Д. 2907. Л. 9.

в собственном своем деле судьей, каковые действия не извиняются и партикулярным людям, тем более вам оное не прилично, когда вы по званию своему должны иметь неусыпное наблюдение о сохранении всегда законного порядка, а не подавать пример к нарушению оного. Сие побуждает меня сказать вам, что подобные поступки под моим начальством терпимы быть не могут и соделанное вами оставляю без взыскания, потому только, что оное последовало до моего управления. Почему строго предписываю вам впредь в подобных случаях быть осторожнее под опасением строжайшего взыскания»⁴². И только то? То есть даже не уволил, хотя по точному смыслу высочайшего указа от 27 сентября 1801 г. за таковые истязания всякому должностному лицу полагалось «неминуемое и строгое наказание»⁴³ (по знаменитому «Казанскому делу», ставшему хрестоматийным, в 1801 г. уголовному суду были преданы не только сами истязатели, но и те, кто по слабому за ними смотрению не предотвратил истязаний арестанта). Справедливости ради следует отметить, что Дмитриев в данном случае хлопотал не о чести мундира, ибо также снисходительно относился Иван Иванович к истязателям не только из числа подчиненных ему чиновников. И когда, например, Вологодский прокурор Михайло Остолопов донес ему, что местный губернатор с полицмейстером, явившись в острог, приказали сечь оговоренного в воровстве арестанта и в Департаменте юстиции об этой попытке был уже заготовлен всеподданнейший доклад, на заготовке вдруг появляется резолюция: «как уж губернатор сменен, то велено сие оставить»⁴⁴ — как будто речь шла не об уголовно наказуемом преступлении, а об упущении по службе! Впрочем, подобная снисходительность к чиновным истязателям, очевидно, свойственна была не одному только Дмитриеву, иначе он не осмелился бы описать министру Козодавлеву о том, что прокурор-истязатель Врангель отделался «строжайшим выговором»⁴⁵. Похоже, что все коллеги Дмитриева, как и он сам, не очень надеялись на то, что истязания при допросах можно полностью искоренить, по крайней мере, пока существуют телесные наказания и крепостное право. Потом, после отмены его наши публицисты полагали, что должно вырасти

поколение непоротых крестьян, чтобы страна избавилась от такого рода мерзостей. Сегодня нам приходится констатировать, что и тех 5–6 поколений, которые выросли после 1861 г., все еще мало для искоренения пыточной практики.

В общем, панегирика из моего доклада не получается. Но все-таки полагаю, что та осторожность, устранение от всякого подобия произвола и строгое в большинстве случаев «законничество» Дмитриева, которое усматривается из дел, которые мне удалось просмотреть, вполне соответствует характеристике, данной ему племянником — Михаилом Александровичем (между прочим, отнюдь не идеализировавшим своего дядюшку, и оценивавшего его подчас излишне строго). Итак, он писал о своем почившем дяде: «Главное свойство его характера составляла мера во всем, и следствие ее — благоразумная осторожность, умение идти вперед при попутном ветре и вовремя остановиться»⁴⁶.

Впрочем, для того, чтобы действительно оценить роль и место, занимаемое Иваном Ивановичем Дмитриевым в чреде российских министров юстиции, нужно было бы просмотреть дела не за один 1810 г., и не только фонда Министерства юстиции, но и фондов Сената, Комитета министров, Государственного совета, сравнивая их с делами предшественников и преемников Дмитриева — то есть, написать многотомную историю Министерства юстиции. Пока же этого еще никто не сделал, мне остается лишь акцентировать внимание не на биографическом, а на историко-правовом выводе из всех моих изысканий и штудий — и заметить, что просмотренный мною массив документов таит в себе богатейшую информацию по истории русского права. Именно на этих делах следовало бы учиться нашим криминалистам и цивилистам, не говоря уже о том, сколько в них готовых сюжетов для детективных романов, да и просто справочной информации биографического и прочего характера. И ведь любое практически дело может стать настоящим открытием, потому, что из просмотренных мною тысячи с лишним дел только в четырех десятках я нашел листы использования, а прочие 96% дел никто никогда не смотрел.

⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 2907. Л. 21–21 об.

⁴³ ПСЗ-1. № 2022.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 2767. Л. 1–3 об.

⁴⁵ Там же. Д. 2907. Л. 19–20 об.

⁴⁶ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 380.

А. В. КУЛИКОВА, А. И. РАЗДОРСКИЙ

Николай Михайлович Карамзин в российских региональных энциклопедиях

Влияние духовного наследия Николая Михайловича Карамзина на развитие российской науки и культуры трудно переоценить. О замечательном историке и писателе написано достаточно много. Авторы данного сообщения решили рассмотреть биографию Николая Михайловича с неожиданного ракурса: через призму региональной энциклопедистики¹. С нашей точки зрения здесь интересен аспект не широкой подачи биографии, а именно уникальность региональных эпизодов жизни таких личностей.

Отталкиваясь от основных дат жизни и творчества Карамзина², мы составили перечень мест, в которых в течение жизни проживал или бывал Николай Михайлович: Москва, Нижний Новгород, Орловская губерния (село Знаменское), Санкт-Петербург и Царское Село, Тверь, Симбирск, Ярославль.

Московский след Карамзина подробно описан С. О. Шмидтом во второй книге первого тома («Лица Москвы») «Московской энциклопедии», вышедшей в 2008 г.: «В 1774–84 обучался в пансионе профессора Московского университета И. М. Шадена, посещая лекции в Московском университете... Выйдя в отставку, поселился в Симбирске. Приехавший туда И. П. Тургенев, переманил его в Москву, где он сблизился с масонским окружением Н. И. Новикова и получил, по выражению Дмитриева, “не только авторское, но и нравственное образование”. ... В 1791–92 издает ежемесячный “Московский журнал”,

ставший вехой в истории русской периодики... Императорским указом в конце 1803 К. назначен на должность историографа для написания обобщающего труда по отечественной истории с древнейших времен... С 1804 создание “Истории государства Российского” стало делом его жизни... — большую часть времени он работал в подмосковном имении кн. Вяземских Остафьево... Работа над “Историей государства Российского” была прервана нашествием войск Наполеона в 1812. Отправив семью в эвакуацию..., К. покинул Москву накануне вступления в город войск неприятеля. В московском пожаре погибли его личный архив, библиотека, собрание памятников старины... В 1817 К. составил для вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, намеренной вместе с царской фамилией провести несколько месяцев в Москве, записку “О московских достопамятностях” — первый путеводитель по Москве, в котором прошлое и настоящее Москвы и ее исторические памятники рассматривались в контексте развития отечественной и всемирной истории. ... Именем К. назван проезд в Москве (в р-не Ясенево). Жил в Немецкой слободе, пансион И. Шадена (1777–81); Кривоколенном переулке, 12 (1784–89); Брюсовском пер., 10 (с осени 1790); на Тверской ул., 9 (1795–1800); Никольской ул., 25 (1800–02); Малой Дмитровке, 17 (1802 — янв. 1804); в Б. Знаменском пер., 5 (янв. 1804–10; д. Вяземских, перестр.); на Ниж. Басманной ул., 27 (1810 — авг. 1812); Б. Дмитровке, 15/8 (с кон. 1812; д. С. А. Селивановского); Воздвиженке, 12 (д. Ф. Ф. Кокошкина)»³.

В вышедшей одиннадцатью годами ранее одноименной энциклопедии «Москва» В. М. Карев в основном представил общеизвестные факты⁴. Это и объяснимо: если первый том «Московской энциклопедии» целиком посвящен биографиям, то в универсальной по содержанию энциклопедии 1997 г. персональные статьи перемежаются со статьями понятийного ряда и поэтому биографическая информация предлагается в сжатом виде.

В размещенном на московском городском интернет-портале сетевом ресурсе, именуемом себя «Энциклопедией Москвы»⁵, информация по Карамзину отсутствует.

¹ В настоящее время в Российской Федерации издано свыше 640 республиканских, краевых, областных, районных, городских, поселковых и сельских энциклопедий и энциклопедических справочников разных типов (универсальных, отраслевых, тематических, биографических). Подробнее см.: Региональные энциклопедии России [Электронный ресурс] / Администратор разд. А. И. Раздорский // Сайт Российской национальной библиотеки. URL: <http://www.nlr.ru/res/epubl/rue/> (дата обращения: 09.04.2016).

² Муравьев В. Б. Карамзин. М., 2014. С. 475–477. (Жизнь замечательных людей).

³ Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 2. М., 2008. С. 115–117.

⁴ Москва : энциклопедия. М., 1997. С. 348.

⁵ Энциклопедия Москвы [Электронный ресурс] // Moscow.org. Городской портал Москвы. URL: http://www.moscow.org/moscow_encyclopedia/ (дата обращения: 05.04.2016).

Также никаких сведений о Николае Михайловиче не содержит и электронная «Энциклопедия Нижнего Новгорода»⁶.

В Орловской губернии Карамзин бывал лишь наездами, когда гостил в селе Знаменское у своего друга Алексея Плещеева. Тем не менее, биографические статьи о нем присутствуют в орловских энциклопедических изданиях, составителем которых является местный краевед А. М. Бельский. Так, в краеведческом словаре «Город Орел» орловский след Карамзина прослеживается следующим образом: «Прозаик, историк. Гостил у Алексея Александровича Плещеева (1755–1827) в 1792–1796 годах в селе Знаменское, ныне Болховского района Орловской области. Здесь в апреле 1801 года Карамзин познакомился со своей будущей женой Елизаветой Ивановной Протасовой. Ему принадлежало село Бортное, ныне Залегощенского района Орловской области. Н. М. Карамзин, вероятно, бывал в Орле»⁷.

Среди рассматриваемых изданий особое место занимает составленный А. М. Бельским электронный энциклопедический словарь «Н. М. Карамзин и Орловский край»⁸. Составитель пишет: «Нам, орловцам, дорого то, что жизнь и творчество великого писателя и историка Н. М. Карамзина тесно связана с нашим краем. Любопытно, что писатель, последователь Карамзина Владимир Васильевич Измайлов в 1799 году побывал на Орловщине. Впечатления от этой поездки вошли в книгу “Путешествие в полуденную Россию” (1802), созданную под влиянием карамзинских “Писем русского путешественника”. А для Карамзина полуденной и яркой, солнечной и радостной среди российских земель прежде всего стала Орловская губерния». В словаре получили отражение люди, связанные с Орловским краем, жизненные пути которых так или иначе пересекались с Карамзиным (Ф. Н. Глинка, К. Ф. Калайдович и др.), исторические деятели, действовавшие в разное время на территории региона, упоминаемые Карамзиным в «Истории государства Российского» (священномученик Кукуша, боярин А. Д. Басманов и др.), населенные пункты Орловской губернии, в которых бывал

Карамзин (Болхов, Мценск, с. Знаменское). При этом следует отметить, что отбор статей для словаря выполнен составителем довольно случайным и весьма субъективным образом, некоторые имена и населенные пункты «притянуть» к тематике издания с большой натяжкой, а структура справочника, самого по себе довольно оригинального, в целом имеет несколько хаотический характер.

Столица Российской империи в биографической справке о Карамзине, помещенной в биографическом словаре «Знаменитые люди Санкт-Петербурга», представлена в самом общем виде: «Писатель, историк, основоположник русского сентиментализма. После окончания пансиона в Москве служил в Петербурге в Преображенском полку. После смерти отца вышел в отставку, целиком посвятив себя литературно-журналистской деятельности. С 1803 г. был официальным историографом России. Работал над написанием 12-томной “Истории государства Российского”, доведенной до 1611 г. Похоронен в Петербурге в Некрополе мастеров искусств»⁹.

Значительно более подробные сведения о связи Николая Михайловича с Петербургом приводит в энциклопедии «Санкт-Петербург» Н. Л. Корсакова: «В 1782–84 служил в гвардии в СПб. ... В 1816 с семьей переехал в Царское Село, где ему был предоставлен один из домов в Китайской деревне. Здесь в гостях у К. бывал Пушкин-лицейст. В СПб в 1816–18 К. жил в доме Е. Ф. Муравьевой (наб. р. Фонтанки, 25), летние месяцы проводил в Царском Селе в “кавалерском доме” по Садовой ул., 12 (1752–53, арх. С. И. Чевакинский; перестроен в 1784, арх. И. В. Неелов). Последним петербургским пристанищем К. стал Мижужева дом (наб. р. Фонтанки, 26). К. был свидетелем выступления декабристов 14.12.1825 на Сенатской пл. ... Полученная в день восстания простуда стала причиной тяжелой болезни, от которой К. уже не мог оправиться. Похоронен в Некрополе мастеров искусств»¹⁰.

В энциклопедическом справочнике «Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград», изданном в 1992 г.¹¹, места Карамзину не нашлось.

⁶ Энциклопедия Нижнего Новгорода [Электронный ресурс]. URL: http://nnov.es/Нижегородская_Энциклопедия (дата обращения: 05.04.2016).

⁷ Бельский А. М. Город Орел: краевед. слов. Орел, 2000. С. 112.

⁸ Бельский А. М. Н. М. Карамзин и Орловский край: энцикл. слов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2013/11/10/1006> (дата обращения: 05.04.2016).

⁹ Доценко В. Д., Йолтуховский В. М., Щербаков В. Н. Знаменитые люди Санкт-Петербурга: биогр. слов. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2004. С. 281.

¹⁰ Санкт-Петербург : энциклопедия / Междунар. благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева; [науч. ред. Б. Ю. Иванов, И. С. Ряховская]. 2-е изд., испр. и доп. СПб. ; М., 2006. С. 349–350.

¹¹ Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград : энцикл. справ. М., 1992.

В статье Н. Д. Кочетковой, представленной в фундаментальной энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга», биографические сведения о Карамзине даются в общем ключе, как во всех универсальных энциклопедиях. Акцент же делается на его литературной деятельности: «Карамзин Николай Михайлович (01.12.1766, с. Михайловка Бузулукского у. Самарской губ. — 22.05.1826, СПб). Писатель, теоретик литературы и критик, глава русского сентиментализма; издатель, журналист, историк. ... По окончании пансиона приехал в СПб, где стал служить в Преображенском полку (куда по обычаю времени был записан с детства). В 1783 в СПб встретился с И. И. Дмитриевым, и между ними завязалась дружба, продолжавшаяся до самой смерти К. Первым выступлением К. в печати был перевод с немецкого “швейцарской идиллии” С. Геснера “Деревянная нога” (СПб., 1783). ... В связи с печатанием первых восьми томов “Истории государства Российского” в 1816 К. переехал из Москвы в СПб. Лето он проводил в Царском Селе, где с ним познакомился Пушкин-лицеист, сохранивший на всю жизнь уважение и привязанность к К. и его семье...»¹².

Тверь, на радость почитателям Карамзина, получила отражение в соответствующей региональной энциклопедии: «В 1811 по приглашению Екатерины Павловны К. несколько раз приезжал в Тверь, где в Путевом дворце — резиденции мужа Екатерины Павловны принца Г. П. Ольденбургского, ген.-губернатора Новгородской, Тверской и Ярославской губерний — в кружке лиц, близких Екатерине Павловне, читал главы из своей “Истории”. В 1811 по просьбе Екатерины Павловны К. написал, а затем передал Александру I в Твери “Записку о древней и новой России”...»¹³.

В силу того, что Николай Михайлович был уроженцем Симбирской губернии, вполне объясним тот факт, что именно ульяновское энциклопедическое издание предлагает наиболее полно раскрытый региональный аспект его биографии: «Родился в семье отставного капитана Михаила Егоровича Карамзина... С осени до весны Карамзины обычно жили в Симбирске, в особняке на Старом Венце, а летом — в родовом сельце Знаменское (Карамзино) Сентигилеевской

округи Симбирской провинции (ныне Майнского района Ульяновской области). В детстве перечитал домашнюю библиотеку, увлекался изучением иностранных языков. Именно Знаменское ... оказало огромное влияние на воспитание будущего писателя. ... После получения домашнего образования К. занимался в Симбирске в частном пансионе Фовеля. ... [Свои] произведения он посылал в Симбирск брату Василию Михайловичу. В 1791 и 1793 К. приезжал на родину на новогодние праздники, а поездка в феврале-марте 1795 оказалась сугубо деловой: 9 марта он продал братьям Василию, Федору и Александру за 16 тыс. рублей земельную часть своего имения. ... Бесценным свидетельством любви К. к Симбирску... является 140 его писем к старшему брату (1804–1826), а также к И. И. Дмитриеву и А. И. Тургеневу. К. на протяжении трех десятилетий высылал брату ... новинки на русском, французском и немецком языках, газеты и журналы. Через него проводил в Симбирске подписку на “Вестник Европы” и другие свои издания, высылал периодику для дворянского собрания, а также для книжной лавки И. В. Колюбакина при приказе общественного призрения. Почти в каждом из писем к брату, Дмитриеву и Тургеневу К. общался о ходе работы над “Историей государства Российского”... его симбирские корреспонденты первыми в России узнавали о выходе в свет нового тома его главного труда. ... В своих произведениях К. изобразил образы родных и знакомых, виды волжской природы. Его стихотворение “Волга” (1813) открывает антологию о “реке, священнойшей в мире, кристальных вод царице-матери”. ... Память К. увековечена на его родине: 25 декабря 1825 в зале Дворянского собрания были установлены портреты Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Летом 1833 по призыву Николая, Петра и Александра Языковых, сподвижника Суворова генерал-майора П. Н. Ивашева и других почитателей таланта К., симбирское дворянство стало инициатором всероссийской подписки на памятник К., который был открыт 23 авг. 1845. Тогда же симбиряне Д. А. Валуев и В. П. Панов при поддержке братьев Языковых выпустили в свет “Московский сборник”, посвященный памяти К. 18 апреля 1848 была открыта Карамзинская общественная библиотека. ... По инициативе областного отделения Всероссийского фонда культуры, государственного педагогического университета и Дворца книги в Ульяновске проходят Карамзинские чтения (первые — 1991), при педуниверситете

¹² Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. Т. 1: Осмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб., 2001. С. 436–438.

¹³ Тверская область: энцикл. справ. Тверь, 1994. С. 121.

работает Карамзинская лаборатория» (статья Ж. А. Трофимова в «Ульяновской — Симбирской энциклопедии»¹⁴).

На этом фоне странным выглядит факт отсутствия каких-либо сведений о Карамзине в «Ульяновской википедии»¹⁵.

Не упоминается Карамзин и в заявленной в качестве «антологии» «Энциклопедии Ярославского края с древнейших времен до 1917 г.»¹⁶, хотя, как известно, во время наполеоновского вторжения в Россию Николай Михайлович привез в Ярославль свою семью и сам некоторое время находился в этом городе.

Таким образом, карамзинский региональный аспект наиболее полно раскрыт в «Ульяновской — Симбирской энциклопедии», энциклопедии «Санкт-Петербург» и «Московской энциклопедии». Оригинальным вкладом в карамзинскую региональную энциклопедистику стал также орловский электронный энциклопедический словарь «Н. М. Карамзин и Орловский край». Будем надеяться, что со временем нижегородские и ярославские страницы биографии Карамзина найдут свое отражение в соответствующих изданиях этих прекрасных городов.

¹⁴ Ульяновская — Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2000. Т. 1. С. 257–259. В Ульяновске создан подробный Интернет-ресурс, посвященный Н. М. Карамзину: Весь Карамзин : электронная информационно-исследовательская база данных. URL: <https://sites.google.com/site/karamsinm/> (дата обращения: 05.04.2016).

¹⁵ Ульяновская википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ulrgo.ru/region/wiki/> (дата обращения: 05.04.2016).

¹⁶ Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. : антология. Ярославль, 2009.

Е. И. ЛЮТЬКО

**«История государства Российского»
Н. М. Карамзина в контексте развития
церковной историографии в России 1840–1850-х гг.
(пример П. С. Казанского)***

Начало XIX в. является временем необычайного «исторического пробуждения», которое в той или иной мере затронуло образованную часть российского общества. Этот интерес к истории был связан с вопрошанием русского человека, как бы очнувшегося от грез эпохи Просвещения: «кто мы?». Историческое исследование является самой последней, если угодно, экстренной мерой в процессе безуспешного поиска ответа на этот вопрос. И как покажет время, на него находились самые разные ответы... Как бы то ни было, ответ Н. М. Карамзина оказался, наверно, самым ярким — с ним нельзя было не считаться, какую бы позицию ни занимал человек в отношении своего прошлого. Его эпос послужил отправной точкой для многих, кто создавал исторические нарративы, в том числе и совсем непохожие на тот, что предложил Карамзин.

В «Записке о древней и новой России» историк сам очерчивает контуры проблематики, о которой пойдет речь в нашем докладе: в числе прочего, он обвиняет Петра в том, что последний подчинил своей власти Церковь, которая в свою очередь «потеряла свой священный характер» (естественно, в глазах дворянства)¹. Чуть выше Карамзин выдвигает другой, еще более значимый, по его мнению, аргумент — Петр воздвиг культурный барьер между дворянами и всеми прочими социальными группами: «Русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний»².

* Исследование осуществлено в 2016 г. в рамках проекта «Встреча богословия и истории в Русской духовно-академической традиции в XIX — начале XX в.» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 36.

² Там же. С. 33.

Перечисляя представителей разных страт, Карамзин не упоминает о «русском священнике» — представителе «духовного состояния», хотя, конечно, подразумевает его. Будучи «плоть от плоти» петровского дворянства и являясь сугубо «светским» историографом Карамзин в этих двух отрывках из «Записки...» сумел нащупать сердцевину интеллектуального конфликта, о котором мы поговорим в последней части этого доклада.

Если исторические нарративы XVIII в. в силу своего прагматизма, низкого литературного качества и внимания к частным вопросам редко выходили за пределы внимания специалистов, то «История...» Карамзина очаровала не только образованное дворянство, но и интеллектуалов духовного сословия. Ведь это было историческое произведение, пропитанное идеалами вполне христианской добродетели, да еще написанное «высоким штилем», возвышенным языком, столь близким представителям духовенства — хранителям допетровских традиций. Чтобы оценить влияние романтической историографии Карамзина на «духовное юношество» 1820-х гг., можно привести строки из дневника студента пятого курса (т.е. набора 1822–1826 гг.) Московской духовной академии за 20 марта 1824 г.: «На классе Гражд<анской> истории со мной случилось след<ующее>. Когда П<авел> П<етрович> Ключарев-Платонов> читал из Карамзина о последнем покорении Казани при Ив<ане> В<асильевиче> Грозном, то у меня невольно вырывались слезы. И сам не знаю, от чего это собственно происходило. А кажется от сердечного желания добра отечеству, т.е. когда видишь в истории, как оно возвышается, преодолевая все препятствия: то радуешься сему, а когда видишь его падающим под бременем бедствий: то болезнуешь и проч. Впрочем, кажется более всего подействовало к возбуждению умиления в сердце чудной красноречие историка Н<иколая> М<ихайловича> К<арамзина>»³.

Другой пример — слова на этот раз не студента Академии, а пансионера духовного училища (то есть школьника начальных классов по современным меркам) Иринарха Введенского (будущего общественного деятеля 1840-х гг.) из письма отцу-священнику примерно тех же времен: «Тятенька, не посылай мне лепешек, а пришли еще Карамзина; я буду читать его по ночам и зато буду хорошо

³ Зарин В. Дневные записки 1824 года в течение марта // Богословский вестник. 1914. Т. 3, № 10/11. С. 339–340.

учиться»⁴. Отец подарит Иринарху «Историю государства Российского» в день поступления в семинарию, и тот прочтет ее от «доски до доски», а введение выучит наизусть...⁵

В Духовной школе «История...» Карамзина, в силу колоссального объема, никогда не рассматривалась как пособие, но именно как дополнительный материал, позволяющий историческому нарративу «расцвести». Этот статус был подтвержден после отделения русской гражданской истории от всеобщей в 1840-е гг.⁶

Вместе с тем «История...» являлась одним из немногих «светских» произведений, которые непременно присутствовали в библиотеках духовных школ и отдельных представителей духовенства. Так в 1844 г. Московская духовная академия выделила в библиотеку только что открывшейся академии в Казани ряд дуплетов (!), среди которых были в основном иностранные богословские сочинения XVIII в., но оказалась и «История...» Карамзина⁷. Другой пример: поступающий в Петербургскую академию А. Л. Катанский в конце 1858 г. остановился у старого семинарского преподавателя А. И. Грацианова и читал книги, находившиеся в его библиотеке: словарь духовных писателей митр. Евгения (Болховитинова), монографию Н. Руднева о расколах и ересь в Древней Церкви и часть «Истории...» Карамзина⁸.

Таким образом, «Историю...» Карамзина в духовных школах знали, читали и даже учили, и нельзя сказать, что для автора данного

⁴ Благовестлов Г. И. Иринарх Иванович Введенский : Краткий биографический очерк. СПб., 1857. С. 6.

⁵ Там же. С. 6–7.

⁶ «История государства Российского» рассматривалась как дополнение к учебнику Кайданова (*Кайданов И. К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб., 1821. Ч. 1–3). См.: Дьяконов К. Духовная школа в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. С. 226. Естественно, «История...» Карамзина не являлась обязательным чтением для студентов духовных учебных заведений. Так, например, будущий архиепископ Савва (Тихомиров) прочел ее уже после окончания семинарии в 1840 г., когда ему пришлось давать частные уроки гражданской истории. *Савва (Тихомиров), арх.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Сергиев Посад, 1898. Т. 1. С. 127–128.

⁷ Смирнов С. К. История Московской духовной академии (1814–1870). М., 1879. Т. 2. С. 298.

⁸ Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010. С. 81.

доклада большой неожиданностью явился тот факт, что профессор Московской духовной академии по классу гражданской истории Петр Симонович Казанский также был знаком с творчеством Карамзина и даже обширно процитировал знаменитое введение к его «Истории...» в своей вступительной лекции, сохранившейся в его личном архиве. Гораздо большей неожиданностью явилось то, что Казанский использует цитату из Карамзина для того чтобы доказать мысль, совершенно противоположенную идее историографа. Однако скажем сначала несколько слов о самом Казанском, прежде чем перейти к его лекции.

Петр Симонович Казанский — церковный и гражданский историк, богослов, профессор Московской духовной академии. Преподавал гражданскую историю в соответствии с назначением, полученным некогда от академического начальства, но именно «церковную историю он признавал душой гражданской и старался преподавание гражданской истории поставить в тесную связь с историей Церкви»⁹.

Вообще возникновение церковной истории в России начала XIX в. это большая и сложная тема. В рамках данного доклада следует лишь обозначить нашу гипотезу о том, что церковная и гражданская история развиваются соответственно в процессе последовательного разграничения пространств «церковного» и «гражданского», процесса, который достигает нового качества к началу XIX в. и очень хорошо вписывается в теорию модернизации¹⁰.

В любом случае, для Духовных академий XIX в. «главным» историческим нарративом была именно церковная, а не гражданская история. Зачем же в таком случае нужна была гражданская история в Духовной академии? Зачем она вообще нужна? Карамзин и Казанский могли бы ответить на этот вопрос по-разному.

Казанский был одним из тех самых юношей, которые зачитывались Карамзиным: еще до поступления в семинарию (то есть

до 12 лет) он практически наизусть мог рассказать некоторые пассажи из «Истории государства Российского»¹¹.

Он не изменил юношеским пристрастиям и в своей вступительной лекции 1842 г., где в самом начале приводит обширную цитату из введения в «Историю...» Карамзина: «На славных играх олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков...»¹² и т. д. Эта поистине живописная цитата об истории, «отверзающей гробь», «поднимающей мертвых», «из тления вновь созидающей Царства», являлась своеобразным рычагом, который был призван «активизировать» историческое воображение слушателей в начале чтения книги, лекции, наконец, в начале учебного года, это «приступ» к аргументу. Однако в случае с Казанским эта цитата является «приступом» для совершенно иного аргумента, нежели в тексте Карамзина. Сравним.

У Карамзина	У Казанского
<p>...Творческою силою [истории] мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся содержанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.</p>	<p>Тем более интереса имеет история для того, у кого развито нравственное чувство, кто повинуется высшему голосу любить и уважать себя не в отдельности собственного лица, но во всеобщности рода человеческого, познать этот обширнейший род, коему мы принадлежим, его духовную жизнь, в реке, где плавают малый чёлн собственной нашей жизни, научиться понимать цель, к которой должно направлять оный¹.</p>
<p>Если всякая История, даже и неискученно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. <i>Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление</i>, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя.</p>	

⁹ Беляев А. А., *прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским] // Богословский вестник. 1903. Т. 2, № 5. С. 103.

¹⁰ Так, в своей классической статье Кауфман рассматривает процесс возникновения пространств «светского» и «церковного» как процесс функциональной модернизации; см.: *Kaufmann F. X. Religion and modernization in Europe // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1997. С. 80–96.

¹¹ Беляев А. А., *прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским] // Богословский вестник. 1903. Т. 1, № 1. С. 90.

¹² ОР РГБ. Ф. 524. Карг. 3. Д. 3. Л. 48–48 об.

¹³ Там же. Л. 48 об.–49.

По сути Казанский опровергает тезис Карамзина о том, что «истинный космополитизм» невозможен. Но у Казанского этот космополитизм имеет иную коннотацию — это не традиция нововременного правосознания, подразумевающего всеобщее равенство и поэтому невозможность любви к своим соотечественникам большей, чем ко всем остальным, а традиционное для христианского мышления представление о единстве рода человеческого перед Богом, выраженное в классических произведениях, начиная от блж. Августина и кончая Ж.-Б. Боссюэ.

Почему же Казанский игнорирует нацию, как промежуточный уровень между всеобщностью человеческого рода и конкретным индивидуумом, в отличие от Карамзина, которого он цитирует. Если бы он произнес эту лекцию на два года позже, можно было бы подумать, что намеренно опускает разговор о национальной истории, ведь в 1844 г. гражданская история будет разделена на всеобщую и русскую¹⁴. Но этого еще не произошло.

Здесь нет возможности подробно рассказать о личности и убеждениях П. С. Казанского¹⁵. Но в целом его можно назвать довольно последовательным оппозиционером теории «официальной народности», но оппозиционером не от республиканского блока, а от общества церковных интеллектуалов, которые уже тогда выступали против чрезмерной государственной «опеки» над Церковью. Много позже он выразит свои убеждения в довольно радикальной фразе: «Мне кажется, что св. церковь только тогда и будет сильна, когда она не будет полагаться ни на какую внешнюю защиту, а будет действовать сама силою своего духа. Церковь была сильна до Константина и ослабла при его покровительстве»¹⁶.

¹⁴ Голубцов С. А., *протоиак.* Московская духовная академия дореволюционного периода. Т. II: Кафедры и личный состав Академии. Ч. 2: Биобиблиографический словарь сотрудников Академии. М., 1987. С. 4–11.

¹⁵ Так, Казанский был одним из первых ученых, аргументированно опровергших устоявшиеся представления о Несторе Летописце как о едином авторе «Повести временных лет» и Житий Бориса и Глеба и прп. Феодосия. См.: Р-в. В. Нестор, летописец // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1890–1907. Подробнее о личности П. С. Казанского в общественном и научном контекстах своего времени см.: Богданова Т. А. Казанский Петр Симонович // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 19. С. 268–273.

¹⁶ Беляев А. А., *прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским] // Богословский вестник. 1905. Т. 3, № 9. С. 143.

Конечно, Казанский вовсе не декабрист от духовного сословия, но вместе с тем он выражал мнения, которые к концу XIX в. станут преобладающими в духовно-академическом сообществе. Пример лекции по всеобщей истории полностью соответствует общему духу исторических, а точнее церковно-исторических сочинений Казанского: центральное место в историческом нарративе занимает не категория нации, а категория Церкви, сообщества христиан.

Главным трудом его жизни является диалогия «История монашества на Востоке» и «История русского монашества», которая по колориту и выразительности является типичным романтическим проектом¹⁷. Его можно сопоставить с «Историей...» Карамзина. Но если у Карамзина являются князья и цари стоят в основании «эпоса об Отечестве», у Казанского ту же функцию в повествовании о прошлом Церкви выполняют святые подвижники сначала египетской, а затем русской пустыни¹⁸. Таким образом, формулируя исторический нарратив о прошлом, он стремился подчеркнуть не национальную, а конфессиональную идентичность.

Таким образом, в личности Казанского можно увидеть человека, выстраивающего историю по ту сторону барьера, за которым оказалось духовное сословие после петровских реформ, историю, построенную на иной аксиоматике, однако, что очень интересно, пропитанную тем же самым романтическим духом, что выражается не только в использовании конкретной цитаты, но в целом ряде элементов исторического нарратива. Главным «поставщиком» этого нового исторического инструментария, который со временем был взят за основу и сообществом духовно-академических историков, безусловно, является Карамзин.

¹⁷ Казанский П. С. История православного монашества на востоке. Ч. 1–2. М., 1854–1856.

¹⁸ Таким образом, можно согласиться с биографом Казанского в том, что «церковную историю он признавал душой гражданской и старался преподавание гражданской истории поставить в тесную связь с историей Церкви» (Беляев А. А., *прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским] // Богословский вестник 1903. Т. 2, № 5. С. 103).

Ю. Е. МАНОЙЛЕНКО

«На пороге вечности».
Н. М. Карамзин и междуцарствие 1825 г.

19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I. Сообщение о его смерти было получено в Санкт-Петербурге спустя восемь дней. На чрезвычайных Общих собраниях высших учреждений Российской империи — Государственного совета, Правительствующего Сената и Святейшего Синода — вскрываются запечатанные конверты с надписями, собственноручно сделанными покойным императором: «В случае моей кончины, раскрыть прежде всякого другого действия».

Из содержащихся в конвертах бумаг высшие сановники узнают о состоявшемся два года назад тайном отречении цесаревича Константина Павловича от права наследования престола и передаче его следующему по старшинству великому князю Николаю Павловичу. Однако последний не соглашается принять корону, приносит присягу на верность подданства старшему брату и вынуждает к этому гражданских и военных чиновников. Повсеместно рассылаются указы о присяге императору Константину. В Варшаву — резиденцию цесаревича, как наместника Царства Польского, — отправляются курьеры с сообщениями об этом. В столице ждут его окончательного решения.

Н. М. Карамзин близко знал всех участников событий. С ними его связывали многолетние отношения, придворная жизнь, дружеские беседы, переписка. Не случайно, что внезапно возникшая политическая ситуация междуцарствия воспринималась выдающимся историком очень лично. Свои впечатления от происходившего на его глазах он фиксировал в рукописи, озаглавленной «Бумаги для моих сыновей, когда они вырастут». Благодаря этому уникальному документу, ныне хранящемуся в Российском государственном историческом архиве¹, мы имеем возможность проследить мысли и действия Карамзина в поистине судьбоносные дни ноября и декабря 1825 г.

Смерть Александра I стала для историографа Российской империи трагическим ударом. «Мне хочется более плакать, нежели писать о Нем. Я любил Его искренно и нежно; иногда негодовал, досадовал на Монарха и всё любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким. Не боюсь встретиться с Ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели!» — запишет он через месяц после кончины императора¹.

В первые недели декабря Карамзин регулярно бывает в Зимнем дворце. В присутствии императрицы-матери Марии Федоровны он подолгу беседует с великим князем Николаем Павловичем, стремясь донести до возможного будущего императора свои представления о наилучшем государственном устройстве, о роли самодержавного монарха и «верноподданного гражданина». Благоговейное отношение к личности покойного Александра I не мешает Карамзину достаточно сурово критиковать недостатки его царствования. «Я не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой гурьевской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о Министерстве просвещения — или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее также Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы гражданские и государственные», — свидетельствовал историк².

Однажды, не выдержав беспощадной критики, императрица Мария Федоровна восклицает: «Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайлович!» На это Карамзин невозмутимо отвечает: «Я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать»³. Он искренне надеется, что новый император продолжит «все лучшее», что можно найти в завершившемся правлении, исправив при этом все то, что было «недостойным».

12 декабря в столице получают письмо Константина Павловича с подтверждением своего намерения отречься от престолонаследия. Приняв окончательное решение стать императором, Николай

¹ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 29.

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 8–8 об.

³ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 460–461.

Павлович привлекает к составлению Манифеста о восшествии на престол двух выдающихся современников — М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина.

Отношения между ними нельзя назвать дружескими. В 1811 г., за четырнадцать лет до описываемых событий, именно Карамзин стал выразителем настроений консервативной части российского общества, блестяще изложив в «Записке о древней и новой России» протест против осуществлявшихся Сперанским государственных преобразований. В последующие годы сброшенный с «властного Олимпа» Сперанский пережил крах своих начинаний, многолетнюю опалу и ссылку, а возвращение его в Петербург в 1821 г. показало бессмысленность надежд на восстановление прежних отношений с Александром I.

Н. М. Карамзин, напротив, в течение последнего десятилетия был приближен ко Двору, обласкан членами царской семьи и, официально не занимая государственных постов, являлся постоянным собеседником и доверенным лицом императора, обсуждавшего с ним вопросы внутренней и внешней политики. «Я всегда был чистосердечен, Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако слушал их, хотя им, большею частью, и не следовал», — вспоминал Николай Михайлович в «Бумагах для моих сыновей»⁴.

И Карамзин, и Сперанский предлагают императору свои варианты Манифеста. Николай I фиксирует в записной книжке: «...у себя, Карамзин, читаю ему проект, не одобряет его отчасти, слишком холодно, хочет, чтобы там было больше сказано об Ангеле...»⁵.

В карамзинском варианте Манифеста весьма эмоционально подчеркивалось «умиление любви и благодарности» народа «к памяти усопшего великого Монарха», отмечались «беспримерно славные» заслуги покойного императора перед Россией и Европой, выражалось твердое намерение следовать во всем его «благим начинаниям». «Да будет Наше царствование только продолжением Александрова! <...> Да исполнится все, чего желал, но еще не успел совершить для Отечества Александр бессмертный: Тот, Коего священная память должна питать в Нас и ревность, и надежду стяжать благословение

⁴ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

⁵ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 48. Л. 89 об. Имеется в виду император Александр I.

Божие и любовь народа Российского»⁶, — предлагал завершить документ Карамзин. Однако император не разделял его мнения.

«Нашли тут повод к толкам, вид самохвальства, излишние обязательства; велели переделать, выпустить все, что выразило бы характер или намерения нового царствования», — с долей недовольства писал впоследствии историк⁷. Подход Сперанского был более сдержан, торжественно спокоен и точен, и Николай I отдал предпочтение ему. В дальнейшем Карамзин скрывал свое участие в составлении Манифеста даже от близких друзей, упомянув об этом обстоятельстве лишь в своих последних рукописях.

Последовавшие затем события на Сенатской площади тяжело переживались Карамзиным. Несмотря на отрицательное отношение к «безумному заговору», историк не мог не сознавать, что в «стане заговорщиков» оказалось немало близких ему людей.

Достаточно упомянуть одного из главных руководителей и идеологов декабристов Никиту Муравьева. Его отец — писатель, поэт, просветитель, государственный деятель М. Н. Муравьев был другом Карамзина и, в качестве статс-секретаря, способствовал получению последним титула «историографа Российской империи» и возможности свободного доступа к материалам архивов и библиотек⁸. Мать Н. М. Муравьева, Екатерина Федоровна, была крестной матерью младшей дочери Карамзина Елизаветы⁹. Сразу после своего переезда в Петербург в 1816 г., а затем еще в течение пяти лет — с 1818 по 1823 г. — Николай Михайлович с семьей жил в доме Муравьевых на Фонтанке... И это далеко не единственный пример того, что связывало выдающегося историка с «государственными преступниками».

«Жалею о Н. Е. Кашкине: преступник князь Оболенский ему родной племянник, если не ошибаюсь. Лавали в отчаянии за их зятя, Трубецкого. Катерина Федоровна Муравьева раздирает сердце своею тоскою», — писал Николай Михайлович своему близкому другу И. И. Дмитриеву 19 декабря¹⁰. «Сколько горести и беспокойства

⁶ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 об.—15.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1; Ф. 951. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–1 об.; Ф. 1486. Оп. 5. Д. 61. Л. 1–1 об.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 200-Б. Л. 235 об.

¹⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 412.

в семействах...», — отмечал он в письме к князю П. А. Вяземскому через две недели после восстания¹¹.

Трагические события 14 декабря 1825 г. не только пагубно отразились на душевном состоянии Карамзина, но и подорвали его здоровье. Проведя долгие часы на морозном воздухе, наблюдая за происходящим на столичных улицах и площадях, историограф тяжело заболел.

История, которой почти четверть века служил Карамзин, распорядилась так, что со смертью Александра I словно завершилась и его собственная жизнь. Всецело ощущая себя человеком Александровского времени, чувствуя неразрывную связь с событиями и людьми минувшего царствования, он так и не смог принять и пережить неожиданную кончину императора. В этом смысле, события междуцарствия 1825 г. стали для выдающегося историка тем рубежом, который он оказался не в состоянии преодолеть.

«Если не я, то другие увидят скоро, для чего Бог внезапно отнял Александра у России! <...> Один Бог знает, каково будет наступившее царствование»¹², — восклицал Карамзин на пороге новой — уже Николаевской — эпохи, будто не находя для себя места в ней. Эти слова оказались для него пророческими.

22 мая 1826 г. Н. М. Карамзин скончался в Таврическом дворце Санкт-Петербурга.

С. В. МИРОНЕНКО

Александр I и Н. М. Карамзин

Впервые Александр I и Карамзин встретились в Москве в декабре 1809 г. Н. М. Карамзин писал брату: «Государь изволил сказать несколько приветливых слов»¹. Затем последовало неожиданное приглашение от сестры императора великой княгини Екатерины Павловны приехать в Тверь, куда ждали Александра I. К этому времени уже закончены первые четыре тома «Истории государства Российского». Карамзин, модный писатель (вспомним хотя бы «Бедную Лизу» и «Письма русского путешественника»), а теперь уже и историограф, стал бывать в тверском салоне великой княгини.

Однако имя Карамзина стало известно императору задолго до этого. 26 апреля 1801 г. Александр I пожаловал «московскому сочинителю Карамзину бриллиантовый перстень ценою в 750 рублей»². А 31 октября 1803 г. последовал высочайший указ о производстве Карамзину «ежегодного пенсиона в 2 тысячи рублей за работу в качестве историографа»: «Как известный писатель, московского университета почетный член, Николай Карамзин изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной истории отечества нашего, то мы, желая ободрить его в том похвальном предприятии, всемилоостивейше повелеваем производить ему в качестве историографа по две тысячи рублей ежегодного пенсиона из Кабинета нашего»³.

В салоне Екатерины Павловны с неодобрением смотрели на «дней Александровых прекрасное начало», не разделяли его желания реформировать Россию. Великую княгиню и ее окружение раздражали «молодые друзья» императора, а затем и ставший

¹ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 64.

² «Блестящий сын златого века». Н. М. Карамзин и его эпоха. К 250-летию со дня рождения : буклет выставки. СПб.: Альфарет, 2016. С. 27 (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 180, 182).

³ Там же. С. 28 (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3920. Л. 536).

¹¹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826 (из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 169.

¹² РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 29. Л. 8 об.–9, 16.

ближайшим сотрудником Александра I сын дьячка М. М. Сперанский, вместе с которым император разрабатывает план коренного преобразования России, обсуждал проекты введение конституции и неразрывно связанное с ней освобождение крестьян от крепостного права. И здесь роль консервативного оппонента реформаторским идеям, владевшим императором, отводилось Карамзину. Тем более что Карамзин с успехом читал в Твери в присутствии императора Александра I и великого князя Константина Павловича главы из своей истории о татарском нашествии, Дмитрие Донском. Читал несколько часов подряд. Одно из чтений продолжалось далеко за полночь. Константин Павлович признавался близким, что из всей русской истории знает только услышанное от Карамзина⁴.

Что могло импонировать и привлекать Александра I в истории Карамзина? Конечно, в первую очередь, что и всех остальных читателей, в том числе и А. С. Пушкина, который, напомним, писал, что Карамзин, как Колумб открыл россиянам их собственную историю. Но не только это. Для Карамзина было очевидным (и он прямо писал об этом в своем сочинении), что во все времена «суд истории — единственный для государей, кроме суда небесного, — не извиняет и самого счастливого злодейства». Естественно, Александр I мог воспринять это как прямой намек на его участие в убийстве отца, императора Павла I. Если бы... Карамзин в своем сочинении не писал, почти беспристрастно, о многочисленных убийствах, которыми была полна русская история X–XIV вв. как бы говоря: «пороки не чело века, но века», тем самым оправдывая поступки своих героев.

По заказу Екатерины Павловны Карамзин пишет свою знаменитую «Записку о древней и новой России» — отповедь консерватора реформаторским замыслам императора. Эпиграф — «Несть льсти в языке моем». Чем ближе к современности, тем сильнее в «Записке...» критика власти. Карамзин, отдавая должное величию преобразований Петра, замечает, что он нарушил естественные пути, которыми прежде двигалась русская история: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виню Петра». Именно при Петре, по его мнению, произошло отделение «высших степеней» народа от «низших» и «русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах». Карамзин не мог промолчать и о методах петровских преобразований:

⁴ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. С. 67.

«Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного». Речь шла о «повреждении нравов» в России, особенно ярко проявившееся в царствовании Елизаветы и Екатерины Великой.

Но главное, для чего, собственно говоря, и писалась «Записка...», касалось современности. «Чего хочу? — задавался вопросом Карамзин. — С добрым намерением — испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история». Прежде всего, предостеречь царя от поспешных шагов к конституции: «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья». И второе, не торопиться с отменой крепостного права: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу ... но знаю, что теперь им неудобно возратить оную ... Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу». Заметим важную оговорку историка, что если все-таки крестьяне вскоре получат свободу, они должны получить свободу без земли, поскольку она «есть собственность дворянства, в чем не может быть и спора».

Общий вывод говорит об ответственности правителя за свои действия: «Государь! История не упрекает тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), но ты будешь ответствовать богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов»¹.

Как отреагировал Александр I на критику своей политики? Вначале рассердился и распрощался с Карамзиным холодно, затем ледок в их отношениях постепенно растаял. Но произошло это не сразу, а после падения Сперанского, когда Александр в преддверии войны с Наполеоном пожертвовал своим помощником («Мне отрубили правую руку», — говорил он впоследствии).

Близость царя с историком растет. С весны 1816 г. и до самой смерти в 1826 г. Карамзин жил в Петербурге, зимой в городе, летом в Царском Селе. Его постоянно приглашают ко двору. Александр I часто танцует на балах с женой Карамзина. Историк состоит в переписке с обеими императрицами — женой и матерью Александра.

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914; РГИА. Ф. 951 (Н. М. Карамзин). Оп. 1. Д. 28.

Н. Я. Эйдельман прямо пишет о том, что Александр предлагал Карамзину дружбу, но тот предпочел сохранить дистанцию². Александр советуется с близким другом Карамзина И. И. Дмитриевым, не пригласить ли того на государственную службу то ли государственным секретарем, то ли министром просвещения. К счастью этого не произошло.

Живя в Царском Селе, Карамзин часто встречается и прогуливается с императором в «зеленом кабинете», т. е. в царскосельском парке. Мы в общих чертах знаем, о чем говорили царь и историограф. А говорили они обо всем: Карамзин «не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой губернской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения или затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные»³.

Осенью 1819 г. произошло событие, которое прервало идиллию их отношений. 17 октября 1819 г. Карамзин подал императору «Записку о Польше» и беседовал с царем «с восьми до часу за полночь». Карамзину показалось, что в результате они «душою расстались, кажется навсегда». Правда, позднее (уже после смерти Александра I) Карамзин записал: «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж, слушал их, хотя большей частью и не следовал»⁴.

В «Записке о Польше» (или как она озаглавлена в публикации «Мнении русского гражданина») Карамзин резко протестует против ставшими ему известными планов Александра I восстановить целостность польского государства, каким оно было до разделов при Екатерине II. «Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, — писал Карамзин, — но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России?» И дает на этот вопрос

² См.: *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. С. 113.

³ *Сербинович К. С.* Н. М. Карамзин. Воспоминания // *Русская старина*. 1874. № 9–10.

⁴ *Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина*. СПб., 1862. С. 3–20.

однозначно отрицательный ответ: «Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольнию, Подолию, утвержденную в собственность России еще до Вашего царствования?» Нет. «Мы желаем единой империи российской». «Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною»⁵.

Здесь историограф выступал выразителем единодушного мнения, охватившего все слои русского общества от либералов и революционеров до консерваторов и реакционеров. Напомним, что известие, полученное декабристами в начале 1818 г. о подобных же планах Александра I, толкнуло членов Союза спасения на мысль об убийстве императора, столь коварно, как им казалось, предающего интересы России.

Карамзин один из немногих, кто был посвящен в тайну передачи прав на престол от Константина к Николаю. Александр открыл это решение только самым близким ему людям — митрополиту Филарету, князю А. Н. Голицыну и Карамзину. Даже великий князь Николай, которому передавались права на российский престол, ничего не знал об этом.

Подводя итоги, нужно сказать, что, несмотря на все политические расхождения отношения императора и Карамзина пережили все сложные перипетии и оставались близкими и откровенными до конца.

⁵ Там же.

Д. А. МИРОНОВА

**Выпускники Греческого корпуса
для чужестранных единоверцев —
герои Отечественной войны 1812 года**

Проблема роли греческих иммигрантов и их потомков в истории Российской империи еще недостаточно полно освещена в отечественной историографии. В 2000-е годы вышел ряд монографий, диссертаций и статей, посвященных иммиграции греков в Россию, «Греческому проекту» Екатерины Великой, греческим воинским соединениям в составе русской армии. Это исследования Ю. Д. Пряхина¹, Ф. Янници². Но это лишь начало: тема греческих иммигрантов и греческой диаспоры в России остается малоизвестной широкой общественности и еще ждет более подробной разработки. Так, хотя тема Отечественной войны 1812 г. широко разработана и порою кажется исчерпанной, среди множества трудов, вышедших в свет во время празднования 200-летнего юбилея победы над Наполеоном, пока что нет отдельного исследования о роли греков в этой войне. Между тем немало греков сражалось в рядах русской армии; восемь из них, отличившись в различных военных конфликтах рубежа веков, дослужились до генеральского чина, а один в 1812 г. отдал жизнь за честь России — своего нового Отечества. В Военной галерее Эрмитажа можно увидеть их портреты. Это генералы Адам Иванович Балла, Егор Иванович Властов, Федор Пантелеймонович Алексополь, Семен Христофорович Ставраков, Пантелеймон Егорович Бенардос, Дмитрий Дмитриевич Курута, Алексей Петрович Мелиссино, Иван Осипович де Витт.

Судьбы этих людей различны, и разные пути привели их в Российскую империю: некоторые из них, как Д. Д. Курута, И. О. де Витт, А. П. Мелиссино, С. Х. Ставраков родились в России и были потомками греческих иммигрантов, судьбы же других были тесно

связаны с историей русско-турецких войн и попытками реализации «Греческого проекта» Екатерины Великой. В эпоху русско-турецких войн, и особенно Архипелагских экспедиций русской армии, множество греков покинули родину, ища убежища от гнета Османской империи в России, где императрица, желавшая создать на Балканах буферное греческое государство, предоставляла греческим иммигрантам самые выгодные условия расселения в империи, особенно если речь шла о воинах, уже отличившихся в борьбе в Портой, или же об их детях.

Так, после подавления турками Пелопоннеского (Морейского) восстания 1768–1774 гг., происходившего во время Архипелагской экспедиции, на кораблях эскадр графа А. Г. Орлова и адмирала Г. А. Спиридова множество греческих семейств бежали в Россию. Среди них были и будущие русские генералы А. И. Балла, П. Е. Бенардос, Ф. П. Алексополь, Е. И. Властов, тогда еще мальчишки 10–11 лет. Все они по прибытии в Россию получили воспитание и образование во вновь образованном кадетском Корпусе для чужестранных единоверцев. Этот Корпус, или Греческая гимназия, был учрежден Екатериной Великой специально для сыновей греков, принявших участие в войне с Портой, в 1775 г. Закрытое военное учебное заведение было призвано создать элиту будущего Греческого государства, подготовить кадры для армии, флота, государственной службы, поэтому здесь кадеты получали разностороннее и качественное образование. Преподавание велось как на греческом, так и на русском языках; учебная программа включала в себя изучение иностранных языков — итальянского, немецкого, французского, — а также «законов государства», истории, географии, геометрии, алгебры, физики, литературы. Впрочем, следует отметить, что в формулярном списке один из учеников Корпуса, генерал-майор А. И. Балла предпочел отметить лишь, что «грамоте русской, греческой и несколько французской умеет, арифметике и геометрии знает»³. А. И. Балла окончил Греческий корпус в 1782 г., и был зачислен подпоручиком в 31-й Алексеевский пехотный полк; он участвовал в подавлении восстания татар в Крыму, затем, после присоединения Крыма, был при приведении к присяге его жителей.

¹ Пряхин Ю. Д. Греки в истории XVIII–XIX в. СПб., 2008. С. 268.

² Янници Ф. Греческий мир в конце XVIII — начале XX веков по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). М., 2004. С. 219.

³ Копия с формулярного списка о службе генерал-майора Баллы, выписанная из такового и присланная в Инспекторский департамент от 11-го Егерского полка от 1-го Января 1812 года // РГВИА. Ф. 395. Оп. 172. Д. 197. Л. 10.

Затем переведен в Лифляндский егерский корпус, и его судьба с тех пор была связана с егерями; в рядах этого корпуса Адам Иванович воевал во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., отличился при штурме Очакова (произведен в следующий чин и награжден золотым крестом: «У прикрытия полевой артиллерии, с 17-го в траншее у прикрытия сделанных против неприятеля батарей, декабря 6-го при взятии штурмом неприятельского ретраншемента и крепости Очаковской в сражении, за что удостоен золотого знака...»⁴; тогда же произведен в секунд-майоры.), затем — при штурме Измаила, причем Измаил штурмовал дважды — первый раз в чине секунд-майора (как сообщает формулярный список, в этом сражении Балла, «отражая неприятеля, очистил куртину, о каковой отличности всеподданнейше донесено блаженной памяти Ея Императорскому Величеству Екатерине II и по Высочайшему Ее Величества повелению удостоен листом в ознаменование Всемилостивейшего монаршего благоволения...»⁵, а также был награжден золотым крестом «За отменную храбрость» и произведен в премьер-майоры), второй раз — уже в чине генерал-майора, командира и шефа 11-го егерского полка, в 1806–1809 гг. Здесь он командовал пехотой в передовом отряде, был контужен во время стычки с турками и награжден орденом Св. Анны 2-й степени. Кроме того, именно Балла вел переговоры о сдаче крепости. В том же 1809 г. за проявленную при взятии другой турецкой крепости, Базарджика, он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. В 1812 г. Балла назначен командиром 3-й бригады 7-й пехотной дивизии 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова, бывшего в составе 2-й Западной армии. Дивизия П. М. Капцевича защищала Солдатскую слободу и Рославльское предместье. Егерская бригада генерала Баллы была в первой линии и отражала яростные атаки войск герцога Ауэрштедтского в Рославльском и Мстиславльском предместьях. С раннего утра французы открыли по городу артиллерийский огонь, и с тех пор канонада уже не смолкала. До 3 часов пополудни за предместье шли упорные бои. Вновь егеря находились в авангарде, вновь генерал

⁴ Формулярный список премьер-майора 4-го батальона Лифляндского егерского корпуса А. И. Баллы // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907.

⁵ Копия с формулярного списка о службе генерал-майора Баллы, выписанная из такового и присланного в Инспекторский департамент от 11-го Егерского полка от 1-го Января 1812 года // РГВИА. Ф. 395. Оп. 172. Д. 197. Л. 10.

Балла был впереди своего полка, отражая яростные атаки полков маршала Даву на Рославльское и Мстиславльское предместья. Как сообщает Дохтуров, под началом которого служил Адам Иванович, в рапорте на имя М. Б. Барклая-де-Толли, генерал Балла был «...ранен троекратно и через несколько часов умер...»⁶ «Все жалеют, — писал Ф. Н. Глинка, — о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, убитого пятого числа в передней цепи стрелков»⁷. Согласно воспоминаниям Н. Е. Митаревского, служившего в той же дивизии П. М. Капцевича, генерал Балла и его адъютант, погибший в том же бою, были похоронены во время отступления неподалеку от Смоленска. Митаревский свидетельствует: «Прошедши верст десять, мы остановились для отдыха. Подле стояла небольшая каменная церковь с каменной же оградой; в ней отпевали убитого генерала Балла, командовавшего егерской бригадой в нашей дивизии, и вместе с ним его и адъютанта. Все отзывались о генерале Балле как о добром старике и храбром генерале. Положили их в одну могилу, без гробов, как были в мундирах, чем-то накрыли и закидали землей, а потом насыпали бугор. Спустя много времени и быв уже в отставке, случилось мне проезжать мимо этой церкви; я зашел взглянуть на знакомую мне могилу и не нашел даже признаков ея»⁸. 31 октября 1812 г. генерал Балла был исключен из списков умершим от ран. Ему было 48 лет.

Чужеземец, волею случая оказавшийся в России и отдавший служению ей 30 лет своей жизни, а затем и саму жизнь, Адам Иванович не принадлежал к поместному дворянству, имения и крестьян не имел, поэтому после гибели генерала его семья — мать, вдова, Сусанна Ивановна, и трое детей (в январе 1812 г. его старшей дочери, Елизавете, исполнилось 8 лет, Софии — 1,5 года, а Ивану — 5 месяцев⁹) остались без средств к существованию. Вдова

⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 4. Д. 295. Л. 10.

⁷ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. М., 1870. С. 5.

⁸ Митаревский Н. Е. Воспоминания о войне 1812 года. Записки о том, что мог видеть и испытать молодой офицер в кругу своих действий. М., 1871. С. 41.

⁹ Копия с формулярного списка о службе генерал-майора Баллы, выписанная из такового и присланного в Инспекторский департамент от 11-го Егерского полка от 1-го Января 1812 года // РГВИА. Ф. 395. Оп. 172. Д. 197. Л. 10.

генерала была вынуждена неоднократно писать прошения о пенсии, обращаясь к М. Б. Барклаю-де-Толли и М. И. Кутузову. Семья погибшего героя тогда (судя по обратному адресу прошений¹⁰) проживала в Дубоссарах (территория современной Молдавии), городе, близком к театру военных действий недавней русско-турецкой войны. Последние сведения о дальнейшей судьбе семьи генерала Баллы относятся к Ананьевскому уезду Херсонской губернии — именно там находилось имение, которое Александр I впоследствии даровал семье героя: деревня Малигоново, которая была переименована в Софиевку по имени новой владелицы — Софьи Адамовны Балла, в замужестве Мосцовой. Этими сведениями мы обязаны потомку генерала, Ф. А. Сурвилене.

Портрета Адама Ивановича не сохранилось (известно лишь, что современники описывали его человеком невысокого роста, несколько худощавым¹¹), но в Военной галерее Эрмитажа находится позолоченная рама с его именем. В Храме Христа Спасителя, на 7-й по счету стене Воинской Славы, посвященной Смоленскому сражению, также можно найти имя героя...

Накануне двухсотлетнего юбилея Победы в Отечественной войне 1812 г. судьба генерала Баллы привлекла заслуженное внимание общественности. Проблема поиска могилы героя и увековечения его памяти впервые была поднята А. А. Смирновым на I Всероссийской научной конференции «1812 год: война и мир». В своей статье «Отношение к павшим в 1812 году и памяти о них» он рассказывает о гибели генерала Баллы, приводит цитату из воспоминаний Митаревского и пишет о том, что «...при желании можно было бы найти эту могилу и поставить надгробный памятник не хуже¹², чем генералу

¹⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 4. Д. 295. Л. 10.

¹¹ Михайловский-Данилевский А. И. Александр Первый и его сподвижники в 1812, 1813–1814, 1815 гг. / сост. А. И. Михайловский-Данилевский, А. И. Висковатов. СПб., 1849. Т. 6. С. 346.

¹² А. А. Скалон (1767–1812) — генерал-майор, шеф Иркутского драгунского полка, погиб в Смоленском сражении 5.08.1812 г. По легенде, его тело было обнаружено французами на поле боя 6 августа, и Наполеон приказал похоронить Скалона с воинскими почестями. Но эта могила впоследствии была утеряна, и 1912 г. его потомки установили памятник-стелу на предполагаемом месте захоронения знаменитого предка — на Марсовом поле, у подножия Королевского бастиона; ныне это — территория городского парка, Лопатинского сада.

А. А. Скалону»¹³. Затем эта идея была подхвачена смолянами. В том же 2012 г. появились публикации в «Смоленской газете», открылось обсуждение на интернет-форумах, вышли программы на радио и телевидении. Инициативной группой из краеведов и школьников начался поиск могилы генерала Баллы: путем анализа воспоминаний Н. Е. Митаревского, доступных сведений о путях отступления 4-го пехотного корпуса 5–6 августа 1812 г., а также информации о количестве и расположении каменных храмов на пути движения корпуса, было установлено, что генерал Балла мог быть, скорее всего, похоронен у храма св. Антония и Феодосия Печерских (пос. Печерск, Смоленский район). После революции кладбище при этой церкви было уничтожено; старинные плиты, наполовину вросшие в землю, лежат вокруг храма в совершенном беспорядке; поэтому найти могилу генерала ныне не представляется возможным. От идеи установить точное место захоронения Баллы пришлось отказаться и искать способы иначе увековечить память героя. Смоленским отделением Союза краеведов был объявлен благотворительный сбор средств, и усилиями смолян 18 октября 2012 г. в Сквере Памяти Героев была установлена памятная доска, посвященная генералу А. И. Балле. Скульптор И. Н. Чумаков изготовил доску в Катинском литейном цехе. Она выполнена в той же стилистике, что и памятные доски, установленные 100 лет назад, но отличается от них материалом, так как выполнена из бронзы, а не из чугуна. Доска, посвященная генералу Балле, находится рядом с памятной доской Иркутскому драгунскому полку, над Аллеей городов-героев. Впрочем, следует отметить, что идея, высказанная А. А. Смирновым на конференции в 2009 г. — установить памятник А. И. Балле на Марсовом поле, возле могилы генерала Скалона, поддерживается многими смолянами, и работа в этом направлении продолжается.

Еще один генерал, чей портрет не сохранился и чье лицо мы никогда не увидим, — Федор Пантелеймонович Алексополь. Он окончил Греческий корпус в 1781 г. и выпущен прапорщиком в Рязский пехотный полк. Как и Балла, он участвовал в Русско-турецкой

¹³ Смирнов А. А. Отношение к павшим в 1812 году и памяти о них // 1812 год: война и мир : материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2009. С. 36.

войне 1787–1791 гг., отличился при штурмах Очакова и Измаила, служил в егерских частях; чин генерал-майора Ф. П. Алексополь получил в 1807 г. Во время Отечественной войны 1812 г. Алексополь командовал 2-й бригадой 23-й пехотной дивизии (4-й пехотный корпус Д. С. Дохтурова, 1-я Западная армия). В начале войны он находился в арьберггардном отряде И. С. Дорохова, принял участие в Смоленском сражении 4–6 августа 1812 г.

В Бородинском сражении генерал Алексополь руководил егерскими полками передового отряда, сражавшегося в центре русских позиций. Во время контратаки на Курганную батарею, занятую французами, егеря Алексополя захватили в плен французского генерала Шарля Боннами. В битве при Бородине сам Алексополь был ранен в левую ногу пулей и за отличие награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Во время Заграничных походов генерал Алексополь находился в составе Резервной армии. По окончании Наполеоновских войн, в 1816 г. он был уволен со службы «за ранам» с мундиром и пенсионом полного жалования; на пенсии генерал Алексополь поселился в г. Опочка Псковской губернии.

Другим выпускником Греческого корпуса, прославившимся в эпоху «грозы двенадцатого года», был Пантелеймон Егорович Бенардос. Окончив корпус в 1781 г. в чине прапорщика, участвовал, как и остальные, в Русско-турецкой войне 1788–1791 гг., отличился при взятии Измаила, участвовал в походах во время разделов Польши в 1792–1794 гг. Затем П. Е. Бенардос состоял начальником корпусного лазарета в Праге (предместье Варшавы). Во время войны Четвертой антифранцузской коалиции 1806–1807 гг. он отличился в битвах при Прейсиш-Эйлау, Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде (в последнем сражении ранен пулей в левую ногу). 12 декабря 1807 г. произведен в генерал-майоры. С 1811 г. Бенардос командовал 1-й бригадой 18-й пехотной дивизии, находившейся в 1812 г. в корпусе генерала С. М. Каменского в составе 3-й Обсервационной армии. Во время Отечественной войны 1812 г. он участвовал в боях при Брест-Литовске и Кобрине, в сражении при Городечне; в ноябре отличился в боях при р. Березина, затем преследовал неприятеля до Вильно. Во время Заграничных походов генерал Бенардос был при осаде крепости Торн, затем сражался при Кенигсварте, Баутцене, на р. Кацбах. С июля 1813 по 1814 г. командовал 18-й пехотной дивизией. В 1814 г. отличился при Ла-Ротьере, где

был контужен¹⁴. По окончании Наполеоновских войн генерал Бенардос уволен от службы 16.3.1816 г. с мундиром и пенсионом полного жалования. П. Е. Бенардос стал основателем дворянского рода, давшего России еще одного знаменитого человека — инженера, изобретателя способа электрической дуговой сварки Н. Н. Бенардоса; генералу он приходится внуком¹⁵.

Поистине удивительной была судьба Георгия Ивановича Властова: из сироты, бродившего по улицам Константинополя, он стал генерал-лейтенантом, героем Отечественной войны 1812 г., одним из тех, кто победоносно входил в покоренный Париж. Итак, он родился в 1770 г. в городе Константинополе, осиротев, был подобран русскими моряками во время первой Архипелагской экспедиции русского флота, и поступил в Греческую гимназию. Выпущенный оттуда подпоручиком в Эстляндский егерский полк, Г. И. Властов поступил в гребной флот. В ходе военных действий флот был разбит шведами, но Властову вместе с другими офицерами удалось пробиться на баркасе сквозь суда врага и уйти от преследования, за что он и был произведен в поручики. Г. И. Властов прошел значительный боевой путь: он участвовал в походах против Польши в 1792 и 1794 гг., в 1806 г. стал командиром 24-го егерского полка; участвовал в войнах антинаполеоновских коалиций: в боях под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, под Гейльсбергом получил ранение ядром в грудь; затем сражался со шведами в 1808–1809 гг., особенно отличившись в бою при Карстуде. Во время Отечественной войны 1812 г. Властов являлся командиром бригады в составе пехотного корпуса генерала П. Х. Витгенштейна, участвовал в боях под Якубовом, Клястицами, Головщиной, Белом.

Чин генерал-майора Властов получил за боевые заслуги в 1812 г.; он был назначен начальником авангарда корпуса, участвовал в сражениях при Полоцке, при Березине его войска вынудили сдать дивизию генерала Партуно. В ходе Заграничных походов

¹⁴ Формулярный список генерал-майора П. Е. Бенардоса за 1814 год [Электронный ресурс] // Интернет-проект «1812 год» / Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 года». URL: http://www.runivers.ru/doc/patriotic_war/participants/detail.php?ID=435993 (дата обращения: 6.04.2016).

¹⁵ Будрейко Е. Н. Николай Николаевич Бенардос. Русские изобретатели. [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/39118.php> (дата обращения: 7.04.2016).

1813 г. генерал Властов командовал 3-й бригадой 5-й пехотной дивизии, участвовал в битвах при Дрездене и Лейпциге. В 1814 г. он находился при блокаде Страсбурга, сражался при Барсюр-Об и Фер-Шампенуазе. За отличие же при штурме Парижа Властов был произведен в генерал-лейтенанты¹⁶. В 1822 г. Властов был освобожден от всех должностей, но официально не выходил в отставку и числился в армии; жил он в своей усадьбе Княжево в Шуйском уезде Владимирской губернии. На свои средства он построил здесь храм, освященный в честь покровителя воинов — св. Георгия Победоносца; возле этой церкви генерал и был похоронен в 1837 г. Ныне усадьба Е. И. Властова не сохранилась, о ней напоминают лишь полуразрушенный фонтан и аллея; Георгиевская церковь после революции 1917 г. была разрушена, а кладбище уничтожено. После Великой Отечественной войны, когда в государственной идеологии изменилось отношение к войне 1812 г. (отказ от формулировки «империалистической войны феодальной России против прогрессивной революционной Франции» и возвращение к понятию «Отечественная война 1812 года»), ученики местной школы ухаживали за могилой генерала, но в 1990-е гг. эта могила была вновь разорена вандалами. Уже с 2009 г. местные краеведы пытались добиться восстановления могилы Властова, и к 200-летию победы над Наполеоном на добровольные пожертвования местных жителей был установлен новый памятник храброму генералу¹⁷.

Итак, коротко рассмотрев биографии греков — героев Отечественной войны 1812 г., мы можем сделать некоторые выводы. Как видим, их судьбы во многом схожи: окончив Греческий корпус, все они были определены в те или иные пехотные полки, впоследствии переводились в егерские корпуса, участвовали во всех военных конфликтах рубежа XVIII–XIX вв.: русско-турецкие войны 1788–1791 гг. и 1806–1812 гг., русско-шведская война и войны антинаполеоновских коалиций.

¹⁶ Формулярный список генерал-лейтенанта от инфантерии Е. И. Властова. Рукописная копия 1911 года, сделанная В. П. Федоровым для Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. [Электронный ресурс] // Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.1812db.simvolika.org/> (дата обращения: 7.04.2016).

¹⁷ Михаил Мокрецов. Могила неизвестного генерала. [Электронный ресурс] // Портал «ИВАНОВОЛIVE». URL: <https://ivanovolive.ru/news/4689> (дата обращения: 7.04.2016).

Памятная доска в Сквере
Памяти Героев (Смоленск),
посвященная А. И. Балле

Храм Свв. Антония и Феодосия Печерских (пос. Печерск, Смоленский район), предполагаемое место захоронения генерала А. И. Баллы

Генерал-майор П. Е. Бенардос.
Портрет кисти Дж. Доу.
Военная галерея Зимнего дворца.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Генерал-лейтенант Е. И. Властов.
Портрет кисти Дж. Доу.
Военная галерея Зимнего дворца.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

В отличие от многих своих соотечественников, они не связали свою судьбу с флотом, и, таким образом, оказались в сухопутной армии, в центре военных действий. В целом же история жизни каждого из них представляет собой «типичный», если так можно выразиться, боевой путь «генерала двенадцатого года». Во время празднования 200-летнего юбилея победы над Наполеоном судьбы героев 1812 года привлекли внимание краеведов Смоленской и Ивановской областей; к 200-летию юбилею и генерал А. И. Балла, и Е. И. Властов стали «забытыми героями», их могилы были утрачены, кладбища, где они похоронены, разорены. Усилиями краеведов и энтузиастов память о героях войны возрождается в пределах двух областей.

Могила Е. И. Властова у алтаря храма Св. Георгия Победоносца.
Материалы портала «ИВАНОВОЛIVE»

Е. В. МИШАНИНА

«Оренбургская» версия рождения Н. М. Карамзина в архивных источниках

В середине XIX в. историк П. П. Пекарский точно заметил, что «...при решении большей части вопросов, возникающих на каждом шагу при описании детства и юности Карамзина, были вовсе устранены те требования исторической критики, без которых неудобомыслимо точное разъяснение не только крупных, но и мелких событий. От этого составила́сь масса показаний, между собой противоречащих, так как все они не подкрепляются никакими положительными данными, но основаны на голословных известиях и более или менее остроумных догадках»¹. Эти слова относятся к дискуссии о месте рождения, которая началась в 1845 г. и достаточно хорошо известна.

Суть ее в том, что Н. М. Карамзин в автобиографии указал местом рождения Симбирскую губернию, но большинство родственников и соседей считали им Оренбургскую губернию. Подводя итоги затянувшегося спора, в 1857 г. М. А. Дмитриев писал: «Некоторые полагали, что он родился в Оренбургской губернии, но это решительно неверно. Оренбургская деревня, которую считали местом рождения Карамзина, именуется Преображенское, она же и Михайловка, тогда еще не была заселена; тут была в 1765 году степь...»². Так ли верно его утверждение? На карте Ставропольского ведомства Оренбургской губернии в атласе, составленном И. Красильниковым в 1755 г. (но опубликованном лишь в конце XIX в.³) показана деревня

Карамзина⁴ в 50 верстах к северо-северо-востоку от Бузулукской крепости и ряд других селений вокруг⁵. В марте 1753 г. отец Н. М. Карамзина — Михаил Егорович и его сослуживцы — соседи В. А. Ляхов, Ф. М. Стригин, И. Д. Путилов, И. П. Толстой обратились с почтенным доношением в Оренбургскую духовную консисторию о разрешении построить им одну церковь на несколько селений в своих новопоселенных деревнях, которые расположены «против Бузулукской крепости на реке Кундузле». В этом документе М. Карамзин указал, что поселил свою деревню в количестве пятнадцати дворов⁶.

Следовательно, к 1765 г. та часть Оренбургской губернии, где находилось имение М. Е. Карамзина, являлось достаточно обжитым районом, и имение родителей существовало за 13 лет до рождения их сына Николая. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что М. А. Дмитриев ошибался.

Многочисленные попытки исследователей выявить метрические записи о рождении детей в семье М. Е. Карамзина не увенчались успехом. Данные документы (ранее 1780-х гг.) на рассматриваемой территории сохранились в архивах в считанных единицах⁷. Это связано как с пугачевскими событиями, так и с особенностями ведения

⁴ Первоначально имение М. Е. Карамзина называлось д. Карамзино, Карамзина, Карамзиха, Михайловка, после возведения церкви — с. Карамзино (Преображенское). При заселении относилось к Новой Московской дороге, затем к Ставропольскому ведомству Оренбургской губернии, после образования уездов с 1782 г. — к Бузулукскому уезду Оренбургской области Уфимского наместничества, с 1797 г. — к Бузулукскому уезду Оренбургской губернии, а с 1851 г. — к Бузулукскому уезду Самарской губернии. Современное название: с. Преображенка Бузулукского района Оренбургской области (далее — с. Преображенка).

⁵ Топография Оренбургская П. И. Рычкова: в 2 т. / под ред. чл.-корр. РАН А. А. Чибилёва. Оренбург, 2010. Т. II. Карта № 3.

⁶ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области (далее — ГБУ ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 1404. Л. 1.

⁷ Самые ранние метрические книги сохранились в: ГБУ «ГАОО». Ф. 173 (Оренбургская духовная консистория за 1761 г.); Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее — ГБУСО ЦГАСО). Ф. 32 (Самарская духовная консистория за 1780 г.); Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области» (далее — ОГБУ ГАУО). Ф. 134 (Симбирская духовная консистория за 1839 г.); Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее — ЦГИАРБ). Ф. И-294 (Уфимская духовная консистория за 1810 г.).

¹ Пекарский П. П. Старинное известие об имении Карамзиных; село Михайловка — Преображенское // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / По поручению отделения русского языка и словесности Императорской академии наук издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский. СПб., 1866. С. 453–454.

² Там же С. 453.

³ Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и Топографии Рычкова 1755 г. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1880.

и хранения метрических книг, также и с пожарами, не пощадившими архивы. С проблемой утраты документов о своем рождении Николай Михайлович Карамзин сталкивался на протяжении жизни. В связи с этим нет также достоверных данных о годе его рождения. По свидетельству М. П. Погодина, Н. М. Карамзин произвольно менял эту дату. Сначала он указывал 1765 г., затем 1766 г.⁸, а местом рождения называл Симбирскую губернию⁹, хотя как отдельная административно-территориальная единица она возникла лишь в 1796 г., т. е. через 30 лет после его рождения. При отсутствии документов, у историографа имелись, видимо, неизвестные нам мотивы для таких утверждений.

Существует важный документ, проливающий свет на место рождения Н. М. Карамзина. Он находится на хранении в Государственном архиве Самарской области в фонде Самарского дворянского депутатского собрания в деле «О внесении рода Карамзиных в родословную дворянскую книгу Оренбургской губернии»¹⁰. Приводим текст этого юридического документа. «1808 года февраля 18 дня мы нижеподписавшиеся даем сие отставному господину капитану Федору Михайлову сыну Карамзину, в том, что подаватель 1799 года октября 28 числа в вотчинной Департамент прозбы: о выдаче ему из архива справ на жалованные предкам его земли копий для предъявления к доказательству о дворянстве поручика (что ныне надворной Советник Николай Михайлов сын Карамзин, действительно ему Федору родной брат, да и по представленной при той прозбе родословной оба они показаны происходящими от Михайлы Егорова сына Карамзина. В чем и свидетельствуем коллежский асессор Александр Кушников, коллежский асессор князь Федор Мустафин, коллежский асессор Иван Булгаков, надворный советник Иван Глазов, коллежский советник Григорий Павлов Богинский»¹¹.

Коротко рассмотрим состав свидетелей, фигурирующих в данном документе.

1. Коллежский асессор Александр Сергеевич Кушников, род. ок. 1772 г. — владелец д. Березовки (Кудрявцево) Бузулукского

уезда¹² (современное с. Березовка Бузулукского района), находящейся в 15 км к юго-западу от с. Преображенки, а также д. Горки (Кушниково) Бузулукского уезда (в 11,5 км к востоку-северо-востоку от с. Преображенки). А. С. Кушников сын родной сестры Н. М. Карамзина Екатерины Михайловны Кушниковой¹³, в 1805–1808 гг. прокурор Оренбургской межевой конторы¹⁴.

2. Князь Федор Васильевич Мустафин — в 1821 г. служил оренбургским обер-форстмейстером (главным лесничим) в г. Уфе. Его жена — Дарья Федоровна Шишкова владела д. Шишковой, Зимненками и частью с. Языково (Богородское) Бузулукского уезда¹⁵. Шишковка (современное с. Александровка Бузулукского района — в 6,5 км к западу от с. Преображенки), Зимненки (ныне исчезнувшее село Бузулукского района).

3. Коллежский асессор Иван Николаевич Булгаков — с 10.06.1766 г. записан в службу в Преображенский полк, судья Оренбургского совестного суда с 1788 г., помещик с. Богородского Бузулукского уезда¹⁶ (современное село Булгаково Бузулукского района — имения в 10 км к северо-северо-западу от с. Преображенки). В 1808 г. судья Оренбургского совестного суда.

4. Надворный советник Иван Андреевич Глазов — вступил в службу в 1773 г. солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, с 1804 г. советник Оренбургской уголовной палаты¹⁷, в 1808 г. председатель Оренбургского уголовного суда¹⁸.

5. Коллежский советник Григорий Павлович Богинский, 1760 г. р. — Оренбургский губернский прокурор с 1792 г.¹⁹ В этой же должности находился в 1808 г.²⁰

Анализируя состав свидетелей, выясняется, что почти все они старше братьев по возрасту, знали родителей и их лично, проживали

¹² *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки. СПб.: Тип. Глав. упр. Уделов, 1913. С. 107.

¹³ ГБУ ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 23. Л. 493; Ф. 68. Оп. 1. Д. 179. Л. 29.

¹⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1808. СПб.: Имп. Академия наук, 1808. Ч. 1. С. 458.

¹⁵ *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки. С. 107, 108, 178.

¹⁶ Там же. С. 128; ГБУ «ГАОО». Ф. 6. Оп. 3. Д. 2631. Л. 1–2.

¹⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 6. Оп. 3. Д. 2904. Л. 4–5 об.

¹⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ... Ч. 2. С. 309.

¹⁹ ГБУ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2631. Л. 2.

²⁰ Месяцеслов с росписью чиновных особ... Ч. 2. С. 308.

⁸ *Пекарский П.* О годе рождения Карамзина // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 459.

⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Л. 1. Д. 5194; Ф. 248. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁰ ГБУСО ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 314.

¹¹ ГБУСО ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 314. Л. 32.

по соседству на территории Бузулукского уезда Оренбургской губернии. Все свидетели являются оренбургскими, а не симбирскими помещиками и чиновниками. К тому же они занимали высокие должности в губернской иерархии и руководили судебными и прокурорскими учреждениями. Подобные свидетельства составлялись лишь в том случае, если иных доказательств родства не сохранилось. Содержание документа позволяет также сделать однозначный вывод о том, что метрических записей о рождении братьев Карамзиных на 1808 г. не имелось.

Документ подписали прокурор, судьи, родственники, соседи из Оренбургской, а не Симбирской губернии; он частично опубликован одним из ведущих исследователей родословных в Российской империи А. А. Сиверсом и назван им «особым свидетельством дворян»²¹, которое значительно аргументирует «оренбургскую» версию места рождения Н. М. Карамзина.

Кто, как не родственники и соседи могли подтвердить при отсутствии документов факт родства и место рождения? Подобная практика существует в современном судопроизводстве и в настоящее время.

Заслуга академиков П. П. Пекарского и М. П. Погодина заключается в том, что они выявили ряд биографических документов в столичных архивах (но не работали в губернских) и успели опросить еще живых близких родственников историографа.

Наталья Ивановна Дмитриева, родная сестра И. И. Дмитриева, написала Пекарскому о том, что «Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии в с. Михайловке Преображенское тож. В Карамзинке родился один меньшей его брат, сын моей тетки, Александр, а от первой жены все дети родились в Оренбургской губернии»²². В качестве довода она привела слова своего отца Ивана Гавриловича Дмитриева: «Отец мой всегда смеялся, говоря своему племяннику; братья твои родились в Оренбургской губернии кругом башкир, и ни один не похож на башкира, а особенно Николай (у которого белизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черен как азиатец»²³. Ее родная тетька Евдокия (Авдотья) Гавриловна Дмитриева (в замужестве Карамзина) приходилась мачехой историографу.

²¹ Сиверс А. А. Генеалогические разведки. С. 138.

²² Пекарский П. П. Старинное известие об имени Карамзиных; село Михайловка — Преображенское. С. 451, 452.

²³ Там же. С. 451.

В 1852 г. краевед К. Г. Ивлентьев из г. Бузулука Самарской губернии привел свидетельство престарелой бузулукской помещицы Карауловой «...не так давно скончавшейся в преклонных летах, которая кротко знала всю фамилию Карамзиных. По ее сказанию, Михаила Егорович Карамзин ездил в Михайловку из своей Симбирской деревни хозяйничать и охотиться. В один из таких приездов супруга его разрешилась историографом, который увезен отсюда младенцем в симбирское имение»²⁴.

Н. М. Языков сообщил, что Карамзин «...по сказанию его брата, еще здравствующего Александра Михайловича родился в Оренбургской губернии в Бузулукском уезде»²⁵. А. М. Языков — один из первых оренбургских помещиков, основавший в 1749 г. селение Языково (Богородское)²⁶.

Об Оренбургской губернии и воспоминаниях, связанных с жизнью в Карамзине (Михайловке), Николай Михайлович писал в письме брату Василию: «Хотя темно, однако ж помню тамошние места; помню как мы с вами возвращались оттуда в начале зимы»; и из этой поездки Карамзину запомнились «заволжские вьюги и метели»²⁷. Вероятнее всего речь в письме идет о зиме 1769 г.

Не только рождение и воспоминания детства связывали историографа с Оренбургской губернией. В с. Преображенке жил и похоронен родной брат Федор²⁸, в этом же селе погребена родная сестра Екатерина Михайловна Кушникова²⁹. Оренбургским именем Н. М. Карамзина стала д. Ключевка Бугурусланской округи, которая досталась ему в 1782 г. после раздела наследства между детьми М. Е. Карамзина, а в 1795 г. закреплена между наследниками по полюбовной записи³⁰. В 1813 г. «ближе к лету» Н. М. Карамзин приезжал в Оренбургскую губернию. Пленный француз Е. Рюппель, живший в усадьбе Племянниково (Покровское) Бузулукского уезда, в своих мемуарах упоминал о приезде в гости Карамзина, известного

²⁴ Там же. С. 453.

²⁵ Там же. С. 452.

²⁶ Смирнов Ю. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–30-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 169.

²⁷ Долгова С. Р. Родина и род Н. М. Карамзина (по документам РГАДА) // Карамзинский сборник. Вып. 3. Остафьево, 2014. С. 55.

²⁸ ГБУ ГАОО Ф. 173. Оп.15. Д. 195. Л. 9.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 92. Л. 20.

³⁰ Сиверс А. А. Генеалогические разведки. С. 144.

историка и беллетриста, с которым ему посчастливилось познакомиться³¹. Младший брат Александр поселился в имении Полибино (Покровское) Бугурусланского уезда, владельцем с. Красная Слободка Бузулукского уезда стал старший брат Василий, их потомки были владельцами родовых имений до 1917 г. Выдающимся представителем оренбургских Карамзиных стал Александр Николаевич Карамзин (1850–1927) — крупный ученый, общественный и государственный деятель, правнучатый племянник Н. Карамзина. В 1894 г. он избран Бугурусланским уездным предводителем дворянства³². В этой должности прослужил до 1905 г. (избирался на три срока). 9 марта 1907 г. на экстремальном Самарском губернском земском собрании избран членом преобразованного Государственного совета России³³, написал монографии о климате, флоре и фауне Южного Предуралья³⁴.

На северо-западе Оренбургской области до настоящего времени находятся свыше десяти дворянских усадеб, связанных с именем Карамзиных.

Таким образом, официальные архивные документы, выявленные в ходе проведенного исследования, а также свидетельства современников не подтверждают слова Н. М. Карамзина о его месте рождения в Симбирской губернии. «Оренбургской» версии придерживаются ведущие российские исследователи — биографы и краеведы³⁵.

О. В. РАЧКОВСКАЯ

**Н. М. Карамзин — путешественник.
Швейцарский маршрут автора книги
«Письма русского путешественника»
спустя два столетия**

15 апреля 1789 г. столица узнала из «Московских ведомостей» о том, что Николай Карамзин отъезжает за границу. Двадцати двухлетний русский путешественник собрался в Европу. Его путешествие длилось 18 месяцев. За это время он посетил Германию, Швейцарию, революционную Францию, Англию и благополучно вернулся домой. Литературным результатом этого путешествия стала книга «Письма русского путешественника», открывшая для русских читателей Европу и ставшая «Энциклопедией европейской жизни». Книга была опубликована в 1791 г. сначала в «Московском журнале», затем отдельными изданиями в течение двух с лишним веков.

Ради осуществления заветной мечты Карамзин продает братьям свою долю наследства, доставшуюся ему после смерти отца (1783 г.), и вкладывает полученные деньги в путешествие по Европе! Он отправляется в одиночку, как говорили в XVIII в., вольным вояжером, т. е. как частное лицо на собственные деньги. Смелостью и отвагой молодого Москвитянина, как называл его Лафатер, останаеся только восхищаться. 7 месяцев он провел в Швейцарии, с 7 августа 1789 г. по 1 марта 1790 г. Длительность пребывания в этой стране и восторженные швейцарские страницы «Писем...» свидетельствуют о том, что альпийская страна произвела на него сильное впечатление. Читатели учились у Карамзина искусству путешествий, а он подарил им идею подготовки к путешествию, т. е. создание путешествия до того, как оно свершилось.

Н. М. Карамзин был первым русским путешественником, осознанно построившим маршрут поездки и план знакомства со страной. Этот грандиозный план требовал от него серьезной подготовки. Что служило источником знаний для будущего путешественника? Главным источником были, конечно, книги по истории и географии, а также путеводители. В 1761 г. в России была опубликована книга, которую считают первым путеводителем по Европе на русском

³¹ Хомченко С. Н. Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона // Уральский исторический вестник. 2012. № 1 (34). С. 56.

³² ГБУСО ЦГАСО. Ф. 430. Оп. I. Д. 2050. Л. 5.

³³ Там же. Л. 23–24 об.

³⁴ См.: Карамзин А. Н. Климат Бугурусланского уезда Самарской губернии. Самара, 1912; Карамзин А. Н. Лесоразведение в селе Полибине Бугурусланского уезда Самарской губернии. СПб., 1913; Карамзин А. Н. Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебеевского уезда Уфимской губернии // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол. М., 1901. Вып. 5. С. 203–394.

³⁵ См.: Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения : сб. ист.-лит. статей / сост. В. И. Покровский. М., 1912; Долгова С. Р. Родина и род Н. М. Карамзина... С. 48–61; Муравьев В. Б. Карамзин. М., 2014. (Жизнь замечательных людей); Колычев С. В. Где родился Карамзин? // Гостиный двор. № 40. С. 284–294.

языке — «Достопамятное в Европе, т. е. описание всего, что для любопытного смотрения света. Так же за нужду или по случаю путешествующему, в знатнейших местах Европы знать и видеть надлежит от ректора Ульмского Университета Рудольфа Рота». В ней описываются европейские города, в том числе 18 швейцарских городов и деревень. В 1787 г. в Цюрихе вышел «Путеводитель по Швейцарии для иностранного путешественника» Генриха Хайдегера на немецком языке, один из первых путеводителей по Швейцарии и Альпам с советами по подготовке к путешествию, с описанием городов и таблицей расстояний между ними, с раскрашенной вручную картой. В «Письмах...» Карамзин упоминает автора путеводителя Уильяма Кокса и его книгу «Путешественники в Швейцарии» на английском языке, которая вышла в свет в 1789 г. Н. М. Карамзин был в курсе всех книжных новинок и прочел горы книг перед путешествием. Образ альпийской страны ему помогли сформировать и литературные произведения швейцарских авторов Соломона Геснера и Альбрехта фон Галлера (его поэма «Альпы»), и популярный в то время роман Жан-Жака Руссо «Юлия или Новая Элоиза», действие которого разворачиваются в прекрасной Швейцарии, а также произведения изобразительного искусства, публикации в столичных журналах, воспоминания очевидцев. Друзья тоже участвовали в создании программы путешествия. В период подготовки к путешествию Карамзин уже познакомился со Швейцарией и полюбил ее всей душой. «Какие места! Какие места! <...> Я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна, и готов был в восторге целовать землю»¹, — признавался автор «Писем...».

Швейцарский маршрут Карамзина можно разделить на 7 частей: «Базель и его окрестности», «Вокруг Цюриха», «Вокруг Берна», «Путешествие в Альпы», «Лозанна и побережье Женевского озера», «На Бильском и Невшатальском озерах» и «Вокруг Женевы». Он выбрал принцип остановок в больших городах — в Базеле, Цюрихе, Берне, Лозанне и Женеве, совершая из них путешествия по стране. Швейцарский диапазон его интеллектуальных интересов был достаточно разнообразен, его интересовало все: государственное устройство и быт местных жителей, исторические достопримечательности и произведения искусства, памятники культуры и театры, музейные собрания и сиротские дома, госпитали и природные объекты.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 102.

Особое внимание Карамзин уделил посещению тех мест, где жили и творили великие люди, известные своими талантами и деяниями. На острове Святого Петра в Бильском озере он приходит в монастырь XII в., в небольшую комнату, где нашел убежище Жан-Жак Руссо и провел там два месяца в 1765 г. Эмоциональные движения души приводят Карамзина в замок *Вольтера в Фернее, в дом, где жил Парацельс* в 1526–1527 гг. (Totengasslein, 3). В Кафедральном соборе Базеля путешественник поклонился праху нидерландского гуманиста Э. Роттердамского. В саду «Эрмитаж» в Арлесхайме, у грота Геснера, и на берегу реки Лиммат в Цюрихе, где будет возведен *монумент Геснеру*, Карамзин с грустью вспоминает швейцарского поэта и живописца *Соломона Геснера*, недавно ушедшего из жизни (1788 г.). Молодому Карамзину хотелось ощутить дух этих людей, впитать в себя атмосферу их жилищ, увидеть собственными глазами те пейзажи, на которые они смотрели. Тяга к установлению такой психологической близости с ушедшими, но духовно значимыми для него людьми может показаться странной, если не учесть его печальный детский опыт потерь. Его мама, Е. П. Пазухина, умерла, когда мальчику было около трех лет. Сиротство скрашивало обладание материнским сокровищем — библиотекой, которую она оставила сыну. Самостоятельное освоение этого культурного наследия в детстве создало основу его фундаментальной образованности. Отец, М. Е. Карамзин, умер, когда Николаю было 17 лет. В этом кроется причина его тяги к печальным сюжетам. Она продолжает звучать и в посещениях мест, связанных с ранним уходом из жизни женщин. Карамзин поведал читателям трогательную историю о *монументе прекрасной жене* в Реформатской церкви деревни *Гиндельбанк* (Kirchweg, 3). Этот монумент создал скульптор Йохан Август Налъ в память о Марии Магдалене Ланганс, жене проповедника, умершей в возрасте 28 лет во время родов в 1751 г. Монумент находится в полу церкви и представляет мать, воскресающую вместе с младенцем. В 1911 г. пожар в церкви уничтожил все, а монумент не пострадал. В *Лозанне* в Кафедральной церкви, он посетил *надгробие Екатерины Николаевны Орловой*, скончавшейся в 22-летнем возрасте.

Как заметил Ю. М. Лотман, «Карамзин отправился в путешествие, чтобы заглянуть в лицо европейской культуры»². В его планы

² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 61–62.

входили встречи с прославленными швейцарскими просветителями того времени. Конечно, Карамзин тщательно подготовился к этим визитам: прочел их сочинения, подготовил вопросы и запаса рекомендательными письмами. В Цюрихе он спешил в дом знаменитого физиогномиста *Лафатера* (St. Peterhofstatt, 6), который жил здесь с 1784 г. до самой смерти в 1801 г. В этом доме ему всегда рады. В *Лозанне* Карамзин не раз посещал дом натуралиста *Левада*, имея к нему рекомендательное письмо. Дом, построенный в 1782 г., находится рядом с Кафедральным собором (Escaliers du Marche, 29). Очаровал Карамзина и великий *Шарль Бонне*. К нему он ходил пешком из Женевы четыре раза. Тот жил в деревне *Жанту* (Rue de Village, 18). Поразительно то, что Карамзин не просто был принят великими просветителями — они находили для него время, общались с ним как с равным, восхищались его широкой осведомленностью, образованностью, умом, воспитанностью, знанием европейских языков (немецкий, французский, итальянский и английский), писали для него рекомендательные письма. Молодой Карамзин стал для них достойным представителем России, настоящим героем своего времени.

Автор «Писем...» блестяще влетает в текст своей книги экскурсы в историю Швейцарии с интересными фактическими сведениями. Ему открыты двери во все эпохи, перелистывая страницы истории страны, он увлекает читателя за собой, рассказывая о кровавой битве между французами и швейцарцами 26 августа 1444 г. в *местечке Святого Якова*; о *Святом Беатусе*, который жил в пещере на берегу Тунского озера в VI в.; о *римском Авентикуме* и развалинах *замка Уншпунен*, построенного в XII в. графом фон Ротенфлю, о *замке в Шпице* (XV–XVI вв.) и о *замке Габсбургов* (XI в.). Вместе с русским путешественником читатель ступает в *Шильонский замок* графов Савойских.

В планах Карамзина были и встречи с памятниками культуры и с произведениями искусства. В *Базеле* он обратил внимание на роскошные *дома-соседи братьев Лукаса и Якоба Саразини* (Rheinsprung, 16–18), построенные архитектором Самуэлем Веренфельсом в 1763–1775 гг. В *Ратуше* (XVI в.), в зале Государственного совета Карамзин любовался фресками Гольбейна (сегодня их нет в Ратуше). А вот дом с именем «У комара» стоит на улице Schlüsselberg, 14. Здесь находились с 1671 по 1859 г. *университетская Библиотека и первый общественный музей*, где Карамзин восхищался картинами Гольбейна. Он успел увидеть и знаменитую фреску

Гольбейна «*Танец мертвых*» в *Базеле*, которую разрушили в 1805 г., побывать в *доме г-на Феша* (Petersplatz, 14), чтобы познакомиться с его коллекцией «*Кабинет Феша*» — одной из лучших в Европе. Сегодня это собрание, к сожалению, разделили между несколькими музеями города.

Ему важны были собственные зрительные впечатления. Не осталась без внимания и природа от альпийских ландшафтов до уникальных явлений — знаменитых вершин, пещер, водопадов и ледников. Активный и чувственный наблюдатель увидел самые красивые картины природы Швейцарии. На встречу со знаменитыми вершинами *Юнгфрау* (4158 м), *Монх* (4107 м), *Эйгер* (3970 м), *Веттерхорн* (3701 м) и *Шрекхорн* (4078 м) Карамзин отправился с проводником. Альпы произвели на него неизгладимое впечатление, и он почувствовал себя «гражданином Вселенной». В *долине 72-х водопадов Лаутербрюннен* он созерцал *Штаубах* и *Трюмельбах*, увидел *Рейнский водопад* и *Райхенбах*. *Ледники Гриндельвальда*, *Нижний* и *Верхний*, и *Розенлауи* потрясли его воображение не меньше, чем Альпы. Н. М. Карамзин предстает в путешествии по Швейцарии, как талантливый, любознательный, увлеченный, открытый для новых встреч и впечатлений путешественник.

Цель моей работы состояла в том, чтобы через 200 лет пройти от начала до конца по швейцарскому маршруту Карамзина и сделать его подробную фотолетопись — современную «визуальную реконструкцию» того, что Карамзин видел и описал в «Письмах...». А также:

- 1) выяснить степень сохранности историко-культурных мест, архитектурных строений, природных объектов, о которых писал Карамзин;
- 2) уточнить современные адреса объектов на данном маршруте;
- 3) сделать культурно-исторические разыскания в Швейцарии с целью сбора дополнительного материала об объектах;
- 4) проверить фактическую точность «Писем...» и установить неточности, случайные ошибки, допущенные автором «Писем русского путешественника»;
- 5) сделать возможным для современного путешественника построение туристического маршрута по маршруту Карамзина.

Следуя заветам Карамзина, я тщательно готовилась к своему путешествию, перечитывала не раз «Письма...», составляла подробный маршрут, выясняя, что сохранилось из тех мест и объектов, а что нет,

искала дополнительную информацию в Швейцарии. Этим проектом я занимаюсь 12 лет, за этот период побывала в Швейцарии девять раз и в целом собирала там материал в течение 6 месяцев. С томиком «Писем...» я прошла по следам Карамзина, «слыша» его шаги и дыхание, увидела, как выглядят карамзинские места сегодня. Они сразу узнаваемы, потому что исключительно точно им описаны. Оказалось, что и в XXI в. Швейцарию можно увидеть глазами Карамзина. Поставленные задачи мною были выполнены. *Результаты работы* состоят в следующем:

- 1) Выяснилось, что степень сохранности как ландшафтов, так и историко-культурных и природных объектов очень хорошая. Отсутствие разрушительных войн на территории Швейцарии сохранило карамзинские места. Этому способствует и бережное отношение населения и представителей власти к историческому и природному наследию страны, а также наличие продуманного законодательства, которое всеми соблюдается, и высокий уровень краеведческой работы в кантонах.
- 2) Создана полная фотолетопись швейцарского маршрута Карамзина. Мой фотоархив составляет 22 000 снимков.
- 3) Сделан перечень карамзинских мест в Швейцарии (156 мест и объектов) и перечень карамзинских мест, которые нельзя увидеть сегодня (12).
- 4) Собрана адресная информация и дополнительная информация об объектах швейцарского маршрута Карамзина, а также об известных людях, с которыми он встречался.
- 5) Выявлены информационные неточности в тексте Карамзина и найдена достоверная информация о местонахождении и дальнейшей судьбе фрески Гольбейна «Танец мертвых» в Базеле. Она находилась в церкви Предигекирхе, а не в церкви Святого Петра, как написал Карамзин. Уточнен номер дома, в котором Карамзин останавливался в Женеве (Grand rue, 14).
- 6) На основе собранных материалов в лектории Русского географического общества в Санкт-Петербурге мною прочитан цикл лекций «В поисках Карамзина. Путешествие по следам автора книги «Письма русского путешественника»» в 2014–2015 гг.

Альпийские вершины Юнгфрау Монх и Эйгер

Шильонский замок на Женевском озере

Монумент Прекрасной жене в Гиндельбанке

Дом Лафатера в Цюрихе

Г. В. РОМАНОВА

Общественные инициативы Симбирской губернской ученой архивной комиссии по увековечиванию имени Н. М. Карамзина

В конце XIX — начале XX в. исторические и культурные традиции, связанные с мемориальной практикой увековечивания памяти Н. М. Карамзина в Симбирском крае, продолжила Симбирская губернская ученая архивная комиссия (СГУАК, Комиссия), образованная 30 июля 1895 г.¹

Из документов СГУАК за 1895–1920 гг., отложившихся в фондах Государственного архива Ульяновской области, видно, что на ее заседаниях регулярно поднимались вопросы выявления, сохранения и собирания всего, что относится «к памяти известных симбирских уроженцев и Карамзина в особенности»².

С начала своего существования Комиссия совместно с комитетом Карамзинской общественной библиотеки старалась ежегодно 1 декабря проводить торжественные заседания, публичные чтения в память о «великом симбирском уроженце».

Развивая данную традицию, 4 января 1897 г. на заседании Комиссии с участием ее неперменного попечителя губернатора В. Н. Акинфова, было решено ходатайствовать о присвоении историко-археологическому музею СГУАК наименования «Карамзинского» «в память знаменитого историографа Российского государства Н. М. Карамзина, уроженца Симбирской губернии»³.

В 1898 г. научно-просветительская работа Комиссии была связана с организацией празднования 250-летнего юбилея города Симбирска, дату основания которого документально установил сотрудник СГУАК, член Симбирского окружного суда П. Л. Мартынов. Предложенная Комиссией Программа юбилейных торжеств, намеченных на октябрь 1898 г., включала ряд мероприятий «по увековечиванию памяти Н. М. Карамзина»⁴.

¹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 732. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.

² ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 28, 29, 43–46, 61–64, 77–80, 87, 88, 94, 96, 159.

³ Журнал IX заседания СГУАК. 4 января 1897 г. Симбирск, 1897. С. 4.

⁴ ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

4 октября 1898 г. в доме городского общества на Карамзинской площади состоялось юбилейное заседание симбирской городской думы, на котором после обсуждения доклада городской управы «об увековечивании памяти писателей — симбирских уроженцев», по представлению местной архивной комиссии», дума постановила присвоить 4-му городскому мужскому училищу наименование «Карамзинского»⁵.

С 5 по 23 октября 1898 г. в залах Симбирского дворянского собрания Комиссией была организована юбилейная историческая выставка, «наглядно иллюстрирующая выдающиеся события симбирской исторической и общественной жизни и ее представителей»⁶. По констатации современника А. М. Матвеева, «из вещей, относящихся до жизни Карамзина», на ней были представлены: портрет историографа, подлинные письма, автограф, «сделанный за несколько дней до кончины», черновой лист к XII тому «Истории государства Российского»: «Царствование В. И. Шуйского. 1606–1610 гг.», письменный прибор «на высоком пьедестале для работы за конторкою», фотографии и гравюры с видами «карамзинских уголков» Симбирска, Москвы, Царского села⁷.

5 октября 1898 г. на торжественном заседании СГУАК был заслушан доклад ее почетного члена, профессора Императорского Казанского университета Д. А. Корсакова «Памяти трех симбирцев — бытописателей земли русской: Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева и Д. И. Валуева», в котором перечислялись выдающиеся заслуги «незабвенного историка на поприще русской исторической науки»⁸.

Летом 1903 г. председатель СГУАК археолог В. Н. Поливанов совершил исследовательскую поездку в бывшее родовое имение Карамзиных в с. Знаменское (с 1827 г.с. Карамзино, Карамзинка) Симбирского уезда, где в 1704 г. дед Н. М. Карамзина «симбиренин Егор Петрович Карамзин основал на пожалованной ему земле родовую вотчину историографа»⁹.

⁵ ГАУО. Ф. 137. Оп. 37. Д. 118. Л. 38.

⁶ ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

⁷ Матвеев А. М. Историческая юбилейная выставка в память 250-летия основания г. Симбирска. Симбирск, 1898. С. 21–22.

⁸ ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 37. Л. 15 об.

⁹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде. Симбирск, 1904. С. 98.

После проведенного обследования В. Н. Поливанов составил описание усадьбы и семейного склепа с двумя памятниками из темного гранита — места захоронения старшего брата и племянницы историка — В. М. Карамзина и О. В. Ниротморцевой.

Итоги поездки Поливанова нашли отражение 7 июля 1903 г. на заседании Комиссии в докладе «К воспоминаниям о Н. М. Карамзине». В завершении выступления он предложил «соорудить в родовом гнезде Карамзиных образцовую школу имени Н. М. Карамзина». Комиссия единодушно постановила ходатайствовать перед губернским земством о разрешении сбора пожертвований на устройство образцовой народной школы «в память симбирских сограждан о славном Карамзине»¹⁰.

После революционных потрясений в 1908 г. Симбирская губернская земская управа, не смотря на сложности бюджета, изыскала средства и выкупила бывшую усадьбу Карамзиных, «закрывающую в себе 14 дес. 1900 кв. саж. с господским домом, надворными постройками, садом и огородом у ее нынешней владелицы М. И. Аничковой» за 5 тыс. руб. для учреждения школы в память Н. М. Карамзина¹¹.

К реализации идеи приступили немедленно. До открытия нового здания образцовой школы губернская земская управа арендовала у крестьянина с. Карамзинки Филипова квартиру для Карамзинского однокомплектного сельского училища¹².

Однако по мере развития событий планы изменялись, так как жизнь требовала все возрастающего количества грамотных подданных: вместо рядового учебного заведения вскоре решили открыть учреждение для подготовки народных учителей. 12 декабря 1909 г. губернское земское собрание по представлению директора народных училищ Симбирской губернии постановило предоставить усадьбу при селе Карамзинке Министерству народного просвещения для «открытия там мужской учительской семинарии имени Н. М. Карамзина»¹³.

17 февраля 1910 г. попечитель Казанского учебного округа А. П. Деревицкий ходатайствовал перед Министерством народного просвещения «о разрешении учредить учительскую семинарию в селе Карамзинке Симбирского уезда и об отпуске из казны средств как

¹⁰ Отчет о деятельности СГУАК за 1903 г. Симбирск, 1904. С. 30–33.

¹¹ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 426. Л. 5.

¹² ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

¹³ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 436. Л. 84.

на ее содержание, так и на устройство зданий». При этом были представлены чертежи земельного участка и эскизы будущих зданий¹⁴.

4 августа 1913 г. Министерство народного просвещения направило попечителю Казанского учебного округа копию журнала заседания строительного комитета Министерства «По делу о постройке Карамзинской учительской семинарии» от 29 мая за № 510, из которого видно, что эскизные планы будущих построек были отклонены, «вследствие целого ряда недостатков»¹⁵.

23 октября 1913 г. Симбирская губернская земская управа поручила своему архитектору переработать эскизные планы зданий «сообразно указаниям Министерства»¹⁶. Страна стояла на пороге введения всеобщего обязательного начального образования, которое должно было быть введено по решению Государственной думы в начале 20-х гг. XX в.¹⁷

Необходимо отметить, что не все «карамзинские» проекты, инициированные Комиссией, были реализованы под именем Н. М. Карамзина. В 1910 г. действительный член СГУАК мануфактур — советник Н. Я. Шатров решил пожертвовать 10 тыс руб. на строительство музея Комиссии «с тем условием, чтобы музеем было присвоено имя того русского историка, которого Симбирск с гордостью считает своим уроженцем, — Н. М. Карамзина». Было решено построить художественный историко-археологический музей с классами технического рисования в память Н. М. Карамзина. Проект был реализован, но с именем другого симбирского уроженца — писателя И. А. Гончарова, чей столетний юбилей приходился на 1912 г. С согласия Н. Я. Шатрова Комиссия присоединила его капитал к Гончаровскому фонду, на сооружение дома-памятника писателю, в котором планировалось разместить музей и исторический архив СГУАК¹⁸.

Деятельность сотрудников СГУАК, участвовавших в мемориальных мероприятиях увековечивания имени Н. М. Карамзина, распространялась не только на территорию Симбирской губернии, но и другие российские губернии. Так, в 1911 г. на открытие памятника в Остафьево Московской губернии Комиссия делегировала И. С. Бе-

ляева, который в произнесенной речи подчеркнул, что «в сильной разработке памятников местной истории симбирская архивная комиссия всегда воодушевлена примером незабвенного Николая Михайловича, памятуя широко расчищенный им исторический путь»¹⁹.

Наступившая с февраля 1917 г. новая революционная эпоха первоначально не способствовала «тихому историческому труду» членов СГУАК «в память увековечивания видных симбирских уроженцев». А после установления советской власти в губернии прямо противоречила этому: в «политическую моду» быстро входили новые кумиры.

Многие культурные и просветительские начинания Комиссии были преждевременно свернуты и оборваны. В частности, не удалось издать «Краткий словарь Симбирских деятелей и уроженцев, чем-либо выделившихся из общего уровня повседневной жизни», содержащий биографические справки о Карамзине, его сыновьях — Владимире и Александре и деде историографа — Е. П. Карамзине, связанных фактами биографии с Симбирским краем²⁰. Весной 1917 г. встала проблема охраны карамзинской усадьбы (земельного участка и построек) — собственности симбирского земства. 20 апреля 1917 г. губернская земская управа передала «окарауливание» усадьбы обществу крестьян с. Карамзинки²¹.

Становление господствующей марксистской идеологии, ее понимание исторического процесса и ряд других факторов были несовместимы с принципами организации и деятельности СГУАК как самостоятельной общественной организации, которая закономерно самоликвидировалась в начале 1920-х гг.²²

За четверть века подвижнической работы сотрудников и многочисленных сторонников Комиссии, ею был накоплен уникальный опыт по выявлению, приобретению, сохранению документальных источников, связанных с историей Симбирского края. В частности, СГУАК была проведена широкая работа по увековечиванию и популяризации имени выдающегося российского ученого Н. М. Карамзина, «убежденного патриота и идеально-честного человека», к сожалению, по не зависящим от нее причинам, не доведенная до логического финала.

¹⁴ ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 148. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁶ ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 148. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 34. Л. 3–3 об.

¹⁸ Отчет о деятельности СГУАК за 1911 г. Симбирск, 1912. С. 23, 39.

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ ГАУО. Ф. 853. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

²¹ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 972. Л. 4.

²² ГАУО. Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

Л. А. САПЧЕНКО

**«Петербургская пятидесятиница»:
материалы к хронике жизни и творчества
Н. М. Карамзина в фондах РГИА и НИОР РГБ***

В фондах РГИА и НИОР РГБ хранится немало документов, позволяющих дополнить важными и интересными деталями хронику петербургского периода (1816–1826) жизни и творчества Н. М. Карамзина.

В последних числах января 1816 г. Карамзин вместе с князем П. А. Вяземским отправился из Москвы в Северную столицу, чтобы представить государю подготовленные к печати 8 томов российской истории. 2 февраля 1816 г. в 6 часов вечера Карамзин и Вяземский прибыли в Петербург. Двор был занят всевозможными празднествами, что заставило историографа сожалеть о неотвратимой потере времени.

Подробный отчет о своих днях Карамзин давал в письмах к жене. 11 февраля он сообщает супруге: «Вот уже более недели, как я здесь, и все езжу с визитами. От Государя ни слова»¹. Советы «добрых людей» продать историю «тысяч за сто» частному лицу, если не увидится с государем или казна не выдаст денег, он считает сомнительными в отношении к чести историографа.

Томительное ожидание приема у императора было скрашено для Карамзина оживленным вниманием старых друзей и новых знакомых. В фондах РГИА сохранились передающие эту атмосферу записки и письма петербуржцев с приглашениями историографа на обеды, литературные вечера, чтения и т.п. «Обед за обедом; зовут и на вечер, пишут обязательные записки: одним словом, купаюсь как сыр в масле», — пишет Карамзин жене 11 февраля².

На 12 февраля он зван к братьям Д. И. и А. И. Лобановым «почтить их семейную трапезу»³.

Д. В. Дашков, министр юстиции, член литературного общества «Арзамас», от имени А. Н. Салтыкова приглашает Карамзина на обед вместе с князем Вяземским и передает просьбу М. А. Салтыкова — «подарить его одним вечером»⁴.

Между тем Карамзину передают «именем Государя», что он «после праздников» (с 13 февраля — Масленая неделя) прийдет за ним, и всякое справедливое желание историографа без сомнения будет исполнено. Однако Карамзин опасается, что приближающийся пост может стать очередным препятствием для встречи с императором.

Равнодушие Александра I к приезду историографа, затянувшаяся невозможность аудиенции вплотную подвели Карамзина к тому, что он был готов прекратить свои исторические труды и возвратиться в Москву ни с чем. Это отразилось в его письмах к супруге. При их публикации в томе «Неизданных сочинений и переписки» (СПб., 1862) многие фрагменты были пропущены. Вряд ли их можно признать незначительными. Это слова любви и нежности, передающие тоску по милым, тревогу за них, ощущение бесполезности своего пребывания в Петербурге, неодолимое желание возвращения.

2 марта он пишет жене: «Друг бесценной! Милое письмо твое от 24 февраля сперва привело меня в беспокойство: мне показалось оно слишком мало, но содержание его успокоило меня совершенно, исполнило сердце мое благодарности к Богу. Вы здоровы: вот счастье! Суди о моем нетерпении по своему: ежеминутно думаю о том, как ехать к милой, и признаюсь, что кровь иногда сильно во мне играет»⁵. О многом говорит также подпись адресанта: «Твой и единственно твой навеки Карамзин»⁶.

Между тем 6 марта он получает записку от Ю. А. Нелединского, которому приказано известить историографа, что завтра (7 марта)

³ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2 [Электронный ресурс] // Сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: http://www.prlib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130794&Token=vRt/ff9ARRpjKXwLj16rCQ==&lang=ru-RU#0

⁴ РГИА Ф. 951. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prlib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130791&Token=15b4vLJ9DB3JRk3PPMTsEQ==&lang=ru-RU#0

⁵ НИОР РГБ. Ф. 488. Капрт. 1. Ед. хр. 1. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 48 об.

* Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ «Неизданные письма Н. М. Карамзина», проект № 15-14-73002 а(р).

¹ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 145.

² Там же.

он будет приглашен к государю⁷. Неопубликованные строки письма к жене от 7 марта зримо передают настроение Карамзина, так и не получившего приглашения: «...теперь около 11 часов утра, а приглашения нет, вероятно, уже не будет»⁸.

Ненапечатанной осталась также записка Карамзина, не только не пропускавшего почтовые дни, но и пользовавшегося оказией. Эта записка послана была через час с небольшим после отправленного в этот же день (7 марта) письма и тоже связана с напрасными ожиданиями приема у государя: «Милая! скажу тебе два слова: я в первом часу здоров совершенно и не получил приглашения Государева, вчера мне обещанного. В 11 часов отправил я к тебе письмо через почту. Сто раз обнимаю тебя нежно, благословляю и мать и детей. Бог с тобою и со всеми нами! Твой Н. Карамзин»⁹.

В петербургских гостиных историограф читает главы из своего труда. 7 марта к Карамзину обращается государственный секретарь А. Н. Оленин по поводу литературных вечеров в салоне его жены. «... Почтенный и любезный Николай Михайлович обещал меня порадовать сего дня вечером, если это благое намерение не изменилось, так должен уведомить, что сего дня у нас вечером в доме Н. С. Мордвинова маленькой совет, который продлится до 8 часов, в которое время я непременно буду домой, причем уже от лица уже барыни моей прошу, дерзаю просить буде Николай Михайлович что-либо рассудит прочитать из прекрасного его творения, <...> можно повторить письмо к Государю и предисловие. Если это нагло, то вы сами на себя пеняйте, на слог вашей Истории <...>»¹⁰. 9 марта последовала еще одна записка Оленина: «Итак возвратясь в скромное наше жилище из высоких царских теремов, буде почтенный и любезный Николай Михайлович тем не обременится, что не учинит ли он жену мою причастницею слушания Евангелия правды из истории нашего отечества. — Если же не сегодня, то пускай назначит какой угодно на то вечер и тогда я его осмеливаюсь просить о повторении

покорения Новагорода, предисловия из истории и письма к царю русскому. Николай Михайлович имеет право порицать меня наглостию — но сам в том виноват. На правду слов мало, а у нас ее говаривали царям всемогущим. Если не так было написано, не стали бы просить (и молить даже) о чтении». При этом Оленин добавляет: «Нельзя ли почтенному и любезному Николаю Михайловичу замолвить за меня словцо остроумному, но доброму притом князю Петру Андреевичу Вяземскому в том, чтоб он не лишал жену мою того удовольствия, которое я ощущал вчерашнего дня, слушая прелестные его творения»¹¹.

Между тем в записке статс-секретаря по IV отделению Собственной е. и. в. Канцелярии Г. И. Вилламова к Карамзину содержится известие, что встреча с государем опять откладывается на неопределенное время: «Государыня Императрица Мария Феодоровна, узнав, что Августейшей Ее Величества невестке угодно видеть вас в воскресенье 12-го сего месяца, высочайше повелеть мне изволила уведомить вас, Милостивый Государь мой, что Императорское Величество всемилостивейше разрешает вам свободу явиться к Государыне Императрице Елизавете Алексеевне, а себе удовольствие располагать вами и видеть вас в другой раз... Марта 11 дня 1816»¹².

В этот же день историограф получает записку от А. А. Аракчеева, который просит «Его Высокопревосходительство Николая Михайловича Карамзина пожаловать к нему сего числа пополудни в в 7-м часов»¹³. Это становится поворотной точкой в развитии событий. В 7 часов вечера Карамзин у Аракчеева по его зову. Разговор продолжается более часу «с некоторою искренностью» («Я рассказал ему мои обстоятельства и на вызов его замолвить за меня слово Г о с у д а р ю, отвечал: не прошу ваше сиятельство, но если вам удобно и если будет кстати, и проч.», — пишет Карамзин супруге).

⁷ Карамзин Н. М. Незданные сочинения и переписка. С. 170.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 488. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–1 об. [Электронный ресурс] // сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130795&Token=XGJdOuPIUvd12JdQ2bjw+A==&lang=ru-RU#0

¹¹ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3 об. [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130795&Token=XGJdOuPIUvd12JdQ2bjw+A==&lang=ru-RU#0

¹² РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130789&Token=8MeqDHkKWXfQQvC9lwHXjA==&lang=ru-RU#8

¹³ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об. [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130816&Token=GUO1iYGhOaLaQNEcvwTosQ==&lang=ru-RU#4

Аракчеев обязуется способствовать скорейшей аудиенции историографа с государем¹⁴.

13 марта в письме к жене Карамзин выражает надежду кончить дело на днях или же дожидаться отъезда Государя из столицы и выехать наконец в Москву¹⁵.

15 марта последовала резкая перемена. В 5 часов вечера Карамзин был принят императором, получил 60 000 тысяч на печатание «Истории...» (в Петербурге), чин статского советника (о чем был издан соответствующий Указ¹⁶) и «право быть искренним».

16 марта Александр подписал Грамоту о награждении Карамзина орденом Св. Анны 1-й степени: «<...> Нашему статскому советнику Карамзину

В ознаменование отличного благоволения Нашего к двенадцатилетним трудам вашим в сочинении истории Российского Государства, признали мы справедливым Всемилостивейше пожаловать вас кавалером ордена Святыя Анны первой степени, коего знаки при сем препровожаем. Повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Мы удостоверены, что сие послужит вам ободрением к совершению труда, который передаст ваше имя вместе с славными подвигами предков, потомству. Пребываем Императорскою Нашею Милостию вам благосклонны. Александр»¹⁷.

Документы РГИА отображают также реакцию петербуржцев на происшедшие события. Представляет интерес письмо министра внутренних дел О. П. Козодавлева, желавшего раньше других поздравить Карамзина. В письме говорится: «От всего моего любящего вас сердца поздравляю вас, Милостивый Государь мой Николай Михайлович, со всем тем, что с вами случилось и что еще случится, думаю сегодня, и чего, может быть, Вы и не знаете. Сверх денег на издание истории и сверх чина, думаю я, будете вы пожалованы кавалером Святыя Анны 1-го класса, то есть через плечо. Мне открыт сей секрет

для того, что моя искренняя к вам привязанность и дружба известна тому, кому исполнение сего поручено. Я пишу к вам, желая вас порадовать и прошу Бога ради ни единому человеку сего не открывать и не давать приметить, что вы об этом знаете. Вы себе представить не можете, как я всему этому рад. Весь ваш Козодавлев»¹⁸.

В этот же день обращается к историографу Г. И. Вилламов: «Милостивый Государь мой Николай Михайлович! Следуя принятому среди кавалеров ордена обычаю, послать приветствие вновь прибывшему в братию, я прилагаю здесь мою дань и желал бы, чтобы сия лента скрепила союзом дружества: но сим ласкать себя не смею. Я вас знаю давно, и с первого взгляду принял за старого знакомого, но вы меня еще не знаете и потому я предоставляю времени удостовериться вас в чувствованиях искреннего почтения и приверженности, с каковым емь всегда вам усердно преданный Григорий Вилламов»¹⁹.

18 марта Карамзину пишет министр юстиции Д. П. Трощинский: «Душевное восхищение, коим я объят был, слушая превосходное творение ваше отечественной нашей истории, может равняться моему истинному удовольствию, каким исполнился я при получении известия о данной награде вам всемилостивейшим Государем Императором, умеющим ценить достоинства и дарования. Примите, Милостивый Государь мой Николай Михайлович, искреннее уважение мое по сему случаю, а также звезду и ленту пожалованного вам ордена, посылаемые мною вам не по обыкновению как от старого кавалера, но по чувству отличного к вам уважения и совершенного почтения, с коими имею честь быть Вашим покорнейшим слугою Дмитрием Трощинским»²⁰.

Карамзина поздравляет также министр, дипломат А. Д. Балашов: «Милостивый Государь Николай Михайлович! По старинному

¹⁴ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. С. 177–178.

¹⁵ Там же. С. 176–178.

¹⁶ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. — Копия [Электронный ресурс] // сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130787&Token=Eg5gSNM7i2MDbJqxe/gWCw==&lang=ru-RU#0

¹⁷ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130798&Token=D9gYeo/M9ngSL09PvrxxfA==&lang=ru-RU#0

¹⁸ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 [Электронный ресурс] // сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130792&Token=4zyOteJ4eJYB68NxQ8nn+Q==&lang=ru-RU#6

¹⁹ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130789&Token=8MeqDhkKWXfQqVc9lwHXjA==&lang=ru-RU#8

²⁰ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130801&Token=+iHTuNF59NpXwurfRkuZg==&lang=ru-RU#10

праву товарищества в ордене прошу принять знаки онаго от чело- века, давно душевно вас почитающего, желающего короче быть вам известну и иметь случай доказать это отличное уважение и искрен- ную преданность...»²¹.

Перед отъездом в Москву Карамзин получает записку от князя А. Н. Голицына, который извещает историографа о месте его буду- щего пребывания: «Государь Император не хотя задержать вас, Милостивый Государь мой Николай Михайлович, желает вам счаст- ливого пути. О доме для вас в Сарском селе приказание дано будет графу Литта. <...> Вторник 21 марта 1816»²².

Г. И. Вилламов в письме также желает Карамзину «счастливаго прибытия к своим и такого же возвращения к петербургским дру- зьям, среди которых есть конечно поновее московских, но не уступа- ющие в усердии»²³.

Между тем Карамзин спешит домой. 21 марта он пишет жене: «...сердце трепещет от одной мысли броситься к тебе в объятия...»²⁴.

25 марта Карамзин покинул Петербург и прибыл в Москву 28 марта в понедельник, в девятом часу утра. В письме к А. И. Тур- геневу от 30 марта он называл свое пятидесятипятидневное пре- бывание в столице (со 2 февраля по 25 марта) «петербургской пятидесятиницей»²⁵. Для издания своего труда в мае того же года историограф переехал с семейством в Северную столицу, где ему суждено было прожить оставшиеся десять лет и умереть.

Безусловный интерес представляют другие материалы, но они связаны уже с дальнейшим пребыванием Карамзина в Петербурге (1817–1826).

Н. Р. СЛАВНИТСКИЙ

**С. К. Вязмитинов — военный администратор
конца XVIII и начала XIX в.**

Сергей Кузьмич Вязмитинов — один из немногих, кто смог прой- ти весь путь военной службы от младшего офицера до полного гене- рала, и уже с этой точки зрения его судьба очень интересна. Кроме того, он служил во времена перемен (и весьма много способствовал им), став, пожалуй, наиболее ярким военным администратором эпохи Просвещения.

Родился С. К. Вязмитинов он в 1744 г. в Курской губернии, про- исходил из древнего дворянского рода польского происхождения. В десятилетнем возрасте был записан унтер-офицером в observa- ционный корпус, а в 1761 г. его произвели в прапорщики и опре- делили на службу в ландмилицкий полк Украинского корпуса. К 1764 г. он дослужился уже до звания подполковника и был на- значен адъютантом к губернатору Малороссии графу П. А. Румян- цеву. В 1768 г. стал адъютантом вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа З. Г. Чернышева, а с 1770 г. заведовал его походной канцелярией. В те годы он, естественно, хорошо изучил штабную работу.

Вскоре началась русско-турецкая война, и Сергей Кузьмич про- явил себя на боевом поприще. В 1777 г. он стал полковником и был назначен командиром Астраханского пехотного полка. За успешное командование полком в 1784 г. произведен в бригадиры, а в 1786 г. — в генерал-майоры. В том же году ему поручено формирование Астраханского гренадерского полка, командиром которого он был назначен после выполнения этого поручения. В этот же период он пристрастился к музыке. Вообще С. К. Вязмитинов очень много занимался самообразованием, выучил французский язык, а в конце 1780-х гг. написал оперу «Новое семейство». Отметим, что это было вполне в традициях эпохи Просвещения, многие дворяне стремились совершенствовать свои знания и культурный уровень. Написанная

²¹ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130788&Token=Q+6GjZLgbLK1a/W3GrkPzA==&lang=ru-RU#6

²² РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 [Электронный ресурс] // сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130790&Token=G9+dCKLluNbbpWjci0Yb1w==&lang=ru-RU#8

²³ РГИА. Ф. 951. Оп. 1. Д. 11. Л. 7 об. [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.prilib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=28.03.2016&DocUNC_ID=130789&Token=8MeqDhkKWXfQqVc91wHXJA==&lang=ru-RU#8

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 488. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 63 об.

²⁵ Русская старина. 1899. № 2. С. 471–472.

им опера впервые была сыграна любителями в октябре 1781 г. при проезде наследника Павла Петровича через Могилев (в имении З. Г. Чернышева Чечерске), и тогда же опубликованная несколько сезонов ставилась в Москве.

В годы следующей войны с Турцией Сергей Кузьмич выполнял самостоятельные задачи, командовал Екатеринославским корпусом и участвовал во взятии Хотина (1788), Аккермана и Бендер (1789). За отличия был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. В самом конце войны (1790) назначен правителем Могилевского наместничества и командиром Белозерского егерского корпуса. С этого момента началась его военно-административная деятельность. На этом посту он занимался постройкой судов на реке Двине. Быстрая и экономная постройка 70 гребных судов обратила внимание императрицы Екатерины II, и Сергея Кузьмича произвели в генерал-поручики (1793).

В 1794 г. С. К. Вязмитинов был назначен сенатором и исполняющим должность Симбирского и Уфимского генерал-губернатора, а в 1795 г. — командующим Оренбургским корпусом с особым назначением — водворить порядок среди киргизов и настоять на избрании ими ханом приверженца России Ишима. Удачно исполнив это поручение, он в следующем году был назначен шефом Московского мушкетерского полка и Оренбургским военным губернатором. На этом посту Сергей Кузьмич проявил большие организаторские способности, много сделал для усиления Оренбургской укрепленной линии, охраны среднеазиатской границы России, совершенствования пограничной системы крепостей и укрепления Оренбургского и Уральского казачьих войск.

12 декабря 1796 г. вышел указ «О новом разделении государства на губернии», согласно которому Россия была разделена на 34 губернии, в числе которых «повелено быть Оренбургской губернии, что до сего была Уфимской». Военным губернатором Оренбургской губернии стал генерал от инфантерии О. А. Игельстром, а С. К. Вязмитинов 16 декабря того же года был назначен «военным губернатором в Чернигов и управлять малороссийской губернией». Однако в Чернигове он пробыл всего два дня, и в январе 1797 г. был назначен комендантом Санкт-Петербургской крепости.

В следующем году при его участии стала создаваться сеть военно-сиротских отделений. Тогда был издан императорский указ «Об учреждении Императорского Военно-сиротского Дома и отделений

оного при гарнизонных полках»¹. Позже в непосредственном ведении Вязмитинова оказалось Санкт-Петербургское отделение. Первоначально оно было размещено на территории Санкт-Петербургской крепости в бастионе Анны Иоанновны (ныне — бастион Головкина). В 1800 г. под него приспособили часть Петровской куртины. Правда, в 1811 г. было предположено строить военно-сиротское отделение на 1000 человек, расположив его вне крепости, проект поручено составить коменданту крепости совместно с инженер-генерал-майором А. Брискорном; но это намерение не осуществилось.

В тот момент, когда военно-сиротское отделение размещали в крепости, Сергея Кузьмича там уже не было — в 1799 г. он был произведен в генералы от инфантерии и в том же году вышел в отставку (довольно распространенная для тех лет ситуация).

В 1801 г., после смерти Павла I, вернулся на службу и был назначен вице-президентом Военной коллегии. А в 1802 г., при образовании министерств, Сергей Кузьмич, назначен министром военных сухопутных сил (военным министром). При этом ему было предоставлено право «припечатывать высочайшие повеления собственною его величества печатью». За период руководства Военным министерством он создал его штатную структуру, разделил инженерный и артиллерийский департаменты (23 октября 1802 г.), соединил комиссарский и провиантский департаменты, добился передачи медицинских частей армии и флота в непосредственное управление Министерства военно-сухопутных сил и Министерства морских сил².

Кроме того, в 1805–1808 гг. Вязмитинов являлся военным губернатором Санкт-Петербурга, а 29 августа 1805 г. был назначен и главнокомандующим в столице³. Связано это с тем, что император Александр I отправился в действующую армию (шла война с Францией), и Вязмитинов стал лицом, замещающим императора.

И вскоре ему пришлось заниматься вопросами перевода детей в Санкт-Петербургское военно-сиротское отделение (таких — чьи отцы отправлялись в действующую армию или погибли на полях сражений — оказалось немало). Туда переведены дети военно-служащих из других военно-сиротских отделений, расположенных

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18793. С. 488.

² См.: Шишов А. В. С. К. Вязмитинов — первый министр военных сухопутных сил // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 43–45.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1805. 5 сент. № 71. С. 829.

в Кронштадте, Шлиссельбурге, Ревеле, Пскове, Выборге. Эта практика продолжалась и позже⁴. Все это оформлялось предписаниями Санкт-Петербургского военного губернатора С. К. Вязмитинова коменданту крепости П. А. Сафонову⁵.

В январе 1808 г. из-за болезни Сергей Кузьмич снова вышел в отставку, но в 1811 г. вернулся на военно-административную службу и был назначен членом Государственного совета, а в 1812 г. — главнокомандующим в Санкт-Петербурге. Этот год, как известно, был военным, и теперь Вязмитинов не просто замещал императора в столице.

Вообще военное управление на Северо-Западе России в начале XIX столетия было несколько запутанным. Связано это с реформой военного управления, проведенной в царствование Павла I. В частности, им была учреждена должность коменданта Санкт-Петербурга. Это произошло 7 ноября 1796 г., когда бывший комендант Гатчины полковник А. А. Аракчеев, произведенный на следующий день в генерал-майоры, был назначен комендантом Санкт-Петербурга. Спустя пять дней, 12 ноября, А. Г. Чернышев (с 1773 г. обер-комендант) был произведен в генерал-аншефы, и ему было повелено именоваться только комендантом. С этого времени комендант Санкт-Петербургской крепости (им как раз стал Вязмитинов) отвечал только за состояние гарнизона крепости. А указом 27 января 1797 г. должность обер-коменданта во всех крепостях империи упразднялась. Занимавшие эту должность становились комендантами и подчинялись непосредственно императору.

В «Высочайше утвержденном положении для крепостей, на базисе военных действий расположенных», составленном накануне вторжения в Россию наполеоновских войск, 5 июня 1812 г.⁶, указывалось: «Военный Губернатор или Комендант», т.е. предусматривалось, что в городе есть или одно из указанных должностных лиц, или другое. В Санкт-Петербурге же еще долгое время имелось два должностных лица, чьи функции не были разделены.

Для того чтобы устранить эту путаницу, в 1812 г. в столичных городах (Санкт-Петербурге и Москве) были назначены главнокомандующие (по упомянутому положению 5 июня 1812 г. именно

главнокомандующему подчинялись губернаторы или коменданты), и именно на Вязмитинова была возложена организация обороны столицы. Однако ситуация в течение года менялась.

12 июля (когда французские войска заняли Митаву и подступили к Риге) на заседании Комитета министров под председательством Н. И. Салтыкова было принято решение возложить на генерала от инфантерии М. И. Кутузова должность «командующего сухопутными и морскими силами, расположенными возле северной русской столицы»⁷. Императорским рескриптом, утвердившим это предложение, Кутузову были подчинены и войска, «находящиеся в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Финляндии»⁸.

30 июля Кутузов получил предписание императора выдвинуть основные силы вверенных ему войск в район Нарвы для того, чтобы прикрыть Санкт-Петербург, а также учредить еще один лагерь на дороге от Луги к Порхову — для прикрытия дороги на Новгород⁹. Всеми этими частями командовал Кутузов, а в столице и ее окрестностях главнокомандующим оставался Вязмитинов, находившийся в тот момент в «оперативном подчинении» у князя. Именно Вязмитинов занимался вопросами, связанными с помещениями для размещения войск, а также снабжением их оружием. Кроме того, комендант города и комендант Санкт-Петербургской крепости оставались в его подчинении, и именно ему отправляли рапорты о состоянии дел во вверенных им частях.

Но 8 августа 1812 г. Кутузов был назначен главнокомандующим действующей армией и в связи с этим передал командование Петербургским ополчением генерал-лейтенанту П. И. Меллер-Закомельскому¹⁰. После этого Вязмитинов снова стал главным начальником воинских частей, расположенных в Ингерманландии. Сфера ответственности Меллер-Закомельского распространялась только на ополчение.

Так как продвижение неприятельских войск было остановлено в Лифляндии, то на осадном положении оказалась только Рига,

⁷ М. И. Кутузов — начальник Петербургского ополчения и командующий корпусом обороны Петербурга (из приказов и донесений) // Петербург военный XVIII–XIX веков. М., 2003. С. 157.

⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 132. Л. 200.

⁹ М. И. Кутузов — начальник Петербургского ополчения и командующий корпусом обороны Петербурга... С. 200.

¹⁰ Там же. С. 217.

⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 124. Л. 450.

⁵ Там же. Д. 91. Л. 29, 70, 191; Д. 92. Л. 6, 8, 18, 30, 48, 61, 188, 228.

⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 27. С. 342–347.

а в остальных крепостях ни военного, ни осадного положения не вводили. В Санкт-Петербурге шла обычная повседневная жизнь, Вязмитинов (как и в 1805 г.) отдавал распоряжения о приеме трофеев и о праздновании побед российского оружия над Наполеоном¹¹.

В сентябре того же года Сергей Кузьмич стал председателем Комитета Министров и управляющим делами Министерства полиции с оставлением в должности Санкт-Петербургского главнокомандующего (в 1816 г. эта должность была переименована в должность Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора). В 1814 г. Вязмитинов был награжден орденом Андрея Первозванного, а в 1818 г. возведен в графское достоинство.

Скончался он 15 октября 1819 г., собираясь на бенефис Е. И. Колосовой. По отзывам современников, «похороны его были великолепны: сопровождали его гроб весь сенат и войска до Александроневского монастыря, где он и погребен».

Транспорт России в эпоху Карамзина

В беседах с императором Александром I Н. М. Карамзин затрагивал проблемы развития путей сообщения в стране с критических позиций¹. В «Истории государства Российского» также встречаются «транспортные сюжеты». Но известный историк не был историком современности. Между тем на протяжении его жизни в развитии транспортной инфраструктуры России произошли заметные качественные изменения.

В год рождения будущего писателя и историка (1766) функционировала одна водная система — Вышневолоцкая. В год смерти Карамзина (1826) в России появились еще две водные системы, связывавшие волжско-каспийский бассейн с Петербургом и Балтийским морем — Мариинская и Тихвинская.

В России, как и в некоторых других странах, в последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX в., происходило интенсивное строительство каналов, их усовершенствование. В 1780-х — 1790-х гг. продолжалась перестройка деревянных гидротехнических сооружений в каменные. Гранитными стали Цнинский, Дубковский, Уверский и Березайский бейшлоты, а также Тверецкий, Цнинский и Мстинский шлюзы. В 1797–1804 гг. был построен Сиверсов канал в обход Ильмень-озера для соединения реки Мсты и Волхова длиной 9 верст.

«Канал Мариинский, соединяющий реки Ковжу и Вытегру, и составляющий другой водный путь от Нижних пристаней Волги к Санкт-Петербургу, предназначен был еще Государем Императором Петром Великим... В 1800 г. приступлено к самим работам, с щедрым от Государыни императрицы Марии Федоровны в суммах пособием, для чего в ознаменование Ея любви к Отечеству, канал сей наименован Мариинский», — так характеризовал работы над

¹¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 125. Л. 48, 60, 64.

¹ См.: Эйдельман Н. Я. Последний летописец, М., 1983.

Мариинской системой Георгий Петрович Гольштейн-Ольденбургский, назначенный главным Директором путей сообщения в 1809 г.² От Рыбинска до Петербургского морского порта водный путь протяженностью в 1054 версты (1125 км) проходил по реке Шексне, Белому озеру, реке Ковже, Мариинскому каналу, реке Вытегре, Онежскому озеру, реке Свири, приладожским каналам и реке Неве. Мариинская система строилась под руководством инженер-генерала Ф. П. Деволанта, была введена в эксплуатацию в 1810 г.

Тихвинская водная система строилась по задумке еще Петра Великого, по проекту и под руководством Деволанта в 1802–1811 гг. Это была третья наряду с Мариинским и Вышневолоцким маршрутами водная система. Но длина пути «Волга-Балтика» через Тихвинскую систему являлась самой короткой — 654 версты, из которых 176 верст составляли шлюзованные участки. Всего было 62 шлюза, 2 вспомогательных питательных резервуара, 105 пристаней. У соединительного канала со стороны бассейна Невы возвышался памятник Петру I³.

Тихвинский путь от Рыбинска до Петербурга составлял 924 км. По Мариинской системе — 1143 км, по Вышневолоцкой — 1440 км.

Также были сооружены Огинский и Березинский каналы, а от сооружения Виндавского сообщения пришлось отказаться.

К середине XIX в. каналы в России составили около 580 верст, к концу века их протяженность увеличилась до 700 верст. К 1855 г. естественных водных путей с искусственными сооружениями в России было 6044 версты, а в последующие несколько десятилетий добавилось еще около 100 верст. Сотрудники Института путей сообщения

² См.: Отчет Главного Директора Путей Сообщения за 1810 год. Вторым тиснением. СПб.; Тип. Путей Сообщения, 1810. С. 90. Документ хранится: РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 8. Доклад на Высочайшее имя был подготовлен в начале 1811 г. Хранится отчет в Общем архиве Министерства путей сообщения среди документов, отражающих работу Канцелярии экспедиции Главного управления путей сообщения и публичных зданий: РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 8. Л. 79. Этот обширный и чрезвычайно содержательный документ был обнаружен князем Александром Михайловичем Голицыным в конце 1826 г. при разборе бумаг из личного кабинета императора Александра I, ушедшего из жизни в конце 1825 г.

³ См.: Описание работ по отчету Главного Управления Путей Сообщения за 1811 и 1812 годы. Тверь: в тип. Путей Сообщения, 1814. Этот текст подписан инженер-генералом Деволантом.

считали, что сделано не так много. Ведь протяженность водных путей России к концу XIX в. составляла около 80 тысяч верст, в том числе судоходных рек насчитывалось около 40 тыс. верст, а вместе со сплавыми — более 50 тыс. верст⁴.

С сухопутными дорогами дело шло медленнее. Так, Военно-Грузинскую дорогу после подписания Георгиевского трактата (1783) между Россией и Грузией начали строить солдаты, что позволило открыть сообщение в 1799 г. В 1811 г. Военно-Грузинская дорога длиной в 208 км была передана в ведение Главного управления путей сообщения. Она проходила через Главный Кавказский хребет и соединяла города Владикавказ и Тифлис. В 1830 г. Корпус инженеров путей сообщения закончил строительство улучшенной дороги, а в 1863 г. было осуществлено шоссирование дорожного полотна.

В 1816 г. специально созданному управлению было передано заведование Большой Московской дорогой от Санкт-Петербурга до Москвы, а также государственные дороги трех губерний: Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской. Эти дороги было решено содержать «в грунтовом виде». Но уже в 1817 г. было начато строительство шоссе между двумя столицами, после чего предполагалось заняться и другими государственными дорогами.

К 1817 г. в ведении Главного управления водными и сухопутными путями сообщения находилось около 3200 верст дорог. Все дороги делились на четыре разряда. В I разряд попала лишь одна дорога — от Санкт-Петербурга до Москвы. Ко II разряду были отнесены главные или генеральные тракты, которые шли от столиц к границам государства и связывали между собой губернские города. К III разряду отнесли дороги, соединявшие уездные города. В IV разряде пребывали все проселочные дороги.

С 1819 г. развернулось строительство в Царстве Польском, которое вошло в состав Российской империи, получив в 1815 г. самую либеральную конституцию в Европе. Здесь в течение 10 лет было построено около 1000 верст, имевших важное военно-стратегическое значение. В 1820 г. началась постройка шоссейных дорог в Крыму.

⁴ *Георгиевский П. И.* Исторический очерк развития путей сообщения в XIX веке. СПб., 1893. С. 21. П. И. Георгиевский был ординарным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета и преподавателем Института инженеров путей сообщения.

При жизни Н. М. Карамзина началась подготовка квалифицированных кадров для транспортной сферы. В качестве первого шага были учреждены низшие гидротехнические школы: первая в 1767 г. при конторе Боровичских порогов, вторая — в 1768 г. при Вышневолоцкой конторе водяных коммуникаций и третья — в 1782 г. при экспедиции Ладожского канала.

В 1782 г. императрица Екатерина II поддержала инициативу Директора водяных коммуникаций Я. Е. Сиверса и 31 октября подписала Указ «Об учреждении гидравлического корпуса»⁵. Все замещения должностей инженеров-гидравликов происходили с высочайшего утверждения. Таким же образом определялся оклад «по мере приносимой их трудом пользы». Инженер-гидравлики занимались осмотром местности и составлением планов гидравлических сооружений, а также управляли их строительством и эксплуатацией. В указе Екатерины II наряду с термином инженер-гидравлик употребляется также понятие «водяной строитель».

В 1797 г. в связи с реорганизацией органов государственного управления транспортом Гидравлический корпус был упразднен. Гидравлические работы, инженеры-гидравлики перешли в ведение Главного директора водяных коммуникаций. В употребление вошло название инженер-гидротехник⁶.

20 ноября (2 декабря) 1809 г. Манифестом Александра I был учрежден Корпус инженеров путей сообщения и Институт Корпуса инженеров путей сообщения при нем.

«Коль скоро для помещения Института, от щедрот вашего Императорского величества был куплен и всемилостивейше пожалован дом Князя Юсупова, в котором сие общепользное, в России никогда не бывалое заведение, со всею удобностию расположено быть может, то в то же время сделаны были к начальному образованию оною нужные распоряжения», — написал в своем отчете царю Главный директор путей сообщения России Георгий Петрович Ольденбургский (1784–1812).

«В течение двух последних месяцев года нельзя еще видеть успехов от сего нового установления. Я надеюсь в отчете моем за следующий год представить вашему Императорскому величеству плоды

⁵ ПСЗ-1. Т. 21. № 15563; Т. 24. № 17848; Т. 53. № 58622.

⁶ Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования. 1797–1897. СПб., 1897.

сего заведения, монаршим попечением вашим воздвигнутого»⁷, — выражал уверенность Г. П. Ольденбургский.

К 1 января 1811 года в Корпусе Инженеров считалось уже 115 человек, в том числе 5 инженеров французских. 1842–1848 гг. в Корпусе было положено иметь: генералов — 31; штаб-офицеров — 205, обер-офицеров — 699. К разного рода работам привлекались тысячи солдат, наемных работников и местных жителей⁸. В короткие сроки Корпус инженеров путей сообщения превратился в мощную структуру, способную решать самые сложные задачи «по искусственной части», как тогда говорили.

Создание в 1809 г. первого транспортного и инженерно-строительного высшего учебного заведения (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I) и Корпуса инженеров путей сообщения стало важнейшим фактором последующего транспортного обустройства России.

В отчете императору о своей деятельности за 1809–1811 гг. Ольденбургский особо подчеркнул состоявшийся с созданием Корпуса инженеров путей сообщения переход к всестороннему обоснованию проектов в транспортной области. Техничко-экономическим обоснованием (ТЭО появилось в этот исторический момент) целесообразности и осуществимости транспортных проектов, требовавших значительных расходов, занимался Совет путей сообщения, состоявший из специалистов высочайшего уровня.

10 июля 1811 г. из своей штаб-квартиры в Твери Главный директор путей сообщения Г. П. Ольденбургский обратился к императору с рапортом под названием «О государственных трактах». В этом документе, пожалуй, впервые была представлена концепция и программа мер по развитию дорожного строительства в России, про дороги в которой говорили, что они «чем дальше, тем страшнее». Предлагалось соединить усилия государственных структур, местных властей, простых жителей и инженеров путей сообщения⁹.

⁷ Отчет Главного Директора Путей Сообщения за 1810 год. С. 16–17; РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–18.

⁸ Краткий исторический обзор сформирования Корпуса Путей Сообщения. Виктор Томанович. 1848 г. 7 февраля (Рукопись находится в Научно-технической библиотеке ПГУПС. Предназначена для его сиятельства графа Петра Андреевича Клейнмихеля). С. 52, 82.

⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–80.

В высочайшем Указе на имя Главного директора путей сообщения от 5 ноября 1811 г. Александр I отмечал, что предлагаемое Положение о содержании Государственных трактов представляет собой «одно из важнейших и полезнейших Государственных постановлений» и было рассмотрено на заседании Государственного совета. Но в 1812 г. пришлось отражать наполеоновское нашествие, а затем освобождать Европу. Дорогами пришлось заняться после войны.

Организация управления транспортным сектором при жизни Карамзина поднялась на качественно новый уровень. 28 февраля 1798 г. был создан Департамент для произведения и правления всех дел по водяным в империи коммуникациям. Руководство Министерства путей сообщения Российской Империи считало эту дату — 28 февраля 1798 г. — днем основания ведомства путей сообщения. В 1898 г. с разрешения императора Николая II в стране довольно широко отмечался 100-летний юбилей ведомства путей сообщения.

Департамент водяных коммуникаций подчинялся Сенату и имел такие же права, как коллегии, которые были созданы Петром I вместо приказов, просуществовали почти сто лет и являлись в России предшественниками министерств. В марте 1800 г. Главному директору водяных коммуникаций подчинили Экспедицию устройства дорог в государстве.

Департамент водных коммуникаций в начале правления Александра I с августа 1801 г. по апрель 1809 г. возглавлял выдающийся государственный деятель Н. П. Румянцев. Строительство Мариинской водной системы считается одним из его важнейших деяний на этом посту.

После смерти Ф. П. Деволянта в 1819–1822 гг. Главным директором путей сообщения был выдающийся испанский и российский ученый и инженер Августин Августинович Бетанкур (1858–1824), даты жизни которого почти совпадают с датами жизни Карамзина. А. А. Бетанкур приехал в Россию в 1808 г. С 1809 по 1824 г. он был первым директором ИКИПС, в 1816–1824 гг. являлся председателем Комитета для строений и гидравлических работ, учрежденного Александром I 200 лет назад (в мае 1816 г.). Под руководством Бетанкура связано начало использования паровой энергии в России: землечерпалка для очистки фарватера от Петербурга для Кронштадта (1811), на создание которой по указанию Александра I было

казначейством выделено 60 тыс. руб.¹⁰; первая паровая лесопильня; станки с паровым двигателем, печатавшие новые ассигнации в Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Главный инженер Александра I, Петербурга и России испанский специалист хорошо понимал транспортные проблемы страны. Уже 15 декабря 1819 г. (в должность вступил в апреле этого же года) в «Дополнении к записке о недостатках способов содержания и устройства дорог» он предлагал: «Ежели бы я неминуемо должен был дать своим мысли на счет средств удовлетворения самонужнейшим потребностям дорог; то мне казалось бы всего проще и всего короче принять следующие решительные, а не временные меры:

1. Все штатные расходы путей сообщения, включая бригаду военнорабочих батальонов, и все то, что относится к содержанию чиновников, квартирам, канцелярским надобностям и проч. обратить на общие Государственные расходы, из коих все прочие управления заимствуют их содержание.

2. Удвоить умеренные налоги, ныне на пользу дорог существующие; что должно составить около 9,600 тыс. р., назначив оные исключительно для дорожных работ»¹¹.

Бетанкур предлагал сделать так, чтобы «два существующие налога для сухопутных и водных сообщений заменены были одним налогом, который составлял бы токмо прибавку к теперешней подушной подати; например, по рублю на душу, в средней сложности; то чрез сие избегнуты были бы некоторые стеснительные меры и для сообщений даны бы были такие удобства и такая свобода, без коих не могут они процветать». Только подушный налог, по прикидкам Бетанкура, мог бы дать от 18 до 20 млн руб. В 1818 г. сбор пошлин по судоходству составил всего 4 млн руб. Вновь назначенный Главный директор предлагал дифференцировать ставку налога по губерниям с учетом региональной интенсивности транспортной

¹⁰ «Его императорское величество высочайше повелеть соизволил изобретенную Генерал-Лейтенантом Бетанкуром для чищения Кронштадтской гавани паровую машину, равняющуюся силе 15-ти лошадей, приуготовить со всеми к ней принадлежностями на Адмиралтейском Ижерском заводе и потребные на то деньги 60 000 рублей требовать от Государственного Казначейства» (РГИА. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

¹¹ РГИА. Ф. 1263 (Министерство внутренних дел). Оп. 1. Д. 190. Л. 438–446 — Документ на русском и французском языках подготовлен и подписан А. Бетанкуром.

деятельности, в частности лишить преференций Петербургскую, Новгородскую, Псковскую губернии и некоторые другие губернии. С купечества планировать получить свыше 1 млн руб.

В обращении к императору от 25 декабря 1819 г. Бетанкур обосновывал целесообразность использования хозяйственного способа закупки материалов и найма рабочих для проведения работ, а не проведения публичных торгов, которые оказывались неэффективными¹².

Развитие путей сообщения требовало значительных капиталовложений. Только Главное управление путей сообщения с 1810 по 1816 г. израсходовало 5850 тыс. руб., а с 1817 по 1825 г., в период строительства Московского шоссе, расходы составили 39 млн руб. До 60-х гг. XIX в. стоимость постройки шоссейных дорог обходилась в среднем по 11 500 руб. за версту, что, с учетом протяженности построенных дорог, позволяет оценить расходы Главного управления путей сообщения в 100 млн руб¹³.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. В годы жизни Н. М. Карамзина шло интенсивное развитие транспортной инфраструктуры. Были введены в эксплуатацию новые искусственные водные пути. Началось сооружение шоссе.

2. Главным условием успехов в транспортной отрасли стало совершенствование государственного управления, создание ведомственной системы подготовки (Институт Корпуса инженеров путей сообщения) и использования (Корпус инженеров путей сообщения) квалифицированных транспортных кадров.

3. Российские правители, на правление которых пришлось жизнь и деятельность Карамзина (Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I), понимали значение транспорта для социально-экономического и культурного развития страны, чем заслужили уважение и добрую память в рядах профессионального сообщества российских транспортников и российского общества в целом.

Н. В. ЧЕРНИКОВА

Наследники Н. М. Карамзина (середина — вторая половина XIX в.)

Николай Михайлович Карамзин был одной из самых ярких личностей своего времени. Его дом в Москве, а затем и в Петербурге, где он провел последние 10 лет жизни, был сосредоточением идейной и литературной, художественной жизни того времени.

Свет, зажженный Карамзиным, был так ярок, что продолжал существовать и после его смерти. Все так же у самовара сидела, разливая чай, вдова историографа, Екатерина Андреевна Карамзина (1780–1851), и ее гостиния оставалась средоточием культурной жизни Петербурга, словами постоянной посетительницы А. Ф. Тютчевой — «одним из самых привлекательных центров Петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов», где «собиралась самая культурная и образованная часть русского общества»¹. Один из ее внуков так описал Екатерину Андреевну в последние годы ее жизни: «Величавая, стройная 70-летняя Екатерина Андреевна Карамзина была самым ярко-светлым олицетворением приветливости и любви к окружавшему ее миру... От нее веяло правдою и благородством, и я живо помню, как для каждого она являлась каким-то величественным и в то же время прелестным образом барыни-праведницы»².

В восприятии современников семья Карамзиных была неотделима от Николая Михайловича. Как сказал на посвященном столетию историографа торжественном обеде в московском университете граф А. В. Соллогуб, «семейство Карамзиных всегда отличалось тою особенностью, что в нем, так сказать, чувствовал и как бы продолжал жить сам Карамзин»³. Карамзинское образование, карамзинское

¹² РГИА. Ф. 1263 (Министерство внутренних дел). Оп. 1. Д. 190. Л. 578–579.

¹³ Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 359.

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. Тула, 1990. С. 21.

² Мецкерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 12.

³ Московские ведомости. 1866. № 255. С. 2.

воспитание — не были пустыми словами. Через несколько лет после смерти Николая Михайловича его старшие сыновья, Андрей (1814–1854) и Александр (1816–1868), отправились в Дерпт, так как, согласно воле отца, они должны были закончить образование в германском или Дерптском университете. «Сыновьям Карамзина мало иметь обыкновенное воспитание, — писал по этому поводу П. А. Вяземский, — им нужно явиться в свете и с Карамзинским образованием»⁴.

Эти слова не были пустым звуком. Они выражали то особое внимание, которое вызвала в обществе семья Карамзина. В 60-е годы XIX столетия страну всколыхнули Великие реформы Александра II. 1 декабря 1866 г. с большой торжественностью по всей России отмечалось столетие Карамзина. Состоялись торжественные заседания в Академии наук в Петербурге (присутствовали лица императорской фамилии, министры и представители семьи Карамзина), в Московском университете и других городах. Карамзина чествовали не только как историографа и литератора, но прежде всего как человека, чьи гражданские заслуги едва ли не покрывали его ученых и литературных заслуг, смело говорившего правду государю — автора «Записки о древней и новой России» (1811) и «Мнения русского гражданина» (1819) — не побоявшегося не только воспротивиться ложной, с его точки зрения, линии правительственной политики реформирования, олицетворявшейся в М. М. Сперанском, но и резко осудить намерение самого императора восстановить Польшу.

В Российской империи существовала традиция к юбилею видных государственных и общественных деятелей отмечать их потомков. Дочерей назначали фрейлинами, сыновья получали награды или продвижение по службе.

Так предполагалось сделать и в этот раз.

Как известно, Карамзин был женат дважды, имел от этих браков 10 детей, в обществе даже шутили, что Карамзин «считает годы новорожденными детьми и томами российской истории». Это была дружная, крепкая семья, однако большого, ветвистого клана Карамзиных, наследников историографа, не сложилось. Четверо из его детей умерли в детстве: Наталья (1804–1810), Андрей (1807–1813), Наталья (1812–1815), Николай (1817–1833). Андрей Николаевич (1814–1854)

⁴ Вяземский П. А. Письмо к Дмитриеву И. И. от 17 сентября 1832 г. // Письма к И. И. Дмитриеву П. А. Вяземского (1829–1937 гг.). М., 1868. С. 136–137.

погиб в Крымскую войну, вслед за ним умерла старшая дочь Карамзина, так и не вышедшая замуж Софья Николаевна (1802–1856). До столетия историографа дожили два сына и две дочери. Старшая из них, Екатерина Николаевна (1809–1867), вышла замуж за князя П. И. Мещерского и — единственная — имела детей. Александр Николаевич (1816–1888) давно оставил службу в гвардии и в столицах почти не появлялся, безвыездно живя «в своей деревенской глуши в Нижегородской губернии», куда не доходили даже важные новости, как, например, о потрясшем Петербург неудавшемся покушении на Александра III 1 марта 1887 г.⁵ Владимир Николаевич (1819–1879), дослужившийся (в 1868 г.) до сенатора, слыл человеком хотя и остроумным, но слишком принципиальным и малообщительным.

И так сложилось, что именно семья Екатерины Николаевны Мещерской воспринималась современниками как наследники Карамзина, тем более что и жили они в одном доме с матерью, но этажом выше, и ее семья составила единое целое с семьей покойного историографа: «Мещерские-Карамзины» — называли их в свете⁶. Это был единственный дом в Петербурге, где «собиралось общество не для светских пересудов и сплетен, а исключительно для беседы и обмена мысли»⁷. После смерти Екатерины Андреевны две ее незамужних дочери-фрейлины — Софья и Елизавета (1821–1891) — стали жить в семье Мещерских. И в день столетия Карамзина награду получил не только его сын Владимир Николаевич (ему был пожалован орден Св. Станислава I степени), но и дети княгини Мещерской: штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка Александр Петрович Мещерский стал флигель-адъютантом, а княжна Екатерина Петровна — фрейлиной.

Екатерина Николаевна Мещерская была неординарной женщиной. Она производила сильное впечатление на окружающих. «От нее несется электричество», — характеризовал ее историк М. П. Погодин в одном из писем к поэту и критику П. А. Вяземскому⁸. С конца

⁵ Письмо кн. В. П. Мещерского императору Александру III. После 8 марта 1887 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 897. Л. 117.

⁶ См., например, письма Ф. И. Тютчева за 1854–1855 гг.: *Тютчев Ф.* Сочинения: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 153, 170 и др.

⁷ *Мещерский А. В.* Воспоминания. М., 1901. С. 153.

⁸ Письмо М. П. Погодина к кн. П. А. Вяземскому от 28 июня 1866 г. // Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимова к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). СПб., 1901. С. 88.

1840-х гг. здоровье стало подводить ее, она не появлялась больше в гостиной своей матери, но многие посетители Екатерины Андреевны, выходя от нее, поднимались этажом выше, к Мещерским, где говорили преимущественно уже не о литературе, а о политике, и «слишком горячо спорили и увлекались какими-нибудь политическими вопросами или правительственными распоряжениями»⁹. Яркость и горячность этим спорам часто придавала сама Екатерина Николаевна. «Ум ее, — писала А. Ф. Тютчева, — был необычайно язвительный, характер цельный и страстный, столь же абсолютный в своих симпатиях, как и в антипатиях, в утверждениях, как и в отрицаниях. Для нее не существовало переходных оттенков между любовью и ненавистью, на ее палитре были только эти две определенные краски»¹⁰.

У Мещерских было четверо детей. Судьбы их сложились поразному. Старший, Николай (1829–1894), исполнил мечту деда, вернулся в Москву, к концу жизни стал попечителем Московского учебного округа. Он был женат на Марии Александровне Паниной (1830–1903), женщине властной, полностью подчинившей себе и мужа и детей, в воспитание которых он не вмешивался¹¹. Убежденный консерватор, поклонник редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, он и сам обладал легким пером, однако служебные обязанности оставляли ему немного времени для литературных занятий.

Второй сын, Александр (1837–1875), штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка и флигель-адъютант, прозванный в полку Макаром, был женат на Надежде Ивановне Рюминой. С. Д. Шереметев дает ему довольно негативную характеристику: «Он был очень ограничен и во хмелю неприятен», при этом «сильно придерживался чарочки»¹². Возможно, это и стало причиной поразившей его болезни мозга, вследствие которой в 1870 г. он должен был оставить службу¹³ и умер совсем молодым, неполных 38-ми лет.

⁹ Мещерский А. В. Воспоминания. С. 172.

¹⁰ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 23.

¹¹ Игнатъев М. Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. С. 22.

¹² Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 133.

¹³ Письмо кн. В. П. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу от 25 декабря 1870 г. // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014. С. 335.

Младший брат, Владимир (1839–1914), знаменитый издатель и редактор консервативной газеты «Гражданин», как и его мать, был человеком безапелляционным и увлекающимся. В молодости близко сошедший с великими князьями, в том числе наследником престола Николаем Александровичем, а потом и Александром Александровичем (будущим Александром III), он открыто претендовал на преемственность роли Карамзина-гражданина, способного «истину царям с улыбкой говорить». Но ум, проницательность, литературный талант соседствовали в нем с импульсивностью, мнительностью и почти полным отсутствием такта. Этим он разительно отличался от своего дела. И хотя князь Владимир Петрович любил подчеркивать свое родство с историографом, для современников это звучало неубедительно.

Единственная девочка в семье Мещерских, Екатерина (1843–1924), как и ее мать, была примечательной личностью. Она постоянно становилась центром образовывавшихся вокруг нее кружков, имела успех в свете, привлекая к себе не только наружностью, но и несколько странным разговором, постоянными недомолвками, любила нравиться и кружить головы¹⁴. В 1866 г. она была назначена фрейлиной императрицы Марии Александровны, а три года спустя вышла замуж за Свиты е. и. в. генерал-майора графа Владимира Петровича Клейнмихеля (1839–1882), сына министра путей сообщения при Николае I П. А. Клейнмихеля. Брак этот оказался не очень удачен. Муж Екатерины Петровны, «прозаик и солдафон», «был очень хороший человек, но страдал болезнью кн. Александра Петровича Мещерского»¹⁵ и умер довольно рано, в 42 года, дослужившись до командира лейб-гвардии Семеновского полка. Его вдова осталась с четырьмя детьми на руках и довольно запутанным семейным состоянием.

И все же именно она, как в свое время и ее мать, стала если не центром семьи, то в какой-то мере хранительницей карамзинских традиций.

Именно к ней обратился бездетный Александр Николаевич Карамзин, прося принять на себя заботу о его нижегородском имении после его смерти. Она же фактически распоряжалась огромной пенсией (50 тыс. руб. в год), назначенной Карамзину и его наследникам

¹⁴ Шереметев С. Д. Мемуары... С. 135.

¹⁵ Там же.

еще Николаем I до выхода всех дочерей замуж и до получения всеми сыновьями офицерского чина. Более 30 лет всю пенсию получала Елизавета Николаевна Карамзина, жившая в семье Екатерины Николаевны Мещерской, а после ее смерти — Екатерина Петровна Клейнмихель. Большая часть этих денег тратилась на благотворительность, в том числе и на адресную помощь¹⁶. В подобных случаях часто находились родственники, считавшие такое распределение средств несправедливым, а себя — незаслуженно обделенными. Сходная ситуация сложилась и в семье Мещерских-Карамзиных, когда несдержанный на язык Владимир Петрович Мещерский как-то вслух назвал близких друзей Екатерины Петровны «Карамзинскими и Клейнмихельскими нахлебниками»¹⁷. Однако к чести графини Клейнмихель, и семьи Мещерских в целом, эти размолвки были эпизодическими. Екатерина Петровна была щепетильна в денежных вопросах, и сразу после смерти Елизаветы Николаевны, последней из Карамзиных, написала Александру III благодарственное письмо за щедрую помощь, окончившуюся со смертью ее тетушки¹⁸.

В семье Мещерских, как и среди Карамзиных, царил культ Николая Михайловича Карамзина — как литератора, историка, но прежде всего — как гражданина. Все потомки Карамзина были воспитаны в духе особой преданности царю и его семье переняли, в той или иной мере, «благородный жар и пыл его души, любовь к Государю и любовь высокою к Государству»¹⁹.

«Эти чувства вселялись и развивались в нас с детства как священные предания Карамзинского семейства и мною передаются моим детям. Да поможет мне Господь вселить в них хоть искру того пламени, той безграничной любви и преданности к Царю, Его

Семейству и Отечеству, которые Николай Михайлович завещал своим детям», — писала Александру III графиня Е. П. Клейнмихель²⁰.

«С ранних лет, — вторил ей В. П. Мещерский, — в душе моей стали жить идеалы, идеалы любви к России, идеалы правды и честности. Отчетливо помню, как в ранние уже годы детства я постиг в атмосфере моих родителей, как надо любить Царя... Они жили в карамзинских преданиях этой любви к Царю. Это был глубокий и высокий культ, но именно потому он не допускал ничего, похожего на ложь, на холопство, на заискивание того, что удовлетворяет чванству <...> Дух гордой, чистой и беспредельной любви к Царю Карамзина царил в нашей семье»²¹.

Рефреном к этим словам звучат строки из письма сына Екатерины Петровны Клейнмихель, Николая, написанные им в 1917 г.: «Я верил и поныне уверен в том, что сильная власть, единая воля монарха, беззаветно любящего свою страну, стоящего по рождению выше партий и от колыбели приготовленного к несению бремени власти, может руководить судьбами такой страны, как Россия, что лишь такая власть может ее, неделимую, вести к славе и дать возможность ее разноплеменным народностям постепенно устраивать свое счастье. Происходящее в России после падения монархии убеждает меня в том еще более»²².

Революция разметала потомков Н. М. Карамзина. Убежденные монархисты, они не могли поступиться своими убеждениями. Одни из них, как Николай Клейнмихель, были расстреляны в первые годы советской власти, другие — покинули страну, унося с собой веру в грядущее возрождение России.

¹⁶ Письмо Е. П. Клейнмихель к Александру III от 27 августа 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 826. Л. 1 об. — 2.

¹⁷ Письмо кн. В. П. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу. [Позже 8 ноября 1887] // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 105. Л. 21. Подробнее этот сюжет см.: Черникова Н. В. Этот невозможный князь... Мифологема Владимира Мещерского // Родина. 2014. № 9. С. 83–86.

¹⁸ Письмо Е. П. Клейнмихель к Александру III 27 августа 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 826.

¹⁹ Письмо кн. В. П. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу от 12 августа 1869 г. // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу. 1869–1878. С. 191.

²⁰ Письмо Е. П. Клейнмихель к Александру III 27 августа 1891 г. // Там же. Л. 1 об.–2.

²¹ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 7–8.

²² Клейнмихель В., Клейнмихель Е. В тени царской короны. Симферополь, 2009. С. 215.

Д. Н. ШИЛОВ

Именные указы и высочайшие повеления Сенату как источник биографических сведений о высшем чиновничестве первой четверти XIX в.

В современной историографии политической истории Российской империи очевиден повышенный интерес к персональному составу чиновничества XIX в. Интерес этот находит выражение в двух основных направлениях исследований — в изучении типичных черт отдельных категорий служилого класса, отобранных по региональному, должностному, хронологическому признакам, и в разработке индивидуальных и коллективных биографий конкретных государственных деятелей. Первое направление берет начало в трудах П. А. Зайончковского, А. В. Елпатьевского, В. Пинтнера, Б. Линкольна и других отечественных и зарубежных ученых. Второе активно развивается в нашей стране с начала 1990-х гг. и уже достигло значительных результатов: только диссертаций и монографий о выдающихся представителях дореволюционной российской бюрократии опубликовано уже много десятков¹.

Следствие столь несомненной актуальности темы — необходимость систематического выявления и всестороннего изучения источников информации о российском чиновничестве. В историографии давно признано, что одним из основных видов таких источников, причем как для историко-типологических, так и для биографических исследований, являются формулярные (послужные) списки (формуляры) и, в меньшей мере, личные дела гражданских служащих.

Формуляр — это «скелет» биографии любого чиновника. Его исключительное значение объясняется как информационной насыщенностью этого документа («вся служебная жизнь чиновника, занесенная установленным порядком в графы»²), так и его статусной ролью в жизни служащего («всё время я находился на службе, дослужился до чина действительного статского советника и формуляр имею не замазанный»³).

Формулярные списки — источник для исследователей хорошо известный и активно ими используемый. Однако широкомасштабное заимствование данных формуляров в трудах современных историков пока не сопровождается должным источниковедческим изучением этих документов. Как справедливо заметил В. А. Иванов, «несмотря на большой информационный потенциал этого источника..., в литературе до конца не выясненным остается вопрос о достоверности содержащихся в формулярах сведений»⁴.

Тем не менее, как можно заключить из имеющихся в историографии немногочисленных источниковедческих наблюдений над формулярными списками, а также из самого факта их массового использования многими исследователями, в целом степень достоверности данных этих документов признается высокой. В общем с этим утверждением можно согласиться — по-видимому, основная масса сведений формуляров соответствовала действительности. Тем не менее, необходим анализ каждого раздела этого документа в отдельности, в связи с его назначением и историческим контекстом (цели правительства при запросе той или иной информации, заинтересованность чиновничества в ее предоставлении или сокрытии, возможности контроля за ее адекватностью).

С другой стороны, ошибки, неточности и пропуски, случайные и преднамеренные, в формулярах не редкость — это тоже очевидно. Как следствие, общий вывод о высокой степени достоверности формулярных списков, достаточный для корректности изучения социальных характеристик многочисленных по составу региональных или профессиональных групп российской бюрократии, не может

¹ Историография обоих упомянутых направлений чрезвычайно обширна. О первом см., например: *Иванов В. А.* О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII — начало XX в. // *Вестник архивиста.* 2012. № 4. С. 30–39. Представление о масштабах развития второго направления можно составить по фундаментальному библиографическому указателю: *Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX — начало XX в.): Ук-ль трудов, лит. о жизни и деятельности.* Ч. 1; Ч. 2, кн. 1–2. М., 2006–2013.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. С. 538.

³ *Чехов А. П.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1970. Т. 2. С. 411 (цитата из рассказа «Пассажир первого класса»).

⁴ *Иванов В. А.* О достоверности сведений формулярных списков... С. 31.

быть приложен к биографическому исследованию при использовании отдельно взятого формулярного списка конкретного государственного деятеля.

Приведу пример. По наблюдениям В. А. Иванова, при сопоставлении вычисляемых по возрасту дат рождения одного и того же лица, почерпнутых из разновременных его формуляров, даты эти, как правило, совпадают; следовательно, информация эта достоверна⁵. Но при определении точного года рождения такая логика легко может привести к заблуждению. Так, в первом формулярном списке К. П. Победоносцева, на 1846 г., его возраст указан правильно — 19 лет⁶ (родился 18 ноября 1827 г.). А вот в последующих списках, которые удалось выявить, возраст начинает отставать от реального на 1–2 года: на 17 июня 1863 г. — 35 лет, на 3 марта 1870 г. — 40 лет, на 1880 г. — 52 года, на 1887 г. — 58 лет, на 1892 г. — 64 года, на 1894 г. — 65 лет, на 1905 г. — 78 лет⁷. По-видимому, причиной тому была канцелярская небрежность. В конце концов, это привлекло внимание Победоносцева, и он внес необходимое уточнение, о чем свидетельствует помета на одном из формуляров: «Лета от роду испр<авлены> в 1898 г. по указанию его высокопревосходительства»⁸.

Еще одна существенная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении и использовании формулярных списков, это репрезентативность данного вида документов в разные исторические периоды. Первая четверть XIX в. в этом отношении заметно отличается в худшую сторону от последующих десятилетий. Еще в 1798 г. Герольдией был издан указ о ежегодной присылке формуляров из всех государственных учреждений страны, однако, насколько можно судить по сохранившимся результатам этого указа⁹, выполнялся он далеко не в полной мере.

Более того, полнота корпуса формулярных списков за первые десятилетия XIX в. зависит от категории чиновничества, причем зависимость эта, на первый взгляд, нелепа: хуже всего формуляры представлены по наиболее высокопоставленным бюрократическим группам — министрам, членам Государственного совета, сенаторам, губернаторам. Достаточно сказать, что не удалось выявить *ни одного* формулярного списка действующего штатского министра эпохи Александра I. Объяснение этому факту заключается, по-видимому, в том, что в тот период правительство смотрело на формуляры исключительно с практической точки зрения: они были нужны для принятия заочных кадровых решений, для назначения, перемещения, увольнения, награждения чиновников, императору и руководителям ведомств совершенно не известных. Представителей же высшей бюрократии монарх и министры знали лично, что делало представление (и, следовательно, составление) формулярного списка излишним. А на более высокий уровень регламентации государственной службы, когда формуляры стали регулярно вестись уже на всех чиновников без исключения, правительство вышло позднее, в 1830-х — 1840-х гг.

Таким образом, формулярные списки не могут рассматриваться в качестве основного источника биографических сведений о представителях российской государственной элиты первой четверти XIX в. Их необходимо дополнять, а часто и заменять другими источниками. Существующие печатные словари и справочники, несмотря на их обилие и многообразии, не могут с успехом восполнить отсутствующие формуляры, поскольку их авторы и составители пользовались не всегда достоверными, противоречащими друг другу источниками и не привлекали систематически документацию государственных учреждений.

Биографическую информацию, позволяющую реконструировать отсутствующие и дополнить и исправить имеющиеся формуляры первой четверти XIX в., содержат именные указы и высочайшие повеления Сенату, объединенные после 1917 г. в особую коллекцию и ныне составляющие отдельный фонд в Российском государственном историческом архиве (ф. 1329). Как известно, формулярные списки на протяжении всей истории своего существования и составлялись в значительной мере по именованным указам и высочайшим повелениям (позднее высочайшим приказам по гражданскому ведомству). Личные дела служащих второй половины XIX в. часто включают эти

⁵ Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков... С. 36.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 44. Д. 1477. Л. 2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1582. Оп. 38. Д. 2810. Л. 5 об.; Ф. 1405. Оп. 545. Д. 10306. Л. 9 об.; Ф. 797. Оп. 50. 1 отд. 1 ст. Д. 58. Л. 54 об., 67 об., 208 об.; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 423. Л. 95а об.; Ф. 797. Оп. 64. 1 отд. 1 ст. Д. 28. Л. 3 об.; Ф. 1409. Оп. 9. Д. 168. Л. 2 об.; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 423. Л. 124 об.

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 64. 1 отд. 1 ст. Д. 28. Л. 3 об.

⁹ См.: РГИА. Ф. 1349 [формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)]. Оп. 4 (формуляры за 1797–1846 гг.).

документы в подлинниках. Документы фонда 1329 содержат сведения о назначениях, перемещениях, увольнении высших гражданских чиновников, пожаловании их титулами, награждении орденами, аррндами и пенсиями, предоставлении им отпусков и т. д. Таким образом, информация из именных указов и высочайших повелений соответствует содержанию основного раздела формулярного списка — о прохождении службы. В то же время достоверность данных из именных указов не вызывает сомнений, ошибки и описки в них, а тем более сознательное искажение фактов были невозможны. Это делает их наиболее авторитетным источником для воссоздания биографий конкретных государственных деятелей.

Информационное значение именных указов и высочайших повелений было по достоинству оценено еще во второй половине XIX в., когда сотрудниками Сенатского архива в Петербурге была начата их публикация (за исключением документов, вошедших в «Полное собрание законов»). Были изданы указы за 1704–1765 и 1796–1801 гг.¹⁰ После 1917 г. публикация прервалась и уже не возобновлялась.

Именные указы и высочайшие повеления за царствование Александра I хранятся в составе двух описей фонда 1329 (1-й и 3-й) и составляют 271 архивную единицу (197 и 74), от 300 до 600 листов каждая. Одно дело охватывает, как правило, месяц или два (редко меньше, чаще больше, например, в период войн с Наполеоном, когда количество указов и повелений заметно сократилось). Расположение документов внутри дел строго хронологическое. В столь значительном объеме описываемых материалов (свыше 100 тыс. листов только за рассматриваемый период) и заключается главная трудность их изучения. Никаких указателей или реестров к делам нет, поиск информации о конкретном лице можно осуществить лишь трудоемким путем полистного просмотра.

Сравнительно редкие пока обращения исследователей к документам фонда 1329, как к источнику биографических данных,

¹⁰ Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. 1–3. СПб., 1872–1878 (указы за 1704–1762 гг.); Сенатский архив. Т. 1: Именные указы императора Павла I. СПб., 1888; Сенатский архив. Т. 12–15. СПб., 1907–1913 (указы за 1762–1765 гг.). Сохранились также подготовительные материалы к томам за 1766–1768 гг. (см.: РГИА. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 409–415, 418).

уже позволили сделать ряд важных уточнений. Так, например, М. А. Приходько установил ошибочность широко распространенного в исторической литературе утверждения, что граф Н. П. Румянцев был назначен министром коммерции в тот же день, что и семь его коллег, т. е. в день учреждения министерств в России, 8 сентября 1802 г. На самом деле это произошло значительно раньше — 11 декабря 1801 г.¹¹

В процессе подготовки третьего издания биобиблиографического справочника о государственных деятелях Российской империи¹² мною осуществляется просмотр именных указов и высочайших повелений за полувековой период, с 1780 по 1830 г. Изучение материалов первой четверти XIX в. позволило внести существенные коррективы и дополнения в тексты статей справочника о государственных деятелях Александровской эпохи, в том числе и тех, чьи биографии, казалось бы, хорошо изучены.

Так, например, сохранившийся в РГВИА послужной список министра военных сухопутных сил М. Б. Баркляя де Толли¹³ не упоминает о том, что 24 августа 1812 г. он был формально уволен от звания министра; именной указ также дал возможность уточнить дату пожалования ему графского достоинства — 29 декабря 1813 г. (в литературе присутствуют противоречивые сведения).

В литературе о князе А. Н. Голицыне упоминается, что он был назначен министром духовных дел и народного просвещения 24 октября 1817 г. Однако согласно именованному указу это произошло почти месяц спустя — 19 ноября. А в служебную биографию его преемника по должности обер-прокурора Синода князя П. С. Мещерского, отраженную, кстати, в нескольких формулярных списках¹⁴, именные указы позволили внести целый ряд поправок: он был назначен членом «Новороссийской конторы опекунства иностранных [поселенцев]»

¹¹ Приходько М. А. Генезис должности министра коммерции в государственной системе Российской империи в начале XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 2. Коломна, 2015. С. 5–7.

¹² Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: биобиблиогр. справ. СПб., 2001; Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 51–58.

¹⁴ Наиболее полный содержится в деле о его кончине: РГИА. Ф. 1347. Оп. 96. Д. 689.

и пожалован в камер-юнкеры 20 декабря 1805 г. (по формуляру — 5 декабря), назначен херсонским губернатором 18 февраля 1808 г. (по формуляру — 7 января), утвержден в должности обер-прокурора 5-го департамента Сената 24 июля 1810 г. (в формуляре этот факт отсутствует), уволен от этой должности 13 октября 1817 г. (по формуляру — 17 октября) и др.

Именные указы, касающиеся карьеры А. Н. Оленина, также выявляют ряд ошибок в его формулярном списке¹⁵. Так, в последнем не упомянуто, что в день учреждения министерств Оленину было повелено «находиться в канцелярии министра внутренних дел». Назначение помощником к главному директору Императорских библиотек графу А. С. Строганову произошло не 27-го (формуляр), а 29 апреля 1808 г., президентом Императорской Академии художеств — не 17-го (формуляр), а 21 апреля 1817 г., статс-секретарем Департамента законов — не 25 апреля (формуляр), а 26 августа 1818 г.

Формулярные списки графа М. М. Сперанского¹⁶ датируют его производство в действительные статские советники 9 июля 1801 г. Между тем именной указ об этом состоялся год спустя — 9 июля 1802 г. Неточна в формулярах и дата назначения его членом Комиссии составления законов — 8 сентября 1808 г. (правильно — 2 сентября).

Приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что именные указы являются важнейшим источником биографической информации, позволяющим корректировать данные формулярных списков. Кроме того, для первых двух-трех десятилетий XIX столетия именные указы зачастую остаются единственным источником достоверных сведений о карьере многих видных государственных деятелей. Данные этих документов с успехом восполняют и отсутствие формуляров, и информационные лакуны в них. Все сказанное позволяет рассматривать именные указы и высочайшие повеления Сенату как незаменимый в биографическом исследовании корпус исторических документов, достойный более внимательного к себе отношения со стороны современных специалистов по персональному составу высшей российской бюрократии.

Сведения об авторах

Афанасьев Григорий Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного исторического архива.

Баев Олег Валериевич — кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

Барыкина Инна Евгеньевна — кандидат исторических наук, докторант-соискатель Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Берсенева Владимир Вячеславович — главный специалист Российского государственного исторического архива.

Богданова Татьяна Васильевна — главный специалист Российского государственного исторического архива.

Болотина Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Зайтунов Расих Батырович — кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета.

Зарембо Наталья Геннадьевна — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного исторического архива.

Калашников Михаил Васильевич — старший преподаватель Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина.

Киселев Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН.

Крылов Никита Сергеевич — главный специалист Российского государственного исторического архива.

Куликова Ангелина Викторовна — старший библиограф Российской национальной библиотеки.

Лютко Евгений Игоревич — аспирант, лаборант Научного центра истории богословия и богословского образования при Богословском факультете Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Манойленко Юрий Евгеньевич — кандидат исторических наук, секретарь Научного совета, главный специалист Российского государственного исторического архива.

Мироненко Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации.

¹⁵ См., например: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 379.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 637. № 732; РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 5935.

Миронова Дарья Алексеевна — студентка Смоленского государственного университета.

Мишанина Елена Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории исторического степеведения Института степи Уральского отделения РАН.

Раздорский Алексей Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки.

Рачковская Ольга Вениаминовна — журналист, фотограф, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, член Русского географического общества.

Романова Галина Валентиновна — кандидат исторических наук, заместитель директора, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Ульяновской области.

Сапченко Любовь Александровна — доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

Славнитский Николай Равильевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Фортунатов Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Черникова Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Шилов Денис Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

Содержание

<i>С. В. Чернявский</i> Предисловие научного редактора	3
<i>Г. Ю. Афанасьев</i> «Перед лицом стихии»: государство и общество России в ликвидации последствий Петербургского наводнения 1824 г.	5
<i>О. В. Баяев</i> Н. М. Карамзин и Д. А. Гурьев: союзники или оппоненты?	12
<i>И. Е. Барыкина</i> Самодержавная власть в поиске эффективных механизмов государственного управления в XIX в. (отражение тенденций, сложившихся в первой четверти столетия, в документах из фондов РГИА)	19
<i>В. В. Берсенев</i> Губернатор С. С. Кушников и Карамзины	26
<i>Т. В. Богданова</i> Н. Ф. Эмин — поэт и губернатор	32
<i>Н. Ю. Болотина</i> Н. М. Карамзин и его предки на страницах архивных дел РГАДА	39
<i>Р. Б. Зайтунов</i> Н. М. Карамзин о некоторых аспектах истории башкирского народа	47
<i>Н. Г. Зарембо</i> Материалы о князе В. П. Мещерском в фондах РГИА	50
<i>М. В. Калашников</i> Д. Н. Блудов и Н. М. Карамзин	57

178	Содержание
	<i>М. Ю. Киселев</i>
	Документы о Н. М. Карамзине в фондах Архива Российской академии наук 64
	<i>Н. С. Крылов</i>
	Министерская служба И. И. Дмитриева (1810–1814 гг.) 71
	<i>А. В. Куликова, А. И. Раздорский</i>
	Николай Михайлович Карамзин в российских региональных энциклопедиях 88
	<i>Е. И. Лютъко</i>
	«История государства Российского» Н. М. Карамзина в контексте развития церковной историографии в России 1840–1850-х гг. (пример П. С. Казанского) 95
	<i>Ю. Е. Манойленко</i>
	«На пороге вечности». Н. М. Карамзин и междуцарствие 1825 г. ... 102
	<i>С. В. Мироненко</i>
	Александр I и Н. М. Карамзин 107
	<i>Д. А. Миронова</i>
	Выпускники Греческого корпуса для чужестранных единоверцев — герои Отечественной войны 1812 года 112
	<i>Е. В. Мишанина</i>
	«Оренбургская» версия рождения Н. М. Карамзина в архивных источниках 122
	<i>О. В. Рачковская</i>
	Н. М. Карамзин — путешественник. Швейцарский маршрут автора книги «Письма русского путешественника» спустя два столетия ... 129
	<i>Г. В. Романова</i>
	Общественные инициативы Симбирской губернской ученой архивной комиссии по увековечиванию имени Н. М. Карамзина .. 135
	<i>Л. А. Сапченко</i>
	«Петербургская пятидесятница»: материалы к хронике жизни и творчества Н. М. Карамзина в фондах РГИА и НИОР РГБ 140

Содержание	179
<i>Н. Р. Славнитский</i>	
С. К. Вязмитинов — военный администратор конца XVIII и начала XIX в. 147	
<i>В. В. Фортунатов</i>	
Транспорт России в эпоху Карамзина 153	
<i>Н. В. Черникова</i>	
Наследники Н. М. Карамзина (середина — вторая половина XIX в.) 161	
<i>Д. Н. Шилов</i>	
Именные указы и высочайшие повеления Сенату как источник биографических сведений о высшем чиновничестве первой четверти XIX в. 168	
Сведения об авторах 175	

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Карамзинские чтения

Выпуск 1

Составители *Н. В. Колосенкова, Ю. Е. Манойленко*

Научный редактор *С. В. Чернявский*

Технический редактор *А. Б. Левкина*

Корректор *Н. А. Иванова*

Дизайн обложки *Е. А. Бескорцева*

Оригинал-макет *Ж. О. Григорьева*

Подписано в печать 07.09.2016. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,2.
Тираж 300 экз. Заказ № 170.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66, 766-06-83
E-mail: renome@comlink.spb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru